

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Кун Вэйкань

**Качественно-обстоятельные наречия в функции маркеров
стереотипных представлений о народах азиатских стран**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор И. Т. Вепрева

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Стереотип в современной науке: определение и типология	17
1.1. Формирование и развитие понятия стереотип в современной науке	17
1.2. Формирование и развитие понятия <i>этностереотип</i> в современной науке	24
1.3. Типология стереотипов	32
1.4. Методологические основы изучения стереотипов	41
Выводы	47
Глава 2. Стереотипные представления русских об Азии и азиатах.....	49
2.1. Оценочные стереотипные представления русских об Азии и азиатах	49
2.2. Лексема <i>азиатчина</i> как вербализация стереотипного отношения к Азии	62
Выводы	75
Глава 3. Репрезентация стереотипных представлений о Китае и китайцах	78
3.1. Матрица аспектной характеристики носителя другого этноса	78
3.2. Антропологические характеристики китайцев	80
3.3. Ментальные характеристики китайцев	83
3.4. Социальные характеристики	103
3.5. Социолингвистический опрос	117
Выводы	121
Глава 4. Репрезентация стереотипных представлений о Японии, Корее, Вьетнаме и Монголии	123
4.1. Репрезентация стереотипных представлений о Японии	123

4.2. Репрезентация стереотипных представлений о Корее	145
4.3. Репрезентация стереотипных представлений о Вьетнаме	160
4.4. Репрезентация стереотипных представлений о Монголии	172
4.5. Универсальность и специфика этностереотипов азиатских стран	183
Выводы	196
Заключение	199
Список используемых словарей и грамматик	202
Список использованной литературы	204

Введение

Диссертационное исследование выполнено в русле лингвокультурологического и лингвоаксиологического направлений современной лингвистики и посвящено анализу этнических стереотипов о народах Азии, эксплицитно маркированных качественно-обстоятельственными наречиями.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, включенностью диссертационной работы в контекст современных этнолингвистических исследований, концентрирующих внимание на стереотипах, строящихся на основе представлений, бытующих в обыденном языковом сознании носителя языка и выступающих в роли этнокультурного идентификатора национальной культуры; в контекст исследований по коммуникативной лингвистике, изучающей обширный арсенал языковых средств, маркирующих этнокультурные стереотипы. К экстралингвистическим факторам мы отнесем новую волну интереса к Азии в геополитике. Среди многочисленных концепций нового мирового устройства [см. о теории многополярного мира: Дзюба, Еремина 2023; Пильгун 2023] оказалась востребованной идея партнерства цивилизаций и объединений на пространстве Большой Евразии при лидерстве Востока [Яковец, Растворцев 2017]. В настоящее время отношения России и Азии приобрели особую значимость: Азия является перспективным с экономической точки зрения регионом, развитие отношений с которым является одним из приоритетов современной России [Нарочницкая 2011: 32].

В русском языковом сознании сложилось стереотипное противопоставление двух континентов – Европы и Азии, на которых расположилась Россия. Истоки этой дихотомии лежат в многовековой и противоречивой истории взаимоотношений Запада и Востока. Общим местом в гуманитарных исследованиях является мысль о цивилизационной принадлежности России к Европе: европейская идентичность русских опирается на этнический состав славянского населения, на культурную и

религиозную общность. В то же время отличие России от Европы тоже никем не оспаривается. Дрейф России в сторону Азии связывают, прежде всего, с татаро-монгольском нашествием, которое привело к увеличению разрыва в развитии между Россией и Европой. Татаро-монгольское иго нанесло Руси множество политических, культурных и духовных потерь – феодальное порабощение, деградация городов, разрушение храмов и т. д. [Севастьянов 2018: 9–10].

Русская географическая и культурная экспансия на восток продолжилась в XVI веке в связи с появлением Казанского и Астраханского ханств. В XVII в. Россия движется в сторону Дальнего Востока – Забайкалья, Приамурья, осваивая новые азиатские территории. Интерес России к Азии усиливается в XVIII в., когда формируется феномен русского ориентализма, выражающийся в интересе к азиатской культуре [Арсланов 2021: 602–603].

Негативные стереотипы об азиатах стали формироваться в русском языке рано и связаны с освоением Российской империей региона Центральной Азии. Продвижение России в Центральной Азии началось в первой половине XVIII в. [Центральная Азия 2008: 44]. Во второй половине XIX в. под протекторатом России оказалась значительная часть современной Центральной Азии, на территории которой проживали кочевые народы, и в работах отечественных публицистов второй половины XIX в. азиатские народы были показаны как «дикари», «привыкшие к независимой и воинственной жизни», которых необходимо «обуздать», покорив их и принеся им цивилизацию [Кудряшев 2015: 83].

Первые контакты России с соседними Японией, Монголией, Китаем и Кореей были торговыми, и торговые связи составляли основу двусторонних контактов вплоть до начала XX в. [Шкунов 2015: 358]. С более отдаленным Вьетнамом основы двусторонних отношений были заложены лишь в советский период. Жители стран Восточной Азии, с которыми велись торговые отношения, оценивались в русском обществе дореволюционного периода высоко [Севастьянова 2019: 66]. Но в период ухудшения отношений

Российской империи со странами Восточной Азии на рубеже XIX—XX вв стали формироваться стереотипы о «коварных» и «свирепых» азиатах, что обуславливалось ведением войны с Японией [Гузей 2012: 113].

В 1920-1930-е годы XX века в среде русской эмиграции возникла концепция евразийства. В исследованиях Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого акцентировалась роль восточных корней русского этноса и евразийской культуры, утверждалась мысль о том, что Россия является особой цивилизацией, сочетающей в себе элементы Востока и Запада и предлагающей свой путь развития, отличный от европейского и азиатского [Соколов 2014: 28].

В советский период российское евразийство развивалось не только в идеологическом, но и в практическом смысле. Внутренняя миграция населения и браки между жителями европейской и азиатской территории СССР способствовали формированию евразийского государства и проникновению разных культур [Носов 2013: 26]. Ярко выраженный азиатский характер российского общества свидетельствует об особом месте Азии в России. Для россиян по-прежнему актуален вопрос о принадлежности России к западной или восточной культуре.

Успехи Азии во всех сферах экономической и общественной жизни, усиление азиатского дрейфа России требуют перемен в умонастроениях россиян, разрушения сложившихся стереотипов. Востоковеды призывают «распрощаться с образами, забивающими наше массовое сознание по поводу Востока» [Ванчугов 2015: 256]: «востоковедные знания должны ...перейти из разряда специальных знаний в разряд знаний общих» [Карелова 2015: 157]. Чтобы процесс разрушения стереотипов приобрел динамичный характер, необходимо провести своеобразную инвентаризацию современных стереотипных представлений об Азии и народах, населяющих континент, составить представление о сложившемся положении дел.

Базовым понятием нашей работы является термин *стереотип*, который, появившись в научных трудах как социопсихологический термин, см. первое

упоминание термина в: [Липпман 2004], стал исследоваться в различных сферах гуманитарного направления, в том числе и в лингвистике. Под стереотипом стал пониматься «схематический, стандартизированный образ или представление об объекте, явлении, народе, стране, обычно эмоционально окрашенный и обладающий большой устойчивостью» [Боголюбова, Николаева 2009: 48].

Один из видов стереотипа – этностереотип – в исследованиях этно- и социолингвистов рассматривается как «... схематичный, стандартизованный образ представителей того или иного этноса, эмоционально окрашенный и обладающий высокой устойчивостью» [Жеребило 2010: 410].

Степень разработанности проблемы. Изучение этностереотипных представлений находится в центре внимания антропологически ориентированной лингвистики, истоки которой мы находим как в фундаментальных трудах зарубежных лингвистов В. фон Гумбольдта и Э. Бенвениста, так и в развитии идей в отечественном языкознании, в работах, связанных с проблемами ментальности: Е.С. Кубряковой, В.В. Колесова, Ю.Д. Апресяна, В.А. Масловой и др.

Исследование этностереотипов напрямую связано с изучением проблем семантической категории чуждости (в работах А.Б. Пеньковского, Ю.С. Степанова и др.), коммуникативного поведения разных этносов (в работах И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова); выявления ценностных предпочтений, закрепленных в поведенческих и ментальных стереотипах, а также в текстах разных лингвокультур (см. работы ученых Уральской школы лингвокультурологии и стилистики, посвященные аксиологическим проблемам современной лингвистики, а также работы Е.Л. Березович, В.В. Дементьева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, М.Л. Ковшовой, В.Н. Телия, и др.).

Особую группу составляют лингвистические изыскания, где этностереотипы изучаются с опорой на представительный класс языковых маркеров – от номинативных единиц до суждений обобщенного типа (работы

Е.В. Ерофеевой, В.В. Красных, Л.П. Крысина, В.Г. Крысько, О.А. Леонтович и др.).

Особый этнолингвистический пласт славянских исследований составляют труды Польской этнолингвистической (Е. Бартминьский) и Московской этнолингвистической (Н.И. и С.М. Толстые) научных школ, а также ученых, посвятивших свои исследования славянским этническим стереотипам (О.В. Белова, В.М. Богуславский, Г.И. Кабакова, Е.Е. Левкиевская и др.).

Научная новизна диссертационной работы заключается в инвентаризации современных стереотипных представлений об Азии и азиатских народах; в введении в научный оборот в качестве ведущего маркера стереотипного представления качественно-обстоятельственного наречия; в комплексном исследовании с лингвоаксиологических позиций функционирования этностереотипов в СМИ, отражающих обобщенные и мифологизированные представления русских об Азии и конкретных народах, ее населяющих, в уточнении положения о том, что этнические стереотипы фиксируют в себе смысловые противоречия оценочного характера; в сравнительном анализе набора стереотипных представлений, характеризующих, с одной стороны, общую принадлежность азиатских стран к Востоку, с другой стороны, индивидуализацию этнических черт каждого азиатского этноса.

Объектом исследования являются этностереотипные представления русских об Азии и народах азиатских стран.

Предмет исследования – сущностные характеристики этностереотипных представлений об азиатах, китайцах, японцах, корейцах, вьетнамцах, монголах в русском языковом сознании, эксплицированные качественно-обстоятельными наречиями.

Цель данного исследования – на основе выборки контекстов с использованием электронной базы Интегрум проанализировать набор стереотипных представлений об Азии и азиатах, а также о ряде конкретных

этносов, населяющих Азию, и выявить доминантные стереотипные черты азиатских народов.

Достижение поставленной цели позволяет решить ряд конкретных **задач**:

- провести выборку контекстов, содержащих стереотипные суждения об Азии и народах, населяющих азиатский континент;
- охарактеризовать теоретические основы изучения стереотипов, провести обзор существующих типологий стереотипов;
- выявить языковые маркеры, манифестирующие этностереотипные представления русских об Азии и азиатах;
- проанализировать лексическую семантику существительных *азиат* и *азиатчина* по данным толковых словарей, выявить особенности функционирования лексики *азиатчина* в российских СМИ;
- выявить этностереотипные представления русских о народах Восточной Азии – Китая, Японии, Кореи, Монголии – и Вьетнама, страны Юго-Восточной Азии, выражаемые качественно-обстоятельственными наречиями;
- определить сходство и различие в стереотипном представлении народов Азии.

Инструментом для выявления стереотипных представлений в диссертационной работе взят класс качественно-обстоятельственных наречий, мотивированных прилагательными, с компонентами *по-* и *-и*: *по-азиатски*, *по-китайски*, *по-японски*, *по-корейски*, *по-вьетнамски*, *по-монгольски*, которые в силу своей семантики являются маркерами для определения устойчивых представлений об определенном объекте в общественном сознании.

Азия — континент, на котором располагается большое количество стран с разными языками, этническими традициями, религиями и своей национальной историографией. Степень единства стран, кроме их географического расположения, кажется минимальной. Стереотипизация Азии и коренных народов ее населяющих (азиатов) связана не с обозначением

совокупности представителей разных народов, а с оценкой «расовой, этнической либо культурной категории, в широком смысле противостоящей категории “белый (европеец)”» [Ставропольский 2016: 238].

Для выявления стереотипных представлений о конкретных этносах нами были выбраны народы, населяющие Восточную Азию – китайцы, японцы, корейцы и монголы, а также вьетнамцы, населяющие Юго-Восточную Азию. В поле нашего исследовательского внимания не вошли азиатские народы Средней Азии, входившие в состав бывшего СССР, в силу небольшой представленности языкового материала в СМИ – качественно-обстоятельственных наречий, выбранных нами в качестве основного маркера этностереотипных представлений.

Для выявления стереотипов в языке используют различные языковые показатели стереотипизации. Одним из главных показателей считается повторяемость характеристики, высокий уровень закреплённости характеристики в языке. К языковым средствам обозначения этнических стереотипов можно отнести целый перечень языковых единиц, см.: [Крысин 452–453], который показывает, что язык обладает достаточным арсеналом языковых форм, которые могут помочь исследователю в выявлении этностереотипов.

В диссертационной работе в качестве главного диагностирующего средства представлены качественно-обстоятельственные наречные образования со структурным компонентом *по-* *-и*. Данный класс единиц академическая Грамматика относит к собственно-характеризующим наречиям [Грамматика 1980. Т.1: 704] с частными значениями «качественности и свойственности» [там же]. «Ономасиологическим эквивалентом наречий выступают сочетания подобия, включающие сравнительный союз как: по-деревенски = как в деревне; по-мужски = как мужчины; по-русски = как русские» [Калугина 2019: 286]. В.В. Виноградов указывал на сложную смысловую многослойность этих наречий, образующую «смысловую амальгаму» этого класса [Виноградов 1972: 299].

Эту группу иногда называют сравнительно-уподобительными наречиями [Балабанова 2008; Бобунова 2010; Огольцева 2008], поскольку они «указывают на образ и способ действия путем сравнения или уподобления, на сходство с ситуацией, типичной для некоторого класса объектов (*по-человечески*). Особенность этого класса наречий состоит в том, что независимо от «качества» производящего слова производное слово – качественное наречие» [Козельская, Панфилов 2016: 30], внутри класса выделяется 8 моделей толкования, которые зависят от семантики производящего слова. Среди них отдельно подчеркнем то, которое реализуется в рамках нашей работы: «1. Как свойственно кому/чему, как характерно для кого/чего. Это толкование используется, если производящая основа обозначает название страны (*по-американски*), народа (*по-аварски*), место жительства (*по-московски, по-деревенски*)» [там же].

В силу специфики своей семантики данный класс наречий может являться базой, обеспечивающей достижение цели для выявления стереотипных представлений об особенностях этнического характера и этнических привычек, см., например: [Вепрева 2016а; 2016б; Новоженова 2014; Уонг Минь Туан 2017; Михайлова, Юйсяо 2018].

Анализ лексикографического материала показывает, что этнокультурная информация, заложенная в данном классе наречий, отражена в словарях системно (с формулировкой «такой, как...; характерный для...»). Подобные наречия в качественном значении начинают фиксироваться в текстах, в основном, с начала XIX века. См. пример экспликации стереотипа в толковании В.И. Даля: «**По-русски** нар. // По обычаю русских, или как русские. *По-русски ругаться*, пахабно, непристойно. *Мы с ним по-русски (по-свойски) поправились*, поколотили, побили. *Кланяться по-русски*, наклоном головы, не шаркая и не приседая. *Угощать по-русски*, торовато, хлебосольно. *Пьет по-русски, а врет по-немецки* [Даль Т.3 : 845].

Для выявления стереотипов были использованы *биграммы* – «пары слов, употребляющиеся в одном фразовом контексте» [Мухин 2015: 107], и

представляющие собой сочетание наречия с контекстными партнерами. При этом может учитываться как левая, так и правая валентность. Чаще синтагматическими партнерами наречию становятся краткие или полные прилагательные, а также глагольная лексика.

Во второй главе по принципу дополнения для выявления этностереотипов будут также использоваться и другие языковые средства, в частности, кванторные единицы *все, каждый, любой*, ограничительно-выделительная частица *даже* и некоторые другие лексемы (например, *настоящий, истинный*). Этностереотипные знания включает и такой жанр, как этнический анекдот.

Материал и его источники. Эмпирической базой нашего исследования являются контексты, собранные с использованием электронной базы данных Интегрум (Integrum.ru), которая на настоящий момент содержит 3593 источника русскоязычных СМИ. Покажем количество контекстов с данными наречиями, представленными в Интегруме: *по-азиатски* – 317 употреблений; *по-китайски* – 10504; *по-японски* – 10096, *по-корейски* — 4176, *по-монгольски* — 716, *по-вьетнамски* — 588.

Степень достоверности результатов исследования достигается за счет привлечения широкого языкового материала, подтверждающего выводы, применения взаимодополняющих методов и приемов работы.

Теоретическая значимость диссертационной работы обусловлена возможностью использования ее результатов в работах по лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвистической аксиологии, в междисциплинарных исследованиях. Проведенный анализ особенностей этностереотипных представлений может служить основой для дальнейшего изучения функционирования в тексте этностереотипов. Полученные результаты исследования способствуют углублению представлений о языке как средстве конструирования социальной реальности.

Методология и методы диссертационного исследования обусловлена поставленными в диссертации целью и задачами. В диссертационном исследовании

используется метод общенаучного лингвистического описания, который объединяет конкретные методические приемы наблюдения, обобщения, интерпретационного комментария и классификацию языковых фактов. В процессе интерпретации стереотипных представлений использовались группа методов и приемов дефиниционного, контекстологического, лексико-семантического анализа лексических единиц, манифестирующих этнические признаки. Традиционные методы сочетались в работе с методами корпусной лингвистики, которые используют количественные методики, учитывающие частотные характеристики исследуемых единиц.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности применения результатов работы в преподавании вузовского курса лингвокультурологии, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвоаксиологии, курса по лингвострановедению в преподавании русского языка как иностранного. Результаты диссертационного исследования, посвященного проблемам этнической стереотипизации, могут быть направлены для внедрения в практическую деятельность каждого члена общества, чтобы помочь человеку ориентироваться в межкультурной коммуникации.

Положения, выносимые на защиту

1. Качественно-обстоятельственные наречия являются надежным диагностирующим языковым маркером, помогающим выявить основные стереотипные характеристики исследуемого объекта и создать непротиворечивую картину стереотипного портрета того или иного этноса.

2. Наречие *по-азиатски* является одним из маркеров амбивалентного стереотипного отношения к Азии. Складывается дихотомия образа Азии, с одной стороны, с признаками мудрости, почтительности, уважительности, радушия и щедрости, с другой, хитрости, коварства, жестокости.

3. Аксиологическое наполнение семантики наречия *по-азиатски* контекстно обусловлено. В рамках реализации базовой дихотомии Европа — Азия оно становится одним из маркеров отрицательного отношения к Азии.

Качественно-обстоятельственные наречия *по-азиатски* и *по-европейски*, помещенные в один сопоставительный ряд, реализуют аксиологически противоположные смыслы: *по-азиатски* дикий, хитрый, коварный, грубый и другие негативные характеризаторы, *по-европейски* культурный, цивилизованный, качественный, идеальный и другие атрибутивы со знаком качества. Вне сравнения с европейскими канонами наречие *по-азиатски* заряжено положительно.

4. Негативная оценка слова *азиатчина* свидетельствует об отрицательном отношении к азиатскому началу русской ментальности. Понятийная и коннотативная составляющие слова обладают большим онтологическим весом мировоззренческого характера. Этим словом обозначается все то, что мы отвергаем на российской почве: пассивность, косность, культурную отсталость, отсутствие демократических принципов государственного управления, казнокрадство, взяточничество, коррупцию, антисанитарию. Все девиантное в гибридизированной культуре, сложившейся на российской основе, принято относить к азиатской стороне русской ментальности.

5. Корпус стереотипных представлений об анализируемых народах Азии систематизируется в рамках матрицы, включающей три аспекта характеристики носителя другого этноса: антропологический (1), ментальный (2) и социальный (3). Для полного заполнения матрицы потребовались в качестве дополнительных к качественно-обстоятельному наречию другие языковые средства, служащие для манифестации стереотипов.

6. Стереотипные представления об Азии — следствие исторически сложившихся межэтнических отношений. Синхронный срез стереотипных представлений о том или ином этносе, а также об Азии в целом, представляет собой диахронную стереотипную многослойность, проистекающую из смены культурных представлений в разные временные отрезки истории. Данной многослойностью часто объясняется амбивалентный характер оценочных

характеристик, объединяющих архаичные и новые стереотипные представления.

7. Стереотипные представления о конкретных народах стран Восточной и Юго-Восточной Азии в целом положительно очерчивают образ азиатских стран в общественном сознании россиян. Доминирует совокупность универсальных черт, свойственных народам изучаемых стран, прежде всего, на антропологическом и ментальном уровнях. При выделении объединяющих народы стереотипных характеристик различие может проследиваться внутри одной черты на уровне конкретного этноса. Так, трудолюбие азиатских народов – универсальная стереотипная черта, но если под трудолюбием китайцев или вьетнамцев понимается способность много и усердно работать, то под трудолюбием японцев – особая организация труда, внимание к мелочам, дисциплинированность.

Апробация работы. Материалы и основные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Материалы по теме диссертации были представлены на Международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2022, 2023, 2024), Международной научной студенческой конференции «Филология в XXI веке» (Пермь, 2023), Всероссийской научной конференции с международным участием «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2024). Содержание работы отражено в 10 публикациях, три из которых изданы в рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК.

Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении основного объема диссертационного исследования, в сборе материала на основе электронного корпуса, в выявлении стереотипных представлений о конкретных народах стран Восточной и Юго-Восточной Азии, в описании особенностей функционирования лексики *азиатчина* в современных СМИ, в

выявлении параметров научной новизны проведенной работы, в формулировании положений, выносимых на защиту

Структура работы соответствует поставленным задачам и соотносится с избранными аспектами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка цитируемой литературы.

Глава 1. Стереотип в современной науке: определение и типология

Цель теоретической главы – обратиться к характеристике базового понятия работы – термину *стереотип*, его многоаспектной характеристике, к разработанным в науке типологиям стереотипов.

1.1. Формирование и развитие понятия стереотип в современной науке

Термин *стереотип* этимологически восходит к древнегреческому языку и образуется от двух древнегреческих слов: «*στερεός*» – «твердый» и «*τύπος*» – «след от удара, отпечаток, образ» [Разумкова 2017: 454], внутренняя форма слова указывает на устойчивый образ или отпечаток. Первоначально термин *стереотип* использовался только как «типографский термин» [Нельсон 2003: 18].

Стереотип как научное понятие относится, прежде всего, к социологии и психологии. Теоретические основы изучения понятия в современной науке, а точнее – в социологии, были заложены американским общественным деятелем и журналистом У. Липпманом в 20-е гг. XX столетия. Ему принадлежит авторство оригинальной концепции, связанной с явлением стереотипизации, лежащим в основе общественного мнения. Для обоснования своего обычного взгляда на исследуемый феномен У. Липпман в книге «Общественное мнение» («Public Opinion» 1922 г.) ввел термин *стереотип* для оценки событий, при характеристике которых «очевидец привносит в описание что-то от себя, а потом представляет это как впечатление от описанного события» [Липпман 2004: 48].

Автор рассуждает о том, что большинство фактов не просто приходят из реальной действительности, «а отчасти конструируется в сознании. Воспринятое сообщение — это некий синтез познающего и познаваемого, в котором роль наблюдателя всегда избирательна и обычно созидательна. Факты, которые мы видим, зависят от того, где мы находимся и к чему привык наш глаз» [там же]. Стереотип, по У. Липпману, отражает не действительность, а представления человека об этой действительности, существующие в его сознании. При этом велика доля искажения или упрощения.

В работе выделяются основные характеристики стереотипов, с помощью которых мы можем лучше понять природу этого явления. Во-первых, стереотипы характеризуются простотой, то есть они проще, чем на самом деле есть существующее положение дел. Во-вторых, стереотипы являются отражением коллективного опыта, поскольку люди приобретают их через средства массовой информации или в процессе общения с другими людьми. В-третьих, стереотипы в определенной степени ложны, поскольку они приписывают целой группе людей признаки, которыми они не обязательно обладают. В-четвертых, стереотипы стабильны, то есть они существенно не меняются с течением времени [Липпман 2004].

В связи с вышесказанным стереотипы можно описать как упрощенные и устойчивые представления определенных групп людей, на которые они «смотрят... как на “реальность”» [там же: 135] и которые могут не походить на нее, за исключением тех, что, в конечном итоге, приводят к выводам, согласующимся с реальным опытом.

Долгое время стереотипы в психологической и социологической науках воспринимались как негативный термин, так как «рассматривались как проявление иррационального, неаналитического способа познания» [Нельсон 2003: 19]. Подверженность человека стереотипизации воспринималась как моральный недостаток его характера, как предвзятое отношение к какой-либо группе людей. Одним из первых пересмотреть характер стереотипов смог американский психолог Г. Оллпорт в своей работе «Природа предрассудков» (1954 г.). Он отказался давать какую-либо оценочную характеристику понятию *стереотип* [Allport 1954]. В 1970-1980-е гг. распространяется восприятие процесса стереотипизации как необходимого когнитивного процесса, который свойственен всем людям, так как «изначально присущ самой природе человеческого мышления» [Нельсон 2003: 19].

В российской науке стереотипизация начала изучаться несколько позднее, во второй половине XX века. Теоретические основы изучения стереотипов были заложены одним из родоначальников российской

социологии И.С. Коном в 1960-е гг., когда само понятие *стереотип* начало активно употребляться в академической среде. Для И.С. Кона стереотипы являются отражением коллективного опыта, формирующегося под влиянием культурного окружения, «выведенного из стандартизированных суждений и ожиданий, мнение о свойствах людей и явлений» [Кон 1961: 188]. Автор считает, что стереотипы могут быть «истинными и ложными» [там же: 189], отражающими как правдивые, так и искаженные представления.

Понятие *стереотип* также активно включается и в научный обиход психологов. Советский и российский психолог В.С. Агеев предлагает следующее определение, раскрывающее сущность стереотипа: «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей» [Агеев 1986: 95]. Автор подчеркивает, что стереотип всегда распространяется на всех представителей характеризуемой группы людей, обобщая характеристики, которыми наделяют стереотипы в современной науке: «целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, нагруженность его так называемым ошибочным компонентом, ...устойчивость, ригидность, консерватизм» [там же].

Стереотипизация названа В.С. Агеевым «необходимым и полезным инструментом социального восприятия, причем того его подвида, который был обозначен как “восприятие межгрупповое”» [там же: 99]. С помощью стереотипов человек воспринимает окружающий мир, а также устанавливает связи с представителями других групп, то есть вступает в межгрупповое взаимодействие. Стереотипизация представляет собой такую когнитивную операцию, в рамках которой человек обобщает свои представления о какой-либо нации, занимается генерализацией. Стереотип в каком-то смысле освобождает мозг от излишней нагрузки включаться в работу и разбирать индивидуальные особенности представителя той или социокультурной группы (о врожденной самозащите мозга писали российские

основоположники психолингвистики Н.И. Жинкин, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев). В работах по этнолингвистике и когнитивной лингвистике высоко оценивается познавательная функция стереотипа, поскольку он, передавая образ освоенного человеком мира, содержит элементы оценок и ценностей [Бартминьский 2005; Mirga 1984; Bartmiński, Panasiuk 1993].

Вместе с понятием *стереотип* исследователи использовали в работах и термин *шаблон поведения*, см. о первом употреблении термина в ранних работах П.А. Сорокина, посвященных уголовно-нравственным вопросам [Сорокин 1992: 57–155]. Стереотип в психологии часто рассматривается как динамический феномен, который вырабатывается в результате деятельности коры головного мозга животных и человека, и определяется как фиксация адаптивного поведения человека [Плюснин 1989].

Одним из первых отечественных исследователей стереотип с лингвистической точки зрения стал изучать В.А. Рыжков, который характеризовал исследуемый феномен через коммуникацию и процесс человеческого взаимодействия и определял как «коммуникативную единицу данного этноса, способную посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующие мотивации» [Рыжков 1985: 16]. Таким образом, на первых этапах исследования сразу была задана главная идея лингвистического подхода к стереотипу: стереотип – феномен социопсихологического плана, содержание которого передается как невербально, так и «при помощи языка» [Бартминьский 2005: 140].

Освоение социопсихологического феномена в лингвистической среде явилось причиной омонимичного употребления термина *стереотип*, поскольку традиционно в поле исследовательского внимания стилистов находились так называемые *клише* / *речевые стереотипы*, устойчивые

речевые обороты, воспроизводимые «в определенных типичных обстоятельствах речевого пользования» [Матвеева 2003: 102].

О «чудовищной сложности» и расплывчатости термина *стереотип* пишет в одной из работ Т.М. Николаева [Николаева 2000: 112]. В результате попытки развести разное понимание терминологической единицы возникла авторская типология стереотипов, состоящая из трех разновидностей: 1) речевой стереотип – говорящий употребляет несвободные речевые фрагменты «как чужую речь» [там же: 114]; 2) коммуникативный стереотип – повторяемость речевого оборота в одних тех же ситуациях; 3) ментальный стереотип – модель перцептивного типа, которая «сводится к феномену так называемого “коллективного бессознательного”» [там же: 130].

Широкое понимание процесса стереотипизации объединяет языковой (воспроизводимые по памяти речевые обороты) и ментальный (устойчивые представления) материал, поскольку «стереотип неразлучно связан с языком и словом» [Бартминский 2005: 161]: ментальные стереотипы могут объективироваться в языке также с помощью устойчивых сочетаний языковых форм.

Складывающиеся в современной антропологически ориентированной лингвистике междисциплинарные направления когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, в рамках которых стереотип определяется как «стандартное мнение о социальных группах или отдельных лицах как представителях этих групп» [Демьянков 1996: 177], сформировали новые единицы моделирования языковой картины мира – концепт и лингвокультурный типаж, в дефиниции которых входят стереотипные представления об изучаемом объекте.

Интегральный подход к структуре концепта определяет концепт как «квант структурированного знания» [Болдырев 2014: 44], по Д.С. Лихачеву, как обобщенную мыслительную единицу [Лихачев 1993], которая позволяет носителям языка «преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов» [Попова, Стернин 2007: 30]. В «качестве

исходных для концептуализации сложных ментальных единиц могут служить такие когнитивные элементы, как стереотипы» [Ефремов 2011: 151].

Особенностью рассмотрения стереотипа в когнитивной лингвистике, а затем и в этнолингвистике стало применение термина не только к социально-культурным группам населения, но и по отношению к любым сущностям – вещному, животному и растительному миру, событиям и явлениям, т. е. ко всему, с чем человек сталкивается в своей практике и познавательной деятельности, номинируя это в языке, см.: [Putnam1975; Бартминьский 2005]. «Если первоначально стереотип понимался как некоторая «субъективная» добавка к «объективному» образу объекта, а языковой стереотип – как коннотативная (оценочная) добавка к лексическому значению слова (аккуратностью не исчерпывается образ немца и значение слова *немец*), отражающая коллективное мнение о соответствующем денотате, то впоследствии стереотип стал трактоваться как целостная «наивная теория» объекта (предмета, лица или явления), включающая не только оценочные (коннотативные, интегральные), но и категориальные (идентифицирующие) признаки («идея о том, как выглядит некий X, как он действует, каков он» – Бартминьский), т. е. в соответствии с широко понимаемым лексическим значением (когнитивной дефиницией) слова» [Толстая 2009: 262].

Такое широкое понимание стереотипа лежит в основе концепции, автором которой является польский лингвист Е. Бартминьский, руководитель коллектива, создавшего фундаментальный «Словарь символики и языковых стереотипов» («Słownik stereotypów i symboli ludowych»), издаваемый в Люблине с 1996 года, ср. определение, данное автором концепции проф. Е. Бартминьским: «Я понимаю стереотип широко, как субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [Бартминьский 2005: 189]. Каждая словарная статья воссоздает фрагмент народной картины мира с опорой на семантику, ассоциативные

связи, метафорический арсенал, символические функции описываемого объекта. В результате стереотипы должны сложиться в общий целостный образ.

Идеи Е. Бартминьского развивает московская семантическая школа в этнолингвистической (словарь «Славянские древности») исследовательской практике: есть опыт «разработки особой методики экспликации и интерпретации» не только «предметных», но и «предикатных» стереотипов (включая абстрактные понятия типа «игра», «гнев», «красота» и т. д. [Толстая 2009: 163–264]. Если при «предметном» понимании стереотипов «картина мира выглядит плоскостью, заполненной предметами, подобно карте с нанесенными на нее пятнами континентов, океанов и морей», то образ «предикатных» сущностей складывается «из типичных для них субъектов, объектов, адресатов, инструментов, ресурсов и т. д.» [там же].

Лингвокультурный типаж – еще одна единица моделирования национального менталитета, которая отражает понимание стереотипного представления как суждения о группах лиц или их представителей. Он является разновидностью концепта, «содержанием которого является типизируемая личность» [Карасик 2009: 180], определяемая с образной, понятийной и ценностной сторон. Теория лингвокультурных типажей явилась органичным развитием лингвоперсонологии (термин «лингвоперсонология» был введен В.П. Нерознаком [Нерознак1996]). Предметом новой дисциплины является обобщенная языковая личность, социолого-культурологические классификации которой строятся на основе выделения стереотипизированных личностных типов по возрастному, профессиональному, образовательному, гендерному признакам. Как объект изучения лингвокультурный типаж получил развернутую характеристику в работах В.И. Карасика, его коллег и учеников, см., например, сборники статей, посвященных описанию обобщенных образов людей [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи 2005; Лингвокультурные типажи 2010 и др.], в которых представлены стереотипы определенных лингвокультурных групп –

от русского интеллигента (В.И. Карасик) до «шута горохового» (М.В. Мироненко); от комсомольца (А.А. Опара) до разгильдяя (В.И. Карасик).

Таким образом, экспликация обобщенных представлений об этнических, социальных, профессиональных и других группах людей может быть реализована либо в виде концептов (единиц когнитивной лингвистики), либо в виде лингвокультурных типажей (единиц лингвоаксиологии). Ср., например, исследования об одном и том же обобщенном образе: концепт *учитель* [Жанцанова, Дагбаев 2019; Заречнева 2009; Скрипичникова, Литвяк 2021; Фролова, Дулова, Зазерина 2021 и др.] и лингвокультурный типаж учителя [Дмитриева, Рап 2018; Рыбкина, Костина 2022; Попова 2012; Щербаева 2010 и др.].

1.2. Формирование и развитие понятия *этностереотип* в современной науке

Особой и важной для исследования группой стереотипов являются этностереотипы. В качестве терминологической единицы в советский период изучения проблемы чаще встречалось словосочетание *этнический стереотип*. Первые работы об этнических стереотипах были написаны в СССР в 1960-1970-е годы рядом этнографов, психологов и социологов [Пузанова, Медведева 2013: 88].

В советский период этнические стереотипы как явление в науке стали пониматься нейтрально, так как было признано, что они могут нести и достоверную, и ложную информацию [Завалишин, Костюрина 2007: 178].

Вокруг термина *этностереотип* строится сборник статей «Этнические стереотипы поведения» под редакцией А.К. Байбурина (1985 г.) В этой работе этнические стереотипы понимаются как «этнически специфические стандарты поведения» [Этнические стереотипы поведения 1985: 3], то есть понятие стереотипа связывается только с поведением человека, что в значительной степени ограничивало понимание понятия.

Пристальный интерес к этностереотипам проявился в 1990–2000-е гг. в российской науке после распада СССР. В эти годы в России складываются теоретические основы изучения этнических стереотипов, исследователи предлагают разные подходы к пониманию феномена. З.В. Сикеви́ч в работе 1996 г. характеризует этностереотипы как ««измеряемую форму проявления национального характера» [Сикеви́ч 1996: 56].

Этнический стереотип связывают с термином *национальный характер*, который был более распространен в отечественной науке того времени, термин использовался для характеристики людей определенных этнических групп на основе предрассудков. В дальнейшем понятие этнического стереотипа продолжает усложняться. З.Ж. Гакаев в 2003 г. в своей диссертации предложил следующее определение этностереотипа:

«относительно устойчивое представление о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей» [Гакаев 2003: 14]. Ученый показал, что этностереотипы могут характеризовать группу людей с разных сторон – с точки зрения их физических, умственных и нравственных качеств. Автор также выделил отличительный признак этностереотипов – устойчивость.

А.А. Налчаджян в 2004 г. сформулировал определение этнического стереотипа с точки зрения новой дисциплины – этнопсихологии:

«относительно устойчивое мнение обобщенного характера о той или иной этнической группе» [Налчаджян 2004: 197]. Определение А.А. Налчаджяна отличается краткостью и схоже с определением З.Ж. Гакаева. Этностереотип понимался как обобщенное и устойчивое мнение об этнической общности.

Т.Ф. Кряклина [Кряклина 2014: 1716], М.С. Мурзаев [Мурзаев 2003: 8] и другие ученые считают, что этнический стереотип является разновидностью социального стереотипа. Этнические стереотипы можно отнести к социальным, так как они характеризуют группы людей и их особенности. Так как этнические стереотипы представляют собой социальные стереотипы, то

для них свойственны все те же свойства, что и для социальных, – устойчивость, оценочность, эмоциональность и т. д.

В китаистике также используется понятие этнического или национального стереотипа. В совместной работе А. Инглиша, С. Чжана (English, Zhang Zhao) и др. под этностереотипом понимаются «когнитивные маркеры, которые формируются и изменяются в результате межкультурного контакта с новой культурной группой» [English, Zhang Zhao 2021: 1]. Этностереотипы сводятся к маркерам сознания, формируемым в результате межкультурной коммуникации.

С 2000-2010-х гг. понятие этнического стереотипа практически всегда рассматривается в исследовательском поле вместе с такими понятиями, как этническое сознание или этническая идентичность. Формирование этнических стереотипов возможно у людей со сформированным этническим самосознанием или этнической идентичностью, при которой человек признает и ощущает свою принадлежность определенному этносу [Мурзаев 2003: 8]. В настоящее время в науке чаще используется термин *этническая идентичность*, чем *этническое сознание* [Иващенко 2013: 17].

С точки зрения социологии, О.А. Белова в своей диссертации придерживается следующего определения этнических стереотипов: «зафиксированные на уровне этнического сознания и усваиваемых в процессе инкультурации упрощенных и эмоционально окрашенных образов различных этнических групп, включающих в себя представления о характерных чертах типичных представителей того или иного этноса» [Белова 2011: 14-15]. Кроме того, социолог подчеркивает, что этнические стереотипы усваиваются, когда человек погружается в культуру определенного этноса.

Социальная психология конкретизирует, какие компоненты входят в рассматриваемое понятие: это «обобщенные представления о внешнем облике представителей определенного этноса, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни, трудовых навыков... относительно коммуникативных, моральных качеств народа» [Кондратенков 2018: 8].

Определение Д.А. Кондратенкова близко к определению З.Ж. Гакаева, а среди характерных черт стереотипов исследователь называет обобщенность. Этностереотипы характеризуют народ с точки зрения его физических и нравственных особенностей, пройденного исторического пути и современного состояния. Этнические стереотипы обычно существуют на протяжении длительного времени.

Исследователи характеризуют этнические стереотипы через их основные признаки: «схематичность, согласованность, ...устойчивость ...к новой информации» [Шелехов, Постоева, Пахомов 2007: 92]. Устойчивость этностереотипов относительна, так как они могут трансформироваться с течением времени в связи с изменением межэтнических отношений, границ государств и многого другого. Характерными чертами этностереотипов являются «эмоциональность и оценочность, устойчивость, согласованность, неточность» [Белова 2011: 16]. Схематичность и неточность являются схожими чертами этнических стереотипов, о которых пишут многие отечественные исследователи.

Большинство российских исследователей не разделяют понятия *этностереотип* и *национальный стереотип*, используя их в качестве синонимов. Такой подход мы встречаем в работах К.Г. Созаева [Созаев 2014: 1], С. Устюндага [Устюндаг 2014: 81], А.А. Налчаджяна [Налчаджян 2004: 197], О.Л. Веревкина [Веревкин 2009: 205-206] и других авторов. В отечественной науке термин *этнический стереотип* является более употребительным, чем понятие *национальный стереотип*.

Некоторые из авторов также используют близкие к этническим стереотипам понятия – *национальный характер*, *менталитет* и т. д., которые используются для характеристики этнической или национальной общности. О.В. Ракитина и Л.М. Багдасарян указывают, что национальный характер является одним из компонентов этностереотипов [Ракитина, Багдасарян 2008: 138]. Другие исследователи, напротив, уверены в том, что термины

менталитет и *национальный характер* не стоит употреблять в научных работах.

В отличие от 1990–2000-х гг. в настоящее время в лингвистике и лингвокультурологии четко разграничиваются термины *этнический стереотип* и *национальный характер*. Некоторые из исследователей отказываются от использования термина *национальный характер*, так как он не носит научного характера. А.В. Павлова и А.В. Прожилов считают такие термины, как *национальный характер* и *менталитет*, ненаучными с точки зрения лингвокультурологии. Представления о национальном характере – это «продукт определенных исторических условий и культурных влияний» [Павлова, Прожилов 2013: 86], поэтому они являются отражением ряда этностереотипов и могут содержать в себе ложные сведения.

В качестве синонимичного этностереотипу понятия в российской науке также используется понятие *этнокультурный стереотип*, который подчеркивает, что стереотипизация в первую очередь осуществляется вокруг сферы культуры. Так, А.В. Махмудова считает, что этнокультурный стереотип представляет собой «обобщенную идею о ключевых особенностях, характеризующих любой народ» [Махмудова 2018: 401]. Она придерживается идеи о том, что этностереотипы могут охарактеризовать лишь ключевые особенности какой-либо народности.

Обратимся к изучению этностереотипов в лингвистике. Здесь можно выделить несколько подходов. Так, Л.П. Крысин характеризует этностереотип как «стандартное представление, присущее многим людям, которые формируют той или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин 2005: 450]. Определение Л.П. Крысина является максимально обобщенным и подчеркивает, что стереотипы могут быть свойственны как для своего, так и для чужого этноса. Отмечается, что этнические стереотипы обычно передают такие черты этноса, которые не характерны для других этносов, рассматриваемый этнос выделяется на фоне остальных. В связи с этим этностереотипы всегда носят в себе оценочный компонент. Л.П. Крысин

указывает, что в рамках стереотипизации оценке могут подвергаться «национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и многое другое» [там же: 451]. Этностереотипы могут характеризовать любые выдающиеся черты народа – от его низкого или высокого роста до стремления постоянно работать или, наоборот, передают склонность к лени. Ученый также считает, что для этностереотипов нередко характерна гиперболизация, преувеличение свойств какого-либо народа или обобщение свойств на всю нацию [там же: 451–453].

Идея отнесения этностереотипов и к своему, и к чужому народу созвучна многим ученым, см., например, определение В.А. Масловой: этностереотипы – это «представления о качествах своего собственного и чужого народов, характеризующиеся полярностью оценок, жесткой их фиксацией, интенсивной аффективной коннотацией, устойчивостью» [Маслова 2008: 32]. Автор связывает этностереотипы с такой общностью, как народ, и отмечает основные свойства этностереотипов – эмоциональность, устойчивость, жесткая фиксированность, полярность оценок, заключая, что этнические стереотипы представляют собой один из способов восприятия мира.

К.А. Кочнова, предлагая определение этностереотипа как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий устойчивостью» [Кочнова 2013: 1], выделяет такие важные признаки этностереотипов, как схематичность, стандартизированность, эмоциональная окрашенность и устойчивость.

В работах, посвященных этностереотипам, особое место занимает анализ языковых средств выражения этнических стереотипов. В первую очередь этнос стереотипно характеризуется при помощи этнонимов, которые обозначают какую-либо этническую общность – *китайцы, русские, немцы, турки, вьетнамцы* и т. д. Этнонимы в разных языках могут звучать одинаково

или похоже, а могут и существенно различаться. Они могут являться самоназванием народа, а могут быть сконструированы другими народами. В ряде языков народов России используются такие этнонимы, как *казак*, *татарин*, *цыган* и *еврей* и некоторые другие [Лобанова 2014: 174].

Кроме этнонимов, средствами формирования и выражения этностереотипов являются также топонимы, названия какой-либо местности, название государства и т. д. (например, Россия, Китай, Великобритания – страны, Московская область, Внутренняя Монголия – регионы) [Кондакова 2014: 118]. Топонимы также составляют часть этнической идентичности человека.

В качестве средств формирования этностереотипов выступают «эмоционально-экспрессивные маркированные лексические единицы, ...антропонимы» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 92], которые идентифицируют человека. «Собственные имена обобщают наблюдения, собирают социальные типажи, семиотизируют общезначимые оценки и ценности, становятся носителями стереотипов, символов, эталонов» [Бартминьски и др. 2021: 1398]. Так, в составе фразеологизмов собственные имена выступают в роли культурной коннотации. Например, «прецедентные имена во фразеологизме *Ромео и Джульетта* передают стереотипные представления о юных влюбленных; данный фразеологизм принимает на себя роль стереотипа, хранит и транслирует коллективные устойчивые представления о том, что в культуре принято за образец их поведения» [там же: 1397].

Этнические стереотипы существуют и передаются через «народный фольклор, частушки, анекдоты, ...сочинения на национальные темы» [Романенко 2017: 45; Абильдинова 2011]. Т.А. Сироткина рассматривает этнические стереотипы как часть языковой картины мира [Сироткина 2011: 57], выражаемые не только с помощью языка, но и невербальных средств — мимики, жестов и т. д.

Одна из наиболее полных классификаций языковых средств была выполнена ранее упомянутым нами польским лингвистом Е. Бартминьским, который выделил шесть основных групп средств:

- 1) этнонимы и другие характеристики, произошедшие от названия предметов: *немец* от *немой* и т. д.;
- 2) слова в переносном значении: *собачья жизнь* и т. д.;
- 3) значения некоторых дериватов: *обезьянничать* и т. д.;
- 4) фразеологизмы: *хитрый как сто китайцев* и т. д.;
- 5) пословицы;
- 6) противительные и причинно-следственные сложные предложения [Бартминьский 2005: 170].

Другая обширная классификация языковых средств, выражающих стереотипы, была выполнена российским лингвистом Л.П. Крысиным, который выделяет шесть основных видов языковых средств [Крысин 2005: 452-453]:

1. слова, которые кратко характеризуют представителя другого этноса: *чурка*, *жид*, *выцыганить* и т. д.
2. атрибутивные словосочетания, построенные по схеме «прилагательное, образованное от этнонима» + «определяемое — имя какого-либо свойства человека»: *немецкая дотошность*, *китайская хитрость* и т. д.
3. «генетивные словосочетания» [Крысин 2005: 452], в которых этноним употребляется в связке со свойством человеческого характера: *Он добивается своего с упорством китаец* и т. д.
4. «сравнительные обороты» [Крысин 2005: 452] с этнонимом и именем свойств: *молчалив, как финн*; *пунктуален, как немец* и т. д.
5. фразеологизмы: *уйти по-английски* и т. д.
6. пословицы и поговорки с этнонимами: *Незванный гость хуже татарина* и т. д.

Л.П. Крысин также указывает на то, что этностереотипы нередко отражаются в анекдотах [Крысин 2005: 453]. Фольклор наиболее целостно отражает представление одной группы людей о другой группе людей.

1.3. Типология стереотипов

В современной науке выделяется несколько различных классификаций стереотипов. Согласно одной из наиболее широких классификаций все стереотипы можно разделить в зависимости от субъекта стереотипизации. Американский психолог Т. Нельсон в зависимости от субъекта разделяет все стереотипы на две группы – «культурные и индивидуальные» [Нельсон 2003: 21]. Понятие стереотипа не ограничивается одними лишь коллективными представлениями и может быть связано с представлениями индивидуальными. Главным в стереотипах становится то, что они представляют собой операцию генерализации.

Индивидуальные стереотипы – это стереотипы, присущие одному человеку относительно какого-либо предмета или группы людей. Культурные стереотипы в свою очередь представляют собой общие для людей из одной культуры представления о каком-либо предмете или группе людей. Более значимыми для современной науки Т. Нельсон называет индивидуальные стереотипы, так как «они прямо связаны со специфическими мыслями, чувствами и поведением индивида по отношению к группе» [Нельсон 2003: 22].

Термин *коллективные стереотипы* является более широким, чем культурные стереотипы, так как может использоваться по отношению к разным по численности и характеру группам людей, а не только в отношении представителей одной культуры. Многие исследователи подчеркивают, что коллективные стереотипы свойственны лишь какой-либо части социальной группы. Например, Т.Г. Стефаненко пишет, что стереотипы ««разделяемы достаточно большим числом индивидов в пределах социальных общностей» [Стефаненко 1999: 244].

Другой широкой классификацией стереотипов является разделение их по объекту стереотипизации. Наиболее развернутую классификацию по рассматриваемому признаку предлагает лингвист П.Н. Донец. Он подразделяет все стереотипы на группы: «личностные, вещественные, событийные» [Донец 2003: 136]. Личностные стереотипы характеризуют личность, принадлежащую какому-то обществу. Событийные стереотипы характеризуют общность через какие-либо события (например, теракт 11.09.2001 года дал повод для возникновения стереотипа – *в исламских странах распространен терроризм*). Вещественные стереотипы характеризуют общность людей через какую-либо вещь (например, в России носят шапки-ушанки – *Россия холодная страна*) [Донец 2003: 136].

Н.В. Сорокина на основе классификации П.Н. Донца разрабатывает свою более детализированную классификацию. По объекту стереотипизации она выделяет такие группы стереотипов, как антропостереотипы, событийные и предметные стереотипы, которые разделяются на подгруппы [Сорокина 2013: 124].

Антропостереотипы автор делит на стереотипы персоналий, при помощи которых оценивает конкретный человек, чаще всего известный; и социальные стереотипы, при помощи которых оценивается группа людей. Социальные стереотипы также делятся на множество групп – «гендерные, возрастные, профессиональные, расовые, национальные, этнические, конфессиональные / религиозные, региональные, классовые, политические и т. д.» [Сорокина 2013: 124]. Количество разновидностей социальных стереотипов равняется числу групп, выделяемых в социуме.

Событийные стереотипы, по Н.В. Сорокиной, представляют собой стереотипы, строящиеся на каком-либо событии. Предметные стереотипы являются стереотипами, основанными на каком-либо предмете или вещи. Они могут быть вещественными, то есть восходящими к какому-либо физическому предмету; или понятийные, то есть восходящие к какому-либо мыслимому человеком предмету – понятию [Сорокина 2013: 124-125].

Все остальные классификации стереотипов относятся к отдельным видам стереотипов – индивидуальным, коллективным, социальным и т. д. Чаще всего специалисты предлагают классификации для социальных стереотипов.

Психологи считают, что все стереотипы можно разделить лишь на три группы – психологические, социальные и социально-психологические. Все остальные стереотипы являются лишь видами стереотипов вышеозначенных групп. Например, этнические стереотипы являются разновидностью социальных стереотипов [Мурзаев 2003: 8].

Наиболее распространенным является разделение социальных стереотипов на автостереотипы (или собственные стереотипы) и гетеростереотипы (или внешние стереотипы) в зависимости от их направленности. Так, П.Н. Донец считает, что все личностные стереотипы представлены стереотипами о себе, или автостереотипами, и стереотипами о чужом, или гетеростереотипами [Донец 2003: 138].

Лингвисты подчеркивают, что понятие социального стереотипа строится вокруг дихотомии «свой» – «чужой» или «мы» – «они», которая определяет основную классификацию стереотипов. Любое коллективное мироощущение выстраивается вокруг восприятия себя человеком как части «одной этнической общности» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 91].

Следовательно, автостереотипы характеризуют социальную группу, к которой принадлежит человек, тогда как гетеростереотипы используются для оценки других социальных групп. Типологизацию стереотипов на автостереотипы и гетеростереотипы можно отнести к любым социальным стереотипам – этническим, гендерным и другим.

Лингвисты могут предлагать другую терминологию для обозначения дихотомии «свой» – «чужой» в процессе стереотипизации. Так, О.А. Леонтович прибегает к терминам *эндостереотипы*, «т. е. мифы о самих себе, существующие внутри данной культуры» и *экзостереотипы*, «т.е. внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о

другой» [Леонтович 2005: 240]. Эндостереотипы присутствуют в языковом сознании представителей родной культуры и используются для самоидентификации. Экзостереотипы, в свою очередь, отражают языковое сознание представителей других культур.

В англоязычной науке для разделения стереотипов на основе дихотомии «свой» – «чужой» используются такие термины, как «in-group», то есть характеризующие членов внутри группы; и «out-group», то есть характеризующие членов вне группы [Castano, Paladino, Coull 2002: 365–366].

Некоторые из исследователей в своих работах соединяют различные классификации стереотипов, выделенные на основании разных признаков. Например, лингвист Е.Ю. Горшунова в своей диссертации выделяет социальные, языковые, культурные, общепсихологические, социально-психологические, ментальные, этнические и другие [Горшунова 2009: 7]. На наш взгляд, единство объекта исследования дает его возможную «дискретизацию» по разным основаниям одновременно: так стереотип может одновременно быть языковым и этническим, социальным и этническим и т. д.

Все стереотипы также можно разделить в соответствии с их эмоциональной окраской или аффективным компонентом на положительные и отрицательные / позитивные и негативные. Например, позитивным будет стереотип о том, что немцы являются экономными; негативным – о том, что немцы жадны. В соответствии с вышеуказанной классификацией все стереотипы также можно разделить на отрицающие, для которых характерно агрессивное содержание, и утверждающие, отличающиеся спокойным содержанием [Сорокина 2013: 130].

Поскольку в рамках данной работы мы будем рассматривать этнические стереотипы, рассмотрим их классификацию более подробно.

Относительно этностереотипов как одного из видов социальных стереотипов также наиболее распространенной классификацией является разделение на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы привязаны к понятию «свой» и обычно «содержат комплекс положительных

оценок о существующих в реальности или воображаемых чертах собственной этнической группы» [Мучкина 2010: 111].

Гетеростереотипы, в свою очередь, привязаны к понятию «чужой», то есть отражают представления людей об иных этнических группах. Характер гетеростереотипов «определяется характером исторических взаимоотношений с этой (этнической) группой» [там же: 112].

Психолог Г.У. Солдатова характеризует имеющуюся в восприятии этничности дихотомию «мы» – «они», в которой «мы» характеризуется через автостереотипы, а «они» – через гетеростереотипы. Автор подчеркивает, что авто- и гетеростереотипы представляют собой «структурно взаимосвязанные компоненты единого целостного образования личностного и группового самосознания» [Солдатова 1998: 70].

Автостереотипы характеризуются как «видение собственного образа и культуры своего народа», а гетеростереотипы как обобщенные «взгляды на другие народы и культуры» [Маремукова 2020: 149]. Автостереотипы и гетеростереотипы связаны между собой и составляют «единое целостное образование личностного или группового самосознания» [Качмазова, Тамерьян 2014: 298].

Существуют разные схемы формирования автостереотипов и гетеростереотипов в этнической области. Автостереотипы основаны на «консолидирующих идеях» [там же: 305], объединяющих людей, принадлежащих одной этнической или государственной общности. Гетеростереотипы, в свою очередь, основаны на «ядерных дифференцирующих признаках» [там же], которые наслаиваются друг на друга и в перспективе способствуют отчуждению этносов. См. также характеристику данной классификации в: [Белова 2011: 16; Кондакова 2014: 118; Сачивко 2021: 432–433; Степанова 2015 и др.].

Помимо автостереотипов и гетеростереотипов, выделяется отдельный вид контростереотипов, основанный на «характеристиках, приписываемых нетипичным представителям данного этноса» [Белова 2011: 16; Горшунова

2009]. Если авто- и гетеростереотипы являются коллективными стереотипами, то есть отражают представления групп людей, то контрстереотипы – это характеристики, которые «приписываются не этнической группе в целом, а ее отдельным “не-типичным” представителям» [Солдатова 1998: 71]. Контрстереотипы представляют собой в целом нехарактерные для народа черты, но при этом повторяющиеся. С течением времени контрстереотипы могут превратиться в обычные стереотипы, если они становятся характерны для большей части этноса.

По внутренней структуре обычно выделяют три вида этностереотипов. Во-первых, это дескриптивные стереотипы, имеющие «описательный» характер. Во-вторых, это эволюционные стереотипы, имеющие «оценочный» характер. В-третьих, это прескриптивные стереотипы, имеющие «относительный» [Кондратенков 2018: 8] характер. Исследователи рассматривают вышеуказанные группы стереотипов как компоненты этностереотипов, поскольку в каждом этническом стереотипе можно найти разные составляющие. А.В. Бочкарева считает, что в структуре этностереотипа есть три компонента: «когнитивный, эмоциональный (оценочный) и поведенческий (конативный) компоненты» [Бочкарева 2014: 13].

Одной из характеристик этнических стереотипов является их оценочный характер и наличие яркой эмоциональной окраски. Этностереотипы также можно разделить на такие группы, как положительные (или позитивные), то есть «утверждающие, положительные суждения и оценки тех или иных черт этнической группы или этноса в целом»; и как отрицательные (или негативные), которые «утверждают, что определенная этническая группа обладает некоторыми отрицательными чертами и способна на нежелательные, вредные действия» [Налчаджян 2004: 208].

А.А. Налчаджян дополняет классификацию этностереотипов таким видом, как амбивалентные этностереотипы, поскольку «если мы имеем энное число стереотипных суждений о какой-то этнической группе, то среди них

будут как положительные, так и отрицательные» [там же: 209]. Амбивалентность как термин может характеризовать этническую группу в целом, но не отдельные стереотипы о ней [там же: 208–209], так как каждый стереотип имеет свою яркую эмоциональную окраску.

Этническая стереотипизация создает разные образы других этносов – «образ нейтрала, партнера или врага» [Пыжова 2010: 279]. Образ нейтрала – это амбивалентные этностереотипы, образ партнера – положительные этностереотипы, образ врага – отрицательные этностереотипы. Восприятие того или иного этноса обычно определяется особенностями двусторонних отношений, поэтому может меняться со временем.

Долгое время было распространено представление о том, что автостереотипы являются положительными стереотипами, а гетеростереотипы – отрицательными стереотипами [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 92]. Позже авторы пришли к выводу, что положительные и отрицательные этностереотипы могут быть как автостереотипами, так и гетеростереотипами. Отрицательные автостереотипы свидетельствуют о «чрезмерной самокритичности» [Мучкина 2010: 111] этнической общности. Так, для русской нации характерна внутренняя негативная самоидентификация, под которой понимается «самоутверждение от противного, ...выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего ...антипода» [Гудков 2004. 271].

С другой стороны, Г.С. Шляхтин и С.В. Давыдов определили, что о «собственная этническая группа оценивается более позитивно, чем чужая» [Шляхтин, Давыдов 2006: 148]. Стереотипизирование чужих наций обычно сопровождается негативными коннотациями, так как «стереотипизированию как феномену свойственно фокусирование прежде всего на отрицательных чертах, их утрирование» [Таганова 2014: 75].

Положительные и отрицательные этнические стереотипы играют разную роль в межкультурной коммуникации. Положительные

этностереотипы и положительный опыт общения с представителями других культур «помогают избавиться от чувства неприязни к иностранцам, так называемой ксенофобии, расширяет кругозор, пробуждают интерес к иным культурам» [Храмушина, Грунина 2009: 201].

Отрицательные этностереотипы, напротив, могут содействовать формированию межкультурных проблем, так как препятствуют выстраиванию коммуникации с этносом. Человек, движимый отрицательными этностереотипами, может не захотеть взаимодействовать с представителями этого этноса. Отрицательные этнические стереотипы даже могут служить средством дегуманизации некоторых этносов [Горшунов, Горшунова 2014: 918–919].

Распространенной классификацией этнических стереотипов является их разделение в соответствии с содержанием. Выделяются два вида стереотипов по содержанию – этностереотипы поведения и этностереотипы мышления. Этностереотипы поведения – это «комплекс элементов духовной культуры, зафиксированный на уровне этнического самосознания, воспроизводящийся в моноэтнической среде в процессе социализации, проявляющийся в повседневной жизни представителей этноса в виде традиций» [Арсельгов 2011: 14]. Под этностереотипами поведения понимается любые повторяющиеся отдельным этносом действия. Об этнических стереотипах поведения писал еще Л.Н. Гумилев, который считал, что для каждого из этносов свойственно непонятное для других этносов поведение [Иващенко 2013: 18].

Этностереотипы мышления, в свою очередь, являются «синтезом традиционных, исторически сложившихся этнических представлений и упрощенного, ценностно окрашенного представления о достоинствах и недостатках представителей различных этносов, которое возникло в ходе неудачного межэтнического контакта» [Арсельгов 2011: 14].

Этнические стереотипы делятся на микроэтностереотипы, то есть «представления не обо всей нации, а лишь о ее части, ограничителем здесь, как правило, является территориальный фактор, место проживания и/или

место рождения» [Кондакова 2014: 118–119]. Например, микростереотипы о проживающих или родившихся в одном городе/регионе – о москвичах, сибиряках, южанах, лицах кавказской национальности и т. д. – на фоне макроэтностереотипов, то есть «представлений обо всей нации» [там же: 118].

Микроэтностереотипы также могут быть обусловлены другими узкими группами – возрастной, половой, языковой и другими. Этнические стереотипы чаще воспроизводятся на макроуровне и характеризуют весь народ в целом. Данная классификация исходит из объема содержания этнического стереотипа.

Кроме того, современные исследователи отмечают гендерный характер современных этностереотипов. В большинстве общностей складываются разные этнические стереотипы о мужчинах и женщинах – представителях отдельных наций. Следовательно, этностереотипы можно разделить на мужские (русский мужчина / русский, американский мужчина / американец и т. д.) и женские (русская женщина / русская, американская женщина / американка и т. д.). Образы мужчин и женщин разных этносов обычно существенно отличаются [Рябова, Лямина 2007: 53–54].

Классификация стереотипов на мужские и женские исходит от объема их содержания, что сближает ее с разделением на макро- и микроэтностереотипы. Гендерные стереотипы проявляются на микроуровне, так как характеризуют лишь часть этноса, а не всех его представителей.

Этнические стереотипы обычно основаны на мужских стереотипах (исключение – русский народ и некоторые другие народы) [Рябова, Лямина 2007: 53–54]. Например, если идет речь об этнических стереотипах о Китае, то люди обычно говорят о китайцах и их обобщенных чертах; если поднимаются этностереотипы о США – то об американцах и т. д. Говоря о России, люди, напротив, часто вспоминают о русских женщинах и о русской душе.

Все этностереотипы можно разделить на модальные, «касающиеся черт... базисной личности» и немодальные или «неведущие этнические стереотипы» [Налчаджян 2004: 210]. Категория модальных этностереотипов характеризует базовую личность представителя определенного этноса.

Понятие модального стереотипа объединяет в себе ведущие черты одного из этносов, отделяющие его от других социальных групп. Неведущие стереотипы, в свою очередь, характеризуют нехарактерные и несвойственные для народа черты, подверженные стереотипизации.

А.А. Налчаджян подчеркивает, что модальные стереотипы также могут быть «автостереотипами» и «гетеростереотипами» [Налчаджян 2004: 210]. Понятие немодального стереотипа сближается с понятием контрстереотипа, который также характеризует народ через менее характерные для него качества.

В лингвистических исследованиях, посвященных стереотипам, выделяется два типа стереотипов. С одной стороны, изучается «речевой стереотип» – языковое выражение с фиксированной формой, с другой стороны, изучается стереотип сознания – представление о людях, предметах, ситуациях, реконструкция которого осуществляется на основе языковых данных.

В лингвокультурологической концепции В.В. Красных стереотипы делятся на (1) стереотипы поведения и (2) стереотипы-представления, вторая группа в свою очередь делится на стереотипы-образы (2.1) и стереотипы-ситуации (2.2) [Красных 2003].

1.4. Методологические основы изучения стереотипов

Методологические основы изучения стереотипов опираются, прежде всего, на методы исследования, используемые в социологии и психологии. В практике постижения стереотипов важны измерения различий в интерпретации понятий реципиентами, поэтому наиболее распространенными являются психосемантические методы, среди которых наиболее активно эксплуатируются метод ассоциативного эксперимента и метод семантического дифференциала, см., например: [Бычкова 2012; Резвушкина 2002; Уфимцева 2003].

Ассоциативный эксперимент, результат проведения которого – реакции информантов на стимулирующую единицу (например, этноним), дает

возможность изучить этнокультурные компоненты языкового сознания информантов. Н.В. Уфимцева отмечает, что «получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании среднего носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2003: 104].

В социологических исследованиях могут применяться «следующие методы: шкала социальной дистанции Э. Богардуса, шкала Р. Лайкерта, тест двадцати «я», метод приписывания качеств Д. Каца и К. Брейли, семантический дифференциал, метод неоконченных предложений и др.» [Алистанова 2018: 47].

Стереотип изучается также с точки зрения социолингвистических исследований, возникших на стыке двух наук – социологии и лингвистики [Беликов 2001: 8]. Ценностный характер социолингвистики заключается в ее эмпирических исследованиях. Многие виды социолингвистической работы предполагают сбор и анализ большого количества материала. Процесс экспериментального исследования стереотипов делится на три этапа: сбор материала, обработка материала и оценка достоверности полученных данных. На этапе сбора материала широко используется метод интервью – структурированные, полуструктурированные и неструктурированные формы [Nunan 2004: 149] беседы, целью которой является определение закономерностей речевого поведения людей, а также их мнения по значимым вопросам.

Анкетирование представляет собой еще одну из «методик сбора социолингвистических данных» [Ветрова 2019: 127]. Анкета – это структурированный опросник, в котором исследователь разрабатывает формальный, стандартизированный список вопросов, а сам процесс опроса является наиболее распространенным методом сбора данных. Содержание опроса может охватывать поведение, потребности, установки, знания,

мотивацию, демографический статус и образ жизни. В анкетировании применяются вопросы следующих типов: 1) наводящий вопрос, 2) закрытый, т. е. объективный вопрос с несколькими вариантами ответов, которые позволяют избежать субъективной предвзятости исследователя по отношению к респонденту во время опроса [Wilson and Mclean 1994: 21], 3) открытый вопрос – это свободное выражение своего мнения собственными словами, 4) вопрос с двумя вариантами ответов, на который можно ответить «да/нет», 5) вопрос с множественным выбором.

Обращение лингвистов к проблеме языковой репрезентации ментальных и поведенческих стереотипов, выбор эффективных методов исследования опирается на междисциплинарный характер формируемой методологической базы исследования, которая включает наработанные исследовательские приемы социологии и психологии и традиционные методы лингвистических исследований. Покажем эту комплексность подхода в нашем обзоре.

Так, польская школа этнолингвистики для определения стереотипных признаков объекта и отделения их от нетипичных использует совокупность исследовательских практик: 1) анкетный опрос с помощью подготовленных вопросников; 2) анализ языкового материала, в который включается, прежде всего, лексика «как классификатор общественного опыта» [Бартминьский 2005: 192], а также тексты (высказывания), которые представляют собой стереотипные суждения о предмете. Данные практики позволяют реконструировать многосторонний и полный образ объекта, выявить признаки, которые «мы имеем право признать присущими общественной семантической норме» данного объекта [там же: 209]. Такой же комплексный характер (с опорой на данные языка и тексты народной культуры) имела методологическая база докторской диссертации О.В. Беловой, обращенной к этническим стереотипам славян [Белова 2006].

Лингвокультурологические изыскания В.В. Воробьева, связанные с выявлением стереотипных доминантных черт русского национального характера, проводились на основе работы с авторскими (художественными и

философскими) текстами, выборке из них контекстов с этнически отмеченными лексемами [Воробьев 1996].

Экспериментальный подход к выявлению коннотаций этнонимов выбран, например, И.М. Кобозевой, которая провела тестовые задания для выявления этностереотипов русского, немца, англичанина и француза, которые представляли собой 1) свободную интерпретацию псевдотавтологий типа *X есть X*, где *X* – это этноним; 2) заполнение пропусков в незаконченных предложениях типа *Как истинный русский, он...* [Кобозева 1995].

Метод направленного ассоциативного эксперимента был использован для выявления соотношения авто- и гетеростереотипов в представлениях русских и американцев [Леонтович 2005]. Метод направленного цепного ассоциативного эксперимента применялся при анализе гендерных стереотипов и их речевой реализации в зависимости от разных социальных параметров [Гаранович 2011].

Социологические методики по-прежнему пользуются популярностью среди лингвистов. Так, на одной из конференций конца 2024 года были показаны «результаты опроса, посвященного оценке и интерпретации носителями русского языка 29 экспрессивных этнонимов (≈этнических пейоративов). В их число вошли следующие единицы: *итальяшки, черножопые, джамшуты, негритосы, бульбаши, лягушатники, узкоглазые, америкосы, чурки, китаезы, белые, хачики, негры, макаронники, чухонцы, янки, таджики, даги, англосаксы, черные, евреи, хачи, армяшки, ниггеры, пиндосы, жиды, азиаты, фрицы, азеры*. От участников опроса требовалось оценить степень своего знакомства с каждой лексемой, описать, по отношению к кому она употребляется, оценить слово по шкале грубости, приписать ему при необходимости некоторые стилистические характеристики, а также, при желании, привести дополнительную информацию об употреблении лексемы. В опросе приняло участие 200 человек» [Кронгауз, Сомин 2024: 17].

Исследования по выявлению стереотипных представлений часто базируются на анализе устойчивых сочетаний, или коллокаций. Яркой

иллюстрацией такого подхода служит работа [Плунгян, Рахилина 1996], выявляющая лексическую сочетаемость коллокатов, состоящих из существительных, обозначающих различные человеческие качества, и относительных прилагательных, указывающих на национальную принадлежность типа *немецкая аккуратность, французская галантность* и т. д. Лингвистически отмеченными признаются словосочетания, обозначающие стандартную модификацию признака или максимальную степень его проявления.

Интересным подходом к изучению стереотипных суждений отмечен анализ языковых стереотипов-высказываний немецким исследователем Утой Квастхофф, которая задалась целью изучить «употребление и живое функционирование языковых единиц в речи в их соотношении с мыслительными процессами, с деятельностью как таковой и с внеязыковой реальностью» [Квастхофф 2013: 115]. Материалом исследования послужил корпус из 140 высказываний-стереотипов. В результате наблюдений автор выявляет четыре типа высказываний-логических суждений. Первый тип базовый, описывающий простой акт предикации: «некоторой группе приписывается определенное свойство» [там же: 116–117], например, *Немцы трудолюбивы*. Авторская задача – сравнить данные высказывания с другими формально подобными логическими суждениями типа *Человек – живое существо*. Ученый доказывает, что высказывания-стереотипы, претендуя на всеобщность, при обращении к коммуникативным ситуациям их употребления обнаруживают включение эмоциональной оценки, а также обращение лишь к типичным представителям социальной группы, а не ко всему этническому сообществу. Во втором типе высказываний «эксплицитно выражено сомнение в справедливости какого-либо суждения» [там же: 120], например: *Жители Нижней Саксонии считаются молчунами; Славяне все-таки люди неотесанные, правда? Французы никогда не стали бы говорить друг о друге гадости*.

В третьей группе собраны случаи, где эксплицитно выражено сомнение в истинности суждения, говорящий снабжает высказывание «индикатором субъективной оценки» [там же: 124], например: *У меня впечатление, что американцы не отличаются от нас*. Четвертый тип носит текстовый характер: «для его обнаружения требуются сверхфразовые единства, то есть стереотип представлен более чем одним предложением». Необходимо «привлечь контекст — явный или имплицитно присутствующий между строк» [там же: 124–125]: *Он еврей, но человек симпатичный*. Автор приходит к заключению о значимости прагматического аспекта при обсуждении методов изучения стереотипов и их категоризации.

Эвристическим исследовательским приемом в спектре методов и методик изучения стереотипов является создание ономастического портрета *hominis ethnici* (человека этнического), который «строится на номинативных моделях знания об объекте действительности во внутренней форме лексических единиц» [Березович, Рут 2000: 34]. Изучение семантико-мотивационных отношений самого этнонима и его дериватов выявляет «то наивное знание о нем и об этнической группе в целом, которое оказалось запечатленным в номинативной системе языка» [Березович 2007: 118]. В круг лексических объектов, предназначенных для сбора соответствующей информации путем концептуального анализа, включаются следующие единицы этой системы: 1) собственно этноним, его первичная мотивация (например, *немец* от *немати* ‘говорить непонятно’); 2) словообразовательные производные этнонима (*немчура*); 3) эвфемистические обозначения этноса (*пятая графа, человек с характерной внешностью или фамилией*); 4) прозвищные этнонимы, или «этнические клички» (*фриц — немец*); 4) отэтнонимические семантические дериваты, т.е. этнонимы в переносных значениях (томск. *мериканец* — ‘изобретательный, изворотливый человек’); 6) ономастические образования, включающие этноним (*Цыган* — кличка для животных черного цвета) [там же].

Выводы

В современной гуманитарной науке понятие *стереотип* стало предметом анализа многих дисциплин, в первую очередь, социологии и социальной психологии. Точкой отсчета научного подхода к объекту исследования послужила работа американского журналиста У. Липпмана «Общественное мнение» / «Public Opinion» (1922). Он заложил понимание стереотипа как «образа в нашем сознании» (the picture in our heads). Все дальнейшие дефиниции стереотипа, конкретизированные в работах социологов, психологов, философов, лингвистов (изучающих стереотипы как в поведенческом плане, так и в когнитивном аспекте) так или иначе опираются на определение У. Липпмана, соглашаясь с признаками, выделенными автором. В набор признаков входят упрощенность представлений, статичность и гипертрофированность. На современном этапе развития гуманитарных дисциплин разных направлений создана достаточно разветвленная типология стереотипов, которая позволяет ученым обращаться в детальной характеристике той или иной группы стереотипов.

Этнические стереотипы являются одним из наиболее распространенных видов социальных стереотипов. Под этностереотипом понимаются обобщенные и упрощенные эмоционально окрашенные представления о какой-либо этнической группе людей, выраженные при помощи языковых средств. Этнические стереотипы наделены следующими отличительными чертами: схематичность, согласованность, относительная устойчивость к новой информации, эмоциональность и оценочность.

Лингвистические изыскания в области процесса стереотипизации опираются на понимание феномена стереотипа как объекта социопсихологического плана, содержание которого передается, прежде всего, при помощи языка. Исследования лингвистов строятся с опорой на представительный набор языковых маркеров, включающих как отдельные номинативные единицы, так и высказывания, представляющие собой суждения обобщенного типа (пословицы, афоризмы, пословицы).

Расширилось представление объекта стереотипизации – от стереотипных представлений о социально-культурной группе населения до любого сущностного объекта, принадлежащего к вещному, животному или растительному миру, объекта событийного плана или абстрактного характера, т. е. единицей анализа становится всё, с чем человек сталкивается в своей практике и познавательной деятельности и номинирует это в языке.

Методологическая база лингвистических исследований стереотипов носит комплексный характер и формируется, прежде всего, из методов и приемов социологических и психологических дисциплин. Дополняют базу методы лингвистических дисциплин в их современном варианте: с опорой, например, на данные корпусов или на методы междисциплинарных направлений – социолингвистики или когнитивной лингвистики.

Глава 2. Стереотипные представления русских об Азии и азиатах

Цель главы – исследовать стереотипы россиян в отношении к Азии и ее жителям, выявить оценочное отношение к азиатским народам, определить причины отрицательного отношения к феномену азиатского. Анализ стандартизированных представлений о континенте и народах, населяющих его, дополняет изучение «идеологии ориентализма» [Саид 2016] в русской культуре. Макрокультурный ареал Азии является неоднородным и по этническому составу, и по культурным и политическим традициям. Внутренне разнообразный континент представляет в то же время определенное единство своими унифицированными взглядами на Восток и восточного человека с его чертами и характеристиками, одновременно сочетающими и пренебрежительное отношение к «отсталым народам» Востока, и высокую оценку народов древнего Востока.

Для большинства россиян Азия и ее жители всегда были загадкой. Исторически, по мере углубления географических исследований и активизации политических и экономических контактов, связи между Россией и Азией становились все более тесными. Однако в сознании россиян до сих пор существуют противоречивые стереотипные представления об Азии, которые, с одной стороны, проистекают из самосознания России как европейской страны, с другой стороны, отражают сложные политические отношения между Россией и азиатскими странами в истории. Россияне часто воспринимают Азию как культурно отсталое и политически беспокойное место, при этом позиционируя себя в более «продвинутой» европейской цивилизации. Диада Запад – Восток в условиях российского дискурса превращается в трехчленную парадигму Запад – Россия – Восток.

2.1. Оценочные стереотипные представления русских об Азии и азиатах

В настоящее время особое место Азии для России связано с геополитическим проектом «Большой Евразии», выдвинутым президентом РФ В.В. Путиным на рубеже 2010-2020-х гг. В рамках этого проекта Россия понимается как особая цивилизация – Евразия, которая расположена на двух

континентах одновременно и включает в себя азиатские и европейские черты. Проект Большой Евразии предполагает создание общего пространства, которое бы соединило Россию, Азию и Европу. «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии» [Путин 2001: 3].

Поворот внешней политики России в сторону стран Азии объясняется внутривнутриполитическими и внешнеполитическими причинами: 1) необходимостью развития территорий Азиатской России – Сибири и Дальнего Востока; 2) «усиливающимся противостоянием с США и ...с ЕС, переживающим углубляющийся кризис» [Котляков, Шупер 2019: 358]. Интерес современной России к Азии обусловлен также бурным экономическим развитием азиатских стран в последние годы и активизирующей ролью этого региона в развитии России.

В арсенале языковых средств, манифестирующих стереотипные представления в русском языке, выделяется класс качественно-обстоятельственных наречий с конфиксом *по-...-ски*, в нашем случае – *по-азиатски* со значением «1. Как свойственно азиатам. 2. Как характерно для них или для Азии» [Ефремова 2006. Т. 2: 1038]. Данное наречие является маркером, позволяющим актуализировать стереотипные представления о национально-культурной идентичности народов, населяющих азиатский континент.

В результате корпусной выборки с использованием электронной базы данных Интегрум (Intergrum.ru) мы получили 317 контекстов, включающих наречие *по-азиатски*. Собранный материал характеризует отобъектные стереотипные свойства: биологические характеристики (внешность, физические данные), менталитет (черты характера, психические особенности, привычки, интеллект, убеждения), социальные характеристики (экономическая сфера, род занятий, сфера культуры, быт). Для формулировки черт национального характера мы образуем на базе прилагательного, входящего в состав биграммы с наречием *по-азиатски*, адъективные

существительные со значением отвлеченного признака, например: *хитрый* → *хитрость*; *жестокый* → *жестокость* и др.

Общий взгляд на корпус контекстов, которые включают анализируемую лексему, позволяет сделать вывод, что аксиологическая модель Азии сквозь призму наречия *по-азиатски* сопровождается амбивалентной модальностью.

Покажем наиболее частотные стереотипные характеристики.

Объектом стереотипной характеристики являются биологические характеристики внешности.

Форма глаз, цвет кожи и волос:

*Нас встретил Ахмет, добрый, улыбчивый человек с **раскосыми по-азиатски глазами*** (Урожайная газета (Челябинск); 19.12. 2007);

*У нас ведь любую огородницу можно принять за шахидку. Огородники от жары пьют много, лица у них оплывшие, **глаза по-азиатски узкие*** (Орская хроника; 2003.09.08);

*За прошедшее с тех пор время она ничуть не изменилась, — выглядела молодо, свежо. Хотя родила сына, сумела сохранить стройность гибкой фигуры, высокую, полную грудь. Её светло-карие, **по-азиатски миндалевидные глаза**, лучисто горели доверчивостью и добротой* (Наш современник; 31.03.2017);

*Чжан Цзылинь не похожа на традиционную в нашем понимании красотку-модель: вместо светлых волос и больших голубых глаз куклы Барби она обладает **по-азиатски черными волосами и раскосыми глазами*** (Рабочий край (Иваново); 4.12.2007)

*Купцов было трое — все крепкие, жилистые, мосластые, низкорослые, с косматыми бровями, **по-азиатски широкоскулые*** (Сибирские огни (Новосибирск); 15.07.2002);

*Когда он рисовал свой знаменитый цикл “Жизнь Иисуса”, то придал всем персонажам откровенно семитские черты, не постеснявшись сделать их лица **по-азиатски желтыми*** (Культура; 27.11.2008).

Итак, внешний образ азиатской личности – это облик человека с желтой кожей, черными волосами, широкими скулами. Самой яркой приметой стереотипной внешности восточного человека является разрез глаз – *раскосый, узкий, миндалевидный*. Черты внешности азиатского человека получают культурную маркированность, поскольку отличаются от характеристик внешности типично русских людей, идентифицируются обычно как чужие, которые не соответствует привычному взгляду, поэтому выносятся за пределы нормы.

Следующая группа стереотипных признаков связана с менталитетом: чертами характера, психическими особенностями, привычками и др.

По-азиатски могут складываться семейные традиции:

*Должны ли наши семьи **жить гуртом, по-азиатски**, когда в одном доме есть место и для стариков, и для малышей, или стоит предпочесть европейскую модель семьи, когда дети, встав на ноги, покидают родительский дом?* (Красноярский рабочий; 10.04.2008);

– отношение к людям:

*Я японец, из Азии, я чувствую и духовную близость с татарами, вы в некоторой степени азиатский народ. **Относитесь к людям по-азиатски, умеете угождать человеку, проникать в душу**, – сказал Масутани* (STYLE4MEDIA. Региональный экономический дайджест; 30.08.2019);

*А с другой стороны, и **промышляют** угольщики здесь совершенно **по-азиатски** — с полным пренебрежением не только к экологии, но и к человеческим **жизням*** (Край (Кемеровская область); 03.06.2005);

– образ мышления:

*Он **мыслил по-азиатски, от общего к частному**, поэтому биографическая справка не может быть ключом к философской прозе Платонова* (Урал 15.09.1999).

Выявление стереотипных черт народов азиатского компонента вписывается в философскую категорию общего и конкретного. Лексема *по-азиатски* в силу достаточно широкого значения (*так, как в Азии*) охватывает

спектр характеристик, которые должны определять Азию в целом. Но Азия – это обширный континент, на котором территориально расположено много стран и проживает много разных народов, поэтому признаки азиатского не могут проявлять себя однотипно. Если переформулировать тезис диалектического материализма – достоинство истинного познания в конкретности – с опорой на стереотипность, то он будет звучать так: специфика стереотипного познания часто лежит в плоскости конкретного.

Обыденное сознание, т. е. здравый смысл, лежащий в основе стереотипных представлений, часто обладает конкретностью, связанной с непосредственно-чувственным способом осознания вещей, с наглядностью представлений о них, особенно на уровне быта, привычек и еды. Подобные характеристики не могут носить абстрактного характера. Поэтому, если сопоставлять контексты со стереотипным представлением об азиатской еде, то мы убедимся, что они описывают разную еду по-азиатски. Несовпадение стереотипных представлений связано с разными районами Азии. Покажем это на примерах.

Специфика азиатской кухни

– типичная для Средней Азии:

В сухое время года – а оно в Душанбе почти всегда такое – столики выставляли на улицу. Ассортимент по-азиатски вековый: плов с непременною косушкой шакароба, лагман, шурпа, к ним лепешка, зелень и чакка, то бишь кислое молоко, а то и манты (Дружба народов; 2019. №3);

– типичная для Восточной Азии:

Больше всего к свинине по-азиатски в качестве гарнира подходят, конечно, рис или рисовая лапша, которую сейчас можно найти в любом гастрономическом отделе (Сургутская Трибуна; 13.11.2020);

Можно потушить овощи с имбирём и чесноком, получается по-азиатски пикантно! (Новый мир (Курган); 3.11. 2021);

Во-первых, сумасшедшие яркие соусы, по-азиатски легкие, взрывающие мозг и рецепторы. Во-вторых, собственно тартары и прочие raw-блюда, без которых теперь никому никуда (Коммерсантъ; 05.06.2019);

– типичная для всей Азии:

Зеленый чай – секрет моего оптимизма, – улыбается Альбина Карловна. – Выпьешь чашку-другую – и плохое настроение как рукой снимает, не говоря уже о массе его оздоровительных достоинств. Я и семью свою чаевничать по-азиатски пристрастила (Краснодарские известия; 05.08.2000).

Прямо противоположные характеристики отмечены нами в группе особенностей азиатского стиля.

Изящество и аляповатость:

Рекламные щиты везде: на зданиях, вокруг дорог, на людях. Причем все это аляповато, по-азиатски безвкусно и вызывает отвращение: все эти «миры» и «империи» кож, мяса, унитазов (Политический журнал; 19.02. 2007);

В коллекции сходятся две противоположности: японская сдержанность с преобладанием натуральных материалов и современная европейская традиция декорирования стен синтетикой. Новые покрытия по-европейски сложны и по-азиатски изящны (Биржа плюс Свой Дом (Нижний Новгород); 15.12.2003).

Роскошь и лаконизм:

Генерал занимает новенький, по-азиатски роскошный кабинет: массивный сверкающий стол, диваны с резными спинками и мягкими подушками, в которых буквально утопаешь (Журнал РБК; 01.05. 2008);

Когда в праздничный день группа бояр шествовала по Москве в длинных, свободно ниспадающих одеждах и высоких меховых шапках, зрелище было по-азиатски пышное (Молодежь Бурятии (Улан-Удэ); 19.03. 2003);

Действительно, внутри все выполнено по-азиатски лаконично: все на своем месте и ничего лишнего (Симбирский курьер (Ульяновск); 06.12. 2005);

***По-азиатски лаконичный** дизайн кафе подчеркнут натуральными материалами, такими как текстиль и дерево, позволяющими создать оригинальное и комфортное пространство, которое не хочется покидать (Весть (Калуга); 01.01.2012).*

Ментальные особенности тяготеют к категории общего и чаще всего получают оценочную характеристику.

Невозмутимость, отсутствие эмоций на лице:

*Проигрываются сумасшедшие суммы – директор одного из ночных клубов уверял меня, что один из его постоянных клиентов, руководитель известного в крае СП, проиграл у него за вечер около 120 тысяч, **совершенно по-азиатски не меняясь в лице** (Независимая газета 30.05.2000);*

***Смуглое, по-азиатски непроницаемое лицо** путника искажила усмешка: а не Аллах ли посылает знак? Не попадётся ли он, как тот суслик, в когти стрепету? (Урал; 15.02.2016);*

*Водитель, **по-азиатски невозмутимый**, молчал (Наш современник; 31.03.2020).*

Особенность восточного человека сохранять спокойствие в ситуациях, где русский человек обязательно продемонстрировал бы свои эмоции, черта, которая также является отклонением от нормы субъекта, поэтому может вызывать настороженность.

Также это могут отступления от русских бытовых и этикетных привычек:

*Я стрелял впервые в жизни; Савва не поверил и **поклонился мне в пояс, по-азиатски**; и мы отправились наверх дообедывать (Москва; 15.01.2004);*

*Как и подобает, я и П.И., **по-азиатски скрестив ноги, расположились перед низеньким столиком**, установленном множестве блюд, подаваемых одновременно (Московские новости; 08.10.1996).*

Наш материал показывает типовые коллокации, включающие наречия *по-азиатски*, характеризующие как поведение, так и речь восточного человека,

например: *поведение по-азиатски осмотрительное, действия по-азиатски находчивые, расчет по-азиатски тонкий, речь по-азиатски завуалированная.*

Азиатский менталитет

Целая группа характеристик связана с негативными проявлениями азиатского менталитета. Укажем их.

1. Коварство и хитрость

Сам был подозрителен и хитер чрезвычайно, по-азиатски (Москва; 15.08.1999);

Раис Давлеткужин сейчас заявляет на каждом углу, что именно он спас русских жителей Белорецка от жестокого геноцида со стороны по-азиатски хитрых и коварных башкир (Республика Башкортостан; 13.11.2003).

Лексема *хитрый* → *хитрость* амбивалентна по своей семантике (подробнее семантику единицы охарактеризуем в третьей главе), покажем негативную характеристику первого и второго значений прилагательного:

«1. Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями. 2. Лукавый, обнаруживающий какой-н. скрытый умысел, намерение» [ТСРЯ 2008: 1063].

Схожим значением обладает прилагательное *коварный* – «отличающийся коварством, склонный к нему» → *коварство* – «злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством» [там же: 344]:

Принцип прост и по-азиатски коварен (Биржа; 14.01.2002);

Курганцы повели по-азиатски коварную политику травливания... (Московская правда; 21.01.1999).

2. Жестокость

Лексическое значение прилагательного *жестокый* – «Крайне суровый, безжалостный, беспощадный» [ТСРЯ 2008: 233].

Эти бывшие автономии Грузии стали фактически независимыми после страшного, по-азиатски жестокого кровопролития и дальнейших этнических чисток (Деловой Петербург; 11.07.2014);

*Причём исход этой революции совершенно непредсказуем: если в итоге победу одержит режим Реджепа Эрдогана – массовые (и **по-азиатски жестокие**) репрессии* (Вечерний Екатеринбург; 14.06.2013);

*В начале мировой войны здесь работали и пленные австрийцы, и китайцы со своей же **по-азиатски жестокой** полицией* (Мониторинг прессы Пермского региона: АЦ Набат; 22.04.2003).

Жестокость азиатов детализируется также при помощи прилагательных *кровожадный, кровавый, варварский, изуверский, изощренно жестокий*.

Необходимо отметить, что азиатская жестокость также может быть выражена глагольными словосочетаниями с дальнейшей конкретизацией, например:

*С его отцом-народовольцем **по-азиатски расправились** жандармы – привязали к хвосту лошади, пустили вскачь* (Знамя; 15.12.2018).

Характеристика черт азиатского характера может включать перечислительный ряд негативных черт:

*Неведомо, донесли ли великому князю или же он сам в своих скользких от глины сапогах зашел не ко времени, а только **гнев его был по-азиатски велик, необуздан и изощрен*** (Дружба народов; 15.03. 2008);

*Они обожали друг друга... Но одинаково, **по-азиатски, были жестоки, упрямые и нетерпеливы в ссоре*** (Татарский мир; 31.10. 2011).

3. Отсутствие культуры, грязь

*Были потертые жизнью бедно одетые люди, бесконечно жующие, пьющие, играющие в карты, выставляющие ноги в пропотевших носках на проход, баюкающие детей, храпящие, бесконечно хлопающие дверями тамбура и туалета, **загаженного вполне по-азиатски*** (Дружба народов; 2001, №9);

*И действительно, в городке, по преимуществу двухэтажном, очень зеленом, **по-азиатски колоритном, грязном и шумном** поближе к вечеру* (Октябрь; 2011, №3).

4. **Нарушение общепринятых норм поведения, отсутствие цивилизованных отношений**

В нашем материале наблюдается двучленная сочетаемость наречия *по-азиатски* с глаголами поведения и бытия, лексическая семантика которых связана с выражением социального поведения и образа жизни. Для интерпретации материала учитывается контекст всего высказывания. Конкретизация поведения обычно реализуется в виде правой валентности:

Ездят тут почти по-азиатски – правила нарушают, но людей не давят ни при каких обстоятельствах (Стольник; 2002 , №17);

А мелкие торговцы ведут себя по-азиатски: патент брать не хотят, а при первой же проверке бросают товар, разбегаются и закрывают свои ларьки. Вот их и надо приучать к цивилизованным отношениям (Биржа плюс Карьера (Нижний Новгород); 08.07.1998);

Делать евроремонт, ходить в европарикмахерскую, есть в евроресторане, ездить на европейской машине, но жить по-азиатски – брать взятки, грубить, плевать, не содержать подъезды и дома в чистоте, жить с гаремом жен (Политический журнал; 03.07.2006);

Они приехали к нам в Сибирь, чтобы зарабатывать на продаже наркотиков баснословные деньги. Действовали по-азиатски осторожно, хитро и в то же время нагло. Одного не учли: сотрудники Тюменского управления наркоконтроля уже имеют большой опыт работы с такими дельцами (Тюменская область сегодня; 11.03.2006).

5. **Характеристика политической сферы государственного устройства**

С одной стороны, страна идет на отважные экономические преобразования и стремится к сближению с цивилизованной Европой, с другой – по-азиатски расправляется с политической оппозицией и не отказывается от силового решения национального вопроса (Московские новости; 20.12.1995);

*А как вам тогда объявленный перед выборами одним международным центром журналистский конкурс: «Я и мой президент»?! **Демократия по-азиатски – младшая сестра культа личности.** Это лишь первая ласточка. А потом их прилетят стаи* (Комсомольская правда; 02.07.2005);

*Дух войны накладывается на национальный протекционизм, жесткое законодательство, **по-азиатски** **изощенный и коррумпированный бюрократизм,** необязательность, солидарную безответственность и корпоративизм* (Offshore Express; 03.04.1998);

*То ли кандидаты-джентльмены не нашли в себе сил уступить думское место дамам, то ли земляки-уральцы **по-азиатски** **считают, что руководить страной – привилегия мужчин*** (Труд-7 (Челябинск); 11.12.2003).

Амбивалентность собранного материала дает возможность выделить контексты с положительной оценкой азиатского характера и образа жизни.

1. Хитрость

Прилагательное *хитрый* в русском языке является многозначным, одно из значений данной лексики имеет положительную оценочность: «3. Изобретательный, искусный в чем-н.» [ТСРЯ 2007: 1063]:

*...много **по-азиатски хитрых новшеств.** Новый японский внедорожник прошел специальную сертификацию для российской суровой действительности и, в частности, оснащен особой системой очистки для российской топливной жидкости* (Деловой еженедельник; 4.10.1999).

2. Гостеприимство, радушие, щедрость

*Нужен городской рынок... **по-азиатски щедрый и гостеприимный*** (Уральский рабочий; 16.08.2008);

*Хозяин... встречает нас **по-азиатски радушно*** (Караван + Я; 8.05.2002);

*Руководство команды «Казахмыс» встретило нас очень хорошо, отношения были радужными, **гостеприимство по-азиатски хлебосольное*** (Сегодняшняя газета (Красноярск); 6.11.2003).

3. Вежливость, уважительность, почтение

*Выпишите данные, сделайте копию, но паспорт забирать нельзя, пробовала отстоять свою правоту Кристина. **Ей по-азиатски вежливо улыбнулись и сделали все по-своему*** (Челябинский рабочий; 23.10.2008);

*В первых двух рядах продолжали стоять студенты-вьетнамцы. Они **по-азиатски уважительно улыбались*** (Наш современник; 30.11.2013);

*Гости обращались **по-азиатски почтительно*** (Вечерняя Уфа; 20.01.2016);

*Но попытаюсь их **воспитать по-азиатски**, не в смысле мусульманства, а чтобы **уважали старших** и т. д.* (Огонёк; 09.07.2012).

4. Мудрость

*Но **по-азиатски мудрый** Назарбаев собрал своих коллег не ради укрепления их здоровья* (Российская Федерация–Сегодня; 11.03.2002);

*Россия, **по-азиатски мудро** решившая оставить вопрос самоидентификации с Западом или Востоком...* (СалонЪ Недвижимости; 11.06.2004).

6. Трудолюбие

*Без отрыву сидел за столом, **по-азиатски, по 12 часов в день** — работал* (Наш современник; 31.05.2014).

*Мое представление о метрополиях Сингапур развенчивал на каждом шагу. Казалось бы, столица с ее супермаркетами и торговыми рядами вдоль улиц и неиссякаемым потоком «гостей столицы» могла бы задыхаться от мусора. Так и было когда-то, но сингапурцы **по-азиатски кропотливо и старательно** боролись за чистоту и образцовый быт* (Новые деловые вести (Волгоград); 15.04.2006).

7. Дисциплинированность

*Команда эта **по-азиатски дисциплинированна, хорошо организованна** да и укомплектована в основном футболистами, играющими в европейских чемпионатах* (Вечерний Ставрополь; 19.05.2006);

Тем самым весьма рачительно распорядилась многомиллиардными инвестициями вкупе с дешевой и по-азиатски дисциплинированной рабочей силой (Тайный советник (Санкт-Петербург).

Итак, с одной стороны, образ Азии наделен признаками восточной мудрости и элементами высочайшей восточной культуры, с другой стороны, мир Азии – это стереотипные представления о коварных и жестоких врагах. Одной из причин негативного отношения к Азии является противоречивость русского национального характера, которая является одним из доминирующих признаков культурной идентичности русских. Дуальная природа структуры русской культуры проявляется, с одной стороны, в отсутствии «нейтральной аксиологической сферы» [Лотман, Успенский 1996: 338], с другой стороны, в наличии у русских двух цивилизационных начал: европейского и азиатского. Положительные черты в русской культуре и в русском характере связывают обычно с европейской составляющей, тогда как отрицательные черты – с азиатским негативным началом. Эта идея транслируется в широко известных текстах художественной литературы. Вспомним, например, Александра Блока: *Мы широко по дебрям и лесам / Перед Европою пригожей / Расступимся! Мы обернемся / к вам / Своею азиатской рожей! / Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы. / С раскосыми и жадными очами!* или Николая Щербину: *У нас чужая голова, / А убежденья сердца хрупки... / Мы – европейские слова / И азиатские поступки.*

Важной языковой особенностью является наличие в русском языке лексических единиц, которые закрепили отрицательное отношение к азиатскому началу русской ментальности. Это русские существительные с корнем *азиј-*: *азиат*, *азиатчина* и *Азипа*. Важным для выявления отношения русских к феномену азиатского является слово *азиатчина*, анализу которого посвятим специальный параграф.

2.2. Лексема *азиатчина* как вербализация стереотипного отношения к Азии

В сложившейся бинарной оппозиции *положительная – отрицательная характеристика* феномена азиатского пейоративная составляющая этностереотипа начинает преобладать, когда речь идет о сопоставлении Европы и Азии: прогрессивной и цивилизованной Европе противостоит дикая Азия. Наблюдения за коллокациями в российских СМИ, включающими качественно-обстоятельственные наречия *по-азиатски* и *по-европейски* со значением способа действия – *как в Азии, как в Европе*, показывают аксиологически противоположные смыслы, закрепленные за этими наречиями: *по-азиатски* *дикий, хитрый, коварный, грубый* и другие негативные характеристики, *по-европейски* *культурный, цивилизованный, качественный, идеальный* и другие атрибутивы со знаком качества.

Вербальным подтверждением этого негативного отношения, выходящего на первый план, является лексема *азиатчина*, зафиксированная в толковых словарях русского языка.

Цель данного этапа работы – анализ лексической семантики существительного *азиатчина* по данным толковых словарей, а также исследование особенностей функционирования лексемы в российских СМИ.

2.2.1. Лексикографическое описание лексемы *азиатчина*

Слово *азиатчина* получило свою популярность в XIX веке и зафиксировано в толковых словарях дореволюционного времени. Слово *азиатчина* (*азиатщина*) в словаре Я.К. Грота имеет значение: «1. Азиатский, грубый обычай или быт. 2. то же, что *азиат* во 2 значении» → *азиат* «2. Бранное слово: грубый, необразованный человек» [Слов. Акад. 1895. Т.1: 19]. В Толковом словаре В.И. Даля присутствует только лексема *азиат* / *азият* с пометой «бранное слово» со значением «грубый, необразованный человек» [Даль 2007. Т. 1: 52]. В словаре М.И. Михельсона *азиатщина* / *азиятщина* определяется как «противоположные европейским обычаям, т.е. грубые;

отсутствие цивилизации. Азиат (азият) (иноск.) — грубый, невоспитанный человек. Азия! — отсталый народ, отсталая страна» [Михельсон 1912: 8].

В первом толковом словаре советской эпохи Д.Н. Ушакова *азиатчина* определяется как «некультурность, культурная отсталость, грубость» [Ушаков 1935. Т.1: 18]. Более поздние советские толковые словари определяют значения слов *азиат* и *азиатчина* с негативной семантикой как устаревшие.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» слово *азиатчина* определяется как «культурная отсталость, некультурность (*устар.*)», а слово *азиат* – «пренебрежительно: о некультурном, отсталом человеке (*устар.*)» [БАС 1. Т.1: 64]. Во 2-м издании академического «Словаря современного русского литературного языка» значение слова *азиатчина* «о культурной отсталости» также дается с пометой «устар.» [БАС 2. Т.1: 104], *азиат* – «2. *Устар.* О грубых, жестоких, отсталых людях» [там же: 105].

В первом издании четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой лексема *азиатчина* в значении «отсталость, дикость» употребляется с пометой «устар. бран.». Слово *азиат* определяется как «отсталый, грубый человек» [МАС 1 изд. Т. 1. 1957: 27]. Последующие издания малого академического словаря, начиная со второго, исправленного и дополненного, не включают лексему *азиатчина* и оставляют слово *азиат* как «*Устар. бран.* Об отсталом, грубом человеке» [МАС. Т. 1. 1981: 27].

Первые издания «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова включали слово *азиатчина*, определяемого как «отсталость, дикость» [Ожегов 1970: 19]. Дальнейшие издания под редакцией Н.Ю. Шведовой исключили эту единицу и сняли негативную коннотацию с лексемы *азиаты* – «Коренные жители Азии» [ТСРЯ 2008: 7].

В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой значение слово *азиатчина* – «устар. Элементы культурной отсталости» [Ефремова 2000. Т. 1: 40], в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова *азиатчина* определяется как «обычно ед., в функц. сказ. *Устар. Бранно.* О

культурной отсталости, дикости, невежественности», *азиаты* – «обычно ед., в функц. сказ. устар. бранно. О некультурном, невежественном человеке (противоп.: европеец)» [Кузнецов 2000: 31].

В проекте «Толкового словаря русского языка XXI века» Г.Н. Складневской *азиатчина* – это «совокупность приписываемых азиатам негативных качеств» [Складневская 2019: 269]. В иллюстративной части словарной статьи перечисляются черты *азиатчины*: «культурная отсталость, склонность к воровству, неопрятность, привычка халтурить на работе, стремление жульничать» [там же].

Итак, в большинстве словарей негативная коннотация слова *азиатчина* связана с признаками культурной отсталости, грубости, нецивилизованности. При этом современные словари указывают, что употребление единиц с корнем *азиј-* как бранных является устаревшим, а совокупность негативных признаков, согласно словарю Складневской, характерных для азиатов, сейчас лишь приписывают им, т.е. относят «к кому-чему-н. ошибочно или без достаточных оснований» [ТСРЯ 2008: 737].

Словообразовательная структура производного слова отражает негативную коннотацию лексемы. Существительное *азиатчина* образовано при помощи суффикса *-чин(а)*, который имеет «значение «признака, названного мотивирующим прилагательным, как бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение», **обычно с оттенком неодобрения**» (выделение наше. –К.В.) [Русская грамматика 1980. Т.1: 180]. В качестве подтипа Грамматика выделяет слова, образованные от названий народов и стран, в частности, существительное *азиатчина* мотивировано существительными *Азия* и *азиат* [там же]. Судя по приведенным выше словарным данным, негативность производной лексемы *азиатчина*, с одной стороны, определялась семантикой производящего слова *азиат*, имевшего отрицательную коннотацию в XIX веке, с другой стороны, усиливалась пейоративным словообразовательным значением суффикса.

2.2.2. Функционирование лексемы *азиатчина* в современных СМИ

Словарная помета «устар.» в современных словарях требует проверки: необходимо определить, вышла ли устаревшая лексема из употребления и, если употребляется, какие смысловые компоненты реализует слово *азиатчина* в современных контекстах. Для реализации задачи мы обратились к текстам современных СМИ с целью проследить словоупотребление лексемы *азиатчина*. При использовании электронной базы данных Интегрум в результате корпусной выборки мы получили 2174 контекста с повторяющимися стереотипными признаками понятия, получившего вербальное воплощение в лексеме *азиатчина*.

С опорой на НКРЯ мы представили график употребления лексемы *азиатчина* в текстах на русском языке в период 1883–2023 гг. для установления временных закономерностей (рис.1):

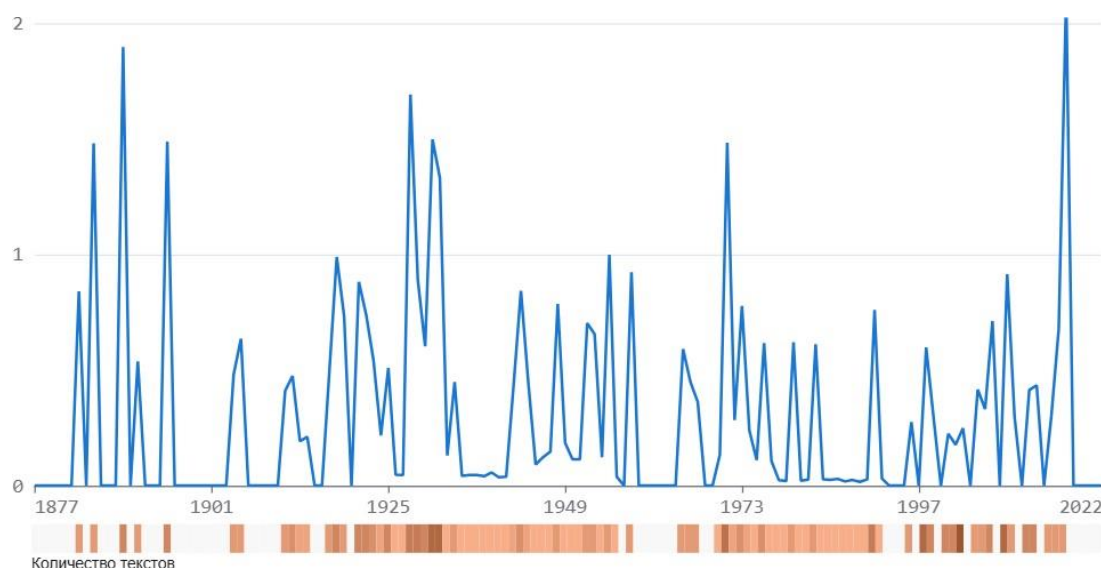

Рис. 1. Количество употреблений лексемы *азиатчина* с момента первой фиксации слова по наст. период

Исходя из представленной диаграммы, резюмируем: лексема *азиатчина* впервые встречается в русскоязычных текстах в 1883 г. Первый пик употребления лексемы *азиатчина* приходится на конец XIX в. В дальнейшем частое упоминание лексемы *азиатчина* происходит в период 1920-х гг. и 1970-х гг. С 2010-х гг. наблюдается возврат к активному использованию лексемы *азиатчина*. Можно сделать предположение, что частотность употребления

слова связана с этапами активного обсуждения в обществе основополагающих идей, связанных с самосознанием и самоидентификацией российского общества, с формированием жизненных позиций личности, социальных групп и общества в целом.

Последний пик употребительности приходится на период 2020-х гг. Представительный корпус контекстов с анализируемой лексемой, собранный нами, позволяет сделать общий вывод о том, что слово употребительно и в современном обиходе.

Носители языка, с одной стороны, осознают, что слово *азиатчина* выходит из употребления, например:

Когда-то «азиатчина» была синонимом отсталости (Российская газета; 05.09.2022);

Со времен Петра азиатчина – это некий образ, который укоренился как нечто плохое (Шанс (Абакан); 19.05.2005);

Страна прорубает окно в Европу, не выходя из дикой азиатчины (Независимая Газета; 16.01.2008);

Юрий Михайлович Лотман в «Биографии писателя» характеризует 20-30-е годы XIX века как годы, которые «имеют в русской истории особую, ни с чем не сравнимую физиономию». ...Все это происходило на фоне радостного расставания с дикой азиатчиной (Томский вестник; 10.02.1999);

Раньше, в советской Москве, ...Восток презирали все, считая, что самое страшное – это грязная жестокая азиатчина (Виктор Ерофеев; Огонёк; 07.01.2002);

Недавно, по историческим масштабам буквально вчера, даже не склонные к расизму авторы употребляли слово «азиатчина» как синоним произвола, опирающегося на баранью покорность (Известия 26.06.2012);

Вот ключевое слово – «цивилизация», она противостоит отсталости, архаике, рабству, предрассудкам, невежеству – всему тому, что Ленин называл «азиатчиной» (Независимая газета; 19.06.2013).

С другой стороны, факты современной жизни позволяют констатировать проявления азиатчины в новейший период:

Уж на что Грузия маленькая, вся на виду, так и там, ступив на эту «дорогу к счастью», быстро перешли к пыткам, изнасилованиям и так далее. Несмотря на «европейскую прозрачность», ушли в дикую азиатчину (Комсомольская правда; 19.02.2013);

*Незамеченными не остались и такие **проявления дикой азиатчины** в «европеизирующейся» Турции, как сожжение книг известного писателя-турка Орана Памука в отместку за признание им геноцида* (Еркрамас (Краснодар); 29.04.2005).

Подавляющее количество контекстов связано с отражением фактов *русской / нашей азиатчины*, с размышлениями о выборе пути, по которому должна идти страна в новой геополитической ситуации. В современных условиях поворот России лицом к Азии становится важнейшей национальной задачей. В связи с этим в печати обостряется дискуссия «Восток–Запад»:

В России, как известно, все есть: в ней легко обнаружить восточные и западные корни, элементы «европеизма» и самой дикой «азиатчины» (Обозреватель; 15.10.1997);

Прорубив окно в Европу, решили, что мы европейцы. А азиатчины в нас добрая половина: географически, ментально и по крови (Российская газета; 08.12.2006);

Никакие мы, в строгом смысле, я думаю, не европейцы, а «скифы мы и азиаты мы». Ими были, ими и останемся (Наш современник; 30.11.2014).

Рассуждения о том, «что Россия – это Запад на Востоке или Восток на Западе» [Ташлыкова 2022: 71], реанимируют устаревшее слово *азитчина*. Выбор между Европой и Азией становится для России оценочным выбором: при сравнении европейского с азиатским азиатскому всегда выставляется более низкий балл, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия.

Двойственная цивилизационная природа России приводит современных авторов к выводу: будучи европейской страной по культуре, Россия – во многом азиатская страна, в первую очередь, по формам государственного управления. Контексты со словом *азиатчина* обращены к характеристике несоответствия европейским стандартам российского политического и общественного устройства:

Однако отечественные патриоты ...выстраивают оппозицию очень жестко: если мы не Европа – значит, мы азиатчина, кровавая, тоталитарная, жестоковейшая. Сатрапия как она есть, образца позапрошлого века (Компания; 02.04.2007);

В азиатском опыте нашим консерваторам больше всего близка азиатчина. Главные ее черты в организации общественно-государственного устройства: несменяемость власти, отсутствие разделения властей, беззаконие, авторитаризм, монополия, избыточная роль государства в экономике, отсутствие критики, свободы в творчестве, культуре, самовыражении художника (Независимая газета; 31.08.2022);

На дворе XXI век – как бы апофеоз демократии, порыв к модернизации, к гражданскому обществу, – а в политической культуре всё то же местонаследие, всё та же азиатчина с продлеваемым (до полного истления политического рейтинга) очередным «великим правлением» (Аргументы и факты; 26.01.2011);

В азиатских странах права человека тоже нередко подавляются. Это означает, что сближение с Востоком может дорого обойтись России. Как бы нам не скатиться дальше в азиатчину (Независимая газета; 08.09.2022).

Тревожное и, по выражению социолога Льва Гудкова, «мазохистское переживание собственной азиатчины» стало основой для рефлексии по поводу проявления культурной отсталости и человеческого варварства на российской почве:

Есть с чем сравнить отношение нашего человека к природе. Тут дикой азиатчиной пахнет, которая свой мусор за аул выбрасывает. Так и у нас. И чем дальше, тем хуже. Люди выезжают на природу – и чем все заканчивается? Разбросанными помидорами и пластиковыми бутылками (Берег (Воронеж); 14.03.2013);

В данном случае режиссер чувствует природу русской азиатчины, чувствует мусор нашей языковой среды и бездорожье тоже чувствует, буквально кожей, поэтому в прямом смысле окунает всю пьесу в настоящую непролазную черную жижу (Коммерсантъ; 30.09.2006);

Вот я, например, здесь, сколько работаю, никогда не брала взятку, а ведь то и дело суют. Азиатчина! На Руси никогда не давали взятку, это из Азии к нам пришло (Комсомольская правда; 31.03.2008);

Забивать животных на улице или даже в грузовиках – это азиатчина, полная антисанитария (Комсомольская правда; 20.11.2010).

Кроме конкретных фактов фиксации культурной отсталости, появляются контексты, где проявления азиатчины приобретают гиперболический характер:

У нас – мрак азиатчины, бездорожье, бесправие и несвобода (Независимая газета; 02.07.2009);

Но мы могли бы в десятки раз жить красивее, умнее и богаче, если бы не коррупция, которая гробит все, что только можно, и истребить которую практически невозможно. И эту восточную часть нашего менталитета необходимо искоренить. Потому что мы не Азиона, мы Евразия. И чем больше мы будем азиатчину в себе побеждать, тем будет лучше для всей страны (Новые Известия; 29.08.2014).

В приведенном выше контексте употреблено слово *Азиона*, еще одна производная единица с «азиатским» корнем, авторство которой принадлежит русскому либералу-европеисту П.Н. Милюкову, отрицавшему идею синтеза цивилизаций и применявшему окказионализм в 1920–1930-е гг. в эмигрантской полемике с евразийцами: *Какая же мы Евразия, мы скорее*

Азиона. Явная негативность лексемы связана с ассоциативным звучанием слова (по сравнению с *Евразия*), тонко рифмующегося с известным ненормативным словом.

Следующий контекст может служить примером внутренней негативной самоидентификации России, под которой понимается «самоутверждение, ...выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя» [Гудков 2004: 271]:

Гораздо более недобрые чувства во мне вызывают люди, живущие в России и при этом поливающие ее последними словами. Я их просто не понимаю, а от этого раздражаюсь. В самом деле, если тебе так плохо в этой (нецензурно) рашке, где все пьют, воруют и всячески безобразничают, где «никогда не будет ничего хорошего», где дикая азиатчина, все рабы и быдло, упивающиеся своим рабством и быдлечеством, – ну так что ты тут сидишь? Чемодан в руки – вокзал – весь мир (Невское время; 04.10.2012).

2.2.3. Контекстная интенсификация отрицательной коннотации лексемы *азиатчина*

Наблюдения за функционированием лексемы *азиатчина* в современном дискурсе позволяет выявить лексико-семантические особенности употребления слова. Слово, утратив значение инвективной единицы, характеризуется усиленным характером негативной коннотации за счет контекста. Интенсификацию отрицательной оценки можно наблюдать в ряде случаев. Отметим их.

1. Синонимические лексемы, находящиеся в однородном контекстном ряду, усиливают негативно-оценочный эффект слова *азиатчина*:

Укоряющих нас в дикости, «азиатчине», отсталости (Аргументы и факты; 10.05.2006);

...обличие отсталости и азиатчины (Московский Комсомолец; 03.12.2013);

Но бороться с базарной азиатчиной, обманом, неграмотностью и полуграмотностью можно и нужно уже сегодня (Московская правда; 14.01.1998);

Совсем другой набор устойчивых словосочетаний: азиатское коварство, азиатская хитрость, азиатская жестокость, “азиатчина” (Новое дело (Нижний Новгород); 01.11.2007);

Всю эту азиатчину, взятки, угодничество (Дружба народов; 15.07.2018);

Азиатчина в виде архаичного авторитаризма и тотальной коррупции (Московский Комсомолец; 17.02.2012);

Мат и азиатчину, понимаемую в широком смысле – произвол, продажность, власть силы (Знамя; 15.10.2018).

2. Интенсифицирующую функцию усиления смысловых компонентов лексемы *азиатчина* выполняют атрибутивные характеристики слова:

Сбросили с России панцирь дикой азиатчины (Труд-7, Москва; 12.07.1996), см. значение слова *дикий* – «2. перен. Грубый, необузданный» [ТСРЯ 2008: 198];

...тянет обратно, в глухую азиатчину (Независимая газета; 17.03.2008), см. значение слова *глухой* – «Тихий, без проявления жизни» [ТСРЯ 2008: 154];

...отвернуть россиян от заскорузлой азиатчины и приохотить их к европейскому политесу (Мир новостей; 18.12.2007), см. значение слова *заскорузлый* – «2. перен. Отсталый, неразвитой, закоснелый» [ТСРЯ 2008: 265]; *Это не благородное ведение войны, а попросту варварская азиатчина* (АиФ; 30.08.2017), см. значение слова *варварский* – «перен. Бессмысленно разрушительный, грубый, жестокий» [ТСРЯ 2008: 73].

3. Употребление параметрических слов-интенсификаторов для выражение сильной степени свойства или состояния, получивших название «усилителей», указывающих «на возрастание признака в направлении к максимуму» [Арутюнова 1988: 246]:

...а вы оставайтесь наслаждаться **дремучей азиатчиной!** (Аргументы и факты; 27.06.2007);

Но именно на этой территории возобладала **дремучая азиатчина** (Караван + Я (Тверь); 16.01.2013), см. значение слова *дремучий* – «2. перен. О носителе каких-н. отрицательных качеств: совершенный, полный» [ТСРЯ 2008: 216];

Здесь — **сплошная азиатчина** (Вечерний Ростов; 29.05.2007);

У нас **сплошная азиатчина** (Парламентская газета; 03.10.2003), см. значение слова *сплошной* – «3. Чрезвычайный, очень сильный (разг.)» [ТСРЯ 2008: 929];

Теория «европейская», а на практике – **махровая «азиатчина»** (Рабочий край (Иваново); 17.02.2004), см. значение слова *махровый* – «2. перен. Ярко выраженный со стороны какого-н. отрицательного качества» [ТСРЯ 2008: 435];

Да всё просто, мы из разного теста: я, видать, европеец, а «другие» – это ад и **форменная азиатчина** (Литературная газета; 05.09.2012), см. значение слова *форменная* – «2. самый настоящий, не кажущийся (разг.)» [ТСРЯ 2008: 1055].

В классе слов-усилителей выделяются «максимизаторы», еще один вид параметрических интенсификаторов, которые указывают «на приближение признака к пределу» [Арутюнова 1988: 246]. Нарастание признака в нашем материале манифестируется прилагательными в превосходной степени:

Самой дикой «азиатчины» (Обозреватель; 15.10.1997);

...**самая отвратительная «азиатчина»** (Воронежские вести; 30.11.2005);

...**азиатчина в чистейшем виде** (Новая газета; 11.07.2016), см. значение коллокации *в чистом виде* – «1) без посторонних примесей» [ТСРЯ 2008: 90].

4. Метафорические характеристики лексемы *азиатчина* создают негативный оценочный образ, основой которого может быть

а) сильная по интенсивности проявления зона сенсорного напряжения, которая концептуализирует область отрицательной оценки. К модусам обнаруженных в материале перцепций относятся

– ольфакторная характеристика лексемы *азиатчина*:

Как на тебя воню дышит дремучая Азиатчина (Ростов официальный; 29.03.2006), см. значение слова *вонь* – «(разг.) Отвратительный запах, зловоние» [ТСРЯ 2008: 109];

От него несет грубой азиатчиной, бескультурьем (Независимая газета; 17.07.2008), см. значение слова *нести* – «8. безл., чем. Сильно пахнуть (в 1 знач.) (разг. неодобр.) [ТСРЯ 2008: 518].

– цветовая характеристика лексемы *азиатчина*:

У нас – мрак азиатчины... (Независимая газета; 02.07.2009), см. значение слова *мрак* – «Глубокая, непроглядная тьма» [ТСРЯ 2008: 464].

– тактильная характеристика лексемы *азиатчина*:

Но как быть с ощущением стагнации и застоя – когда трудно дышать от вязкой азиатчины в воздухе (Дружба народов; 15.04.2010), см. значение слова *вязкий* – «Тягучий, клейкий» [ТСРЯ 2008: 141].

б) ориентационная метафора, отражающая идею направленного движения вниз, эксплицированную глаголами, и имеющая отрицательную коннотацию деградации [Русова 2011: 147]: «нижнее пространство осознается ...темным, опасным, в которое человек не стремиться попасть» [Мухачева 2003:11]:

Страна наша стала сползать в еврозавистливую азиатчину (Коммерсантъ; 14.09.2015);

Как бы нам не скатиться дальше в азиатчину (Независимая газета; 08.09.2022);

Погрязший в азиатчине народ (Дружба народов; 15.04.2010);

в) метафора пустоты, на основе которой создаются образы бездуховности, «актуализируется отрицательное отношение к пустому

пространству как непривлекательному, неинтересному, непригодному, функционально незначимому» [Мухачева 2003: 8]:

Зияла пустота дикости и азиатчины (Воронежская неделя; 15.10.2003).

5. Употребление словосочетания *азиатчина какая-то* в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), квалификативно-оценочном [Золотова 1988: 25] значении в составе конструкции с интонационным выделением. В работах, посвященных синтаксическим особенностям русской разговорной речи, давно отмечен тип конструкций с постпозицией местоимения, в которых дейктическая единица (в данном случае – местоимение *какая-то*), теряя свои семантические свойства, выступает в роли интенсификатора – эмоционально-экспрессивной частицы, сигнализирующей об определенном эмоциональном состоянии говорящего и усиливающей оценку даваемому объекту говорящим. «Эмоциональное подчеркивание обычно описывают как усилительное значение» [Русская разговорная речь 1973: 270]:

Если градус ударил в мозг, хватайся за нож и кромсай людскую плоть. Азиатчина какая-то (Московская правда; 17.07.2002);

Когда один человек определяет размеры должностных окладов, по моему, это просто азиатчина какая-то! (Арсеньевские Вести (Владивосток); 30.09.2004);

Неужели они снесли «Москву», не имея готового проекта? – удивился один человек, очень далекий от проблем московского градостроительства. – Но ведь это же... азиатчина какая-то... (Время новостей; 24.08.2004);

Нужно изжигать различные подношения. Давать взятку – это тоже преступление. А ведь суют на каждом шагу! Извините, это азиатчина какая-то (Комсомольская правда; 18.10.2016);

Торговля продуктами питания идет, как и в прошлые годы, с земли, возле ног прохожих, в пыли. А каково самим продавцам! Кто живет поближе и у кого еще есть силы, приносят с собой стульчики, ставят тарные ящики,

расстилают картонки и газеты. Просто азиатчина какая-то (Челябинский рабочий; 22.04.2008).

Приведенные выше контексты описывают ряд конкретных ситуаций, вызывающих негативную реакцию говорящего, которая вербализируется в виде эмоционально-оценочного выражения *азиатчина какая-то*, употребленного в функции нетабуированного бранного слова, поскольку оно, находясь в позиции сказуемого, «подчёркивает экспрессивность речи и категоричность выражаемой оценки» [Герасименко 2017: 16].

Заканчивая наблюдения за функционированием лексики *азиатчина*, скажем: этнические гетеростереотипы, или устойчивые представления одного этноса о другом, обычно обнаруживают предубеждения к другим этническим группам, объясняемые неприязнью к чужому и незнакомому. Цивилизационно-культурная российская двойственность – восточная и западная – стала характерной чертой истории российского общества. Исторически сложившаяся российская востокобоязнь вербализовалась в лексеме с негативной коннотацией *азиатчина*, которая, по данным толковых словарей, является устаревшим словом, в понятийной основе которого лежит система смыслов, сформировавшаяся в предшествующий период истории. Современный инструментарий, предоставляемый корпусной лингвистикой, позволил проследить активизацию словоупотребления устаревшей лексики в СМИ и сделать вывод о том, что полностью избавиться от негативного стереотипного восприятия Азии современным носителям языка не удастся до сих пор. Негативная характеристика всякой отсталости получает дополнительную интенсификацию за счет контекстных партнеров лексики *азиатчина*. Слово, наделенное определенными псевдочертами, становится «контраксологемой» (Н.А. Купина), поскольку олицетворяет все чуждые для россиян ценности и отрицательные явления России.

Выводы

Лингвокультурологический анализ контекстов, использующий в качестве основного маркера стереотипного представления об Азии и азиатских

народах наречие *по-азиатски*, подтвердил наличие противоречивости по отношению к Азии. Исследуемые коллокации, включаемые в свой состав стереотипные представления об основных характеристиках объекта, складываются в дихотомию идеального образа Азии, который манифестируется, с одной стороны, положительными признаками мудрости, почтительности, уважительности, вежливости, трудолюбия, дисциплинированности, радушия и щедрости (см. словосочетания *по-азиатски мудрый, по-азиатски радушный и гостеприимный, по-азиатски щедрый* и др.). С другой стороны, в генетической памяти русских всегда есть противопоставление русского мира Азии, Востоку как устойчивому образу Чужого. И тогда русское коллективное сознание оценивает Азию сквозь призму своих стереотипных представлений о хитрых, коварных, жестоких, варварских азиатах (*по-азиатски хитрые, коварные, жестокие и грубые*). Бинарная оппозиция Европа – Азия, Запад – Восток формирует противоположные стереотипные представления разной степени мифологизированности. Эта амбивалентность кодов азиатской культуры мирно сосуществует в обыденном сознании русских, свидетельствуя «о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чем-то неоднородной и противоречивой, но все же почти монолитно цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно говоря, и породила в свое время дихотомию Восток–Запад» [Васильев 1994: 13].

Изучение обобщенного образа азиатского иногда сталкивает противоположные проявления одного конкретного признака, например, азиатская кухня – слишком общее понятие по своему содержательному наполнению по отношению к кухням различных азиатских этносов; азиатский стиль может оцениваться диаметрально противопоставленными признаками: роскошь и лаконизм, изящество и аляповатость.

Аксиологически негативная тональность высказываний об Азии и азиатском человеке манифестирована в ряде этномаркированных лексических единиц – *азиат, азиатчина*, окказиональном – *Азиона*. Анализ словарных

данных и наблюдения за функционированием лексики *азиатчина* в современной публицистике позволяет выявить перечень смысловых признаков, приписываемых азиатчине (перечень складывается из наблюдений за биграммами с лексемой *по-азиатски* и высказываниями со словом *азиатчина*): *культурная отсталость, невежество, грубость, бытовая неопрятность, антисанитария, привычка халтурить и жульничать, авторитаризм власти, несменяемость власти, беззаконие, продажность, несвобода*.

Наряду с наличием у слов *азиат* и *азиатчина* словарной пометы о их статусе как слов устаревших мы наблюдаем пики популярности их употребления не только в XX-ом, но и в XXI-ом вв. Пики частотности употребления слова *азиатчина* связаны с активизацией обсуждения цивилизационных проблем самоидентификации российского общества, и лексема *азиатчина* не теряет своей актуальности.

Успехи Азии во всех сферах экономической и общественной жизни, усиление азиатского дрейфа России требуют перемен в умонастроениях россиян, разрушения сложившихся стереотипов. Требование времени – не избавление от азиатских корней, а сохранение своей идентичности. Словосочетание *русская азиатчина* в новом его понимании должно подчеркивать самобытность и своеобразие российской цивилизации.

Глава 3. Репрезентация стереотипных представлений о Китае и китайцах

Преамбула

Данная глава начинается следующий этап исследовательской работы – выявление этностереотипов о народах Восточной Азии – Китая, Японии, Кореи; Северо-Восточной Азии – Монголии и Юго-Восточной Азии – Вьетнама. В качестве результата исследования – определение сходства стереотипов, которые объединяют азиатские народы, а также стереотипных признаков, по которым русское языковое сознание различает эти народы. Средством выявления стереотипных представлений являются биграммы с качественно-обстоятельственными наречиями с конфиксом *по-...-и*, образованные от соответствующих прилагательных: *по-китайски, по-японски, по-корейски, по-вьетнамски, по-монгольски*.

Покажем количество контекстов с данными наречиями на основе выборки из Интегрума: *по-китайски* – 10504 употреблений; *по-японски* – 10096, *по-корейски* — 4176, *по-монгольски* — 716, *по-вьетнамски* — 588.

Региональная неравномерность контекстной представленности стереотипных черт азиатских народов в российских СМИ зависит от этнической иерархии стран в российском общественном сознании: больше информативных поводов для печати дают такие страны, как Китай, Япония или Корея, меньше Монголия или Вьетнам.

3.1. Матрица аспектной характеристики носителя другого этноса

В силу разной количественной представленности материала рассмотрим, прежде всего, в качестве отдельного объекта исследования стереотипные черты, приписываемые жителям Китая, для выявления полной матрицы стереотипных черт носителя другого этноса. Китай для русских с XVIII века по сегодняшний день является символом экзотической и загадочной азиатской страны. Непохожесть культур, глубокое различие в философии и мировосприятии, несходство языков всегда вызвали интерес к стране и желание познать ее с одновременным формированием стереотипных представлений.

Стереотипные характеристики Китая и китайцев привлекают внимание ученых. На разном материале и с помощью различных методов исследования выявляется стереотипный образ Китая, см.: [Абрамова, Архангельская 2021; 2023; Антипов 2018; Верченко 2022; Ду Л., Березовская 2016; Дурейко 2021; Жуйун Ч., Коновалова, Симакова, Соловьева 2014; Луник 2007; Манцаева, Батаева 2019; Михайлова, Чэн Юйсяо 2018; Рахмат 2022; Струкова, Щелконогова 2007; Сюэ Б. 2019; Ся Ш. 2008; Тикуев 2010; Титаренко 2014; Усынина 2022; Федорова В. С., Цюй Юн 2011; 李 玮 Ли Вэй 2016; 孙 芳 Сунь Фан 2010; 关世杰 Гуань Шицзе 2016 и др.].

В ходе анализа материала выяснилось, что выбранный нами в качестве основного маркер стереотипного представления о Китае и китайцах – наречие *по-китайски* – недостаточен для поставленной нами задачи – выявить максимально полный набор стереотипных черт китайцев для заполнения матрицы. Поэтому для сбора материала мы подключили дополнительные языковые средства выражения стереотипности, о которых писал Л.П. Крысин [Крысин 2005: 452-453].

С опорой на работы исследователей, обращающихся к созданию стереотипного портрета этнонима [Белова 2006; Березович 2007; Березович, Рут 2000; Крысин 2005], представленная нами матрица в общем виде обеспечивается тремя аспектами характеристики носителя другого этноса: антропологическим (1), ментальным (2) и социальным (3).

1. Антропологический аспект связан с описанием различных параметров внешности человека: облик в целом, рост, комплекция, разрез глаз, цвет кожи и волос и др.

2. Ментальный аспект опирается на стереотипные представления о чертах характера чужого этноса, бытовых и поведенческих привычках, интеллекте, убеждениях.

3. Социальные характеристики обеспечиваются стереотипными представлениями о политическом устройстве страны, внешней и внутренней

политике, экономике, устоявшимися знаниями о культуре, традициях, языке страны, которые дополняют облик человека, живущего в этой стране.

Рассмотрим заполнение предлагаемой матрицы.

3.2. Антропологические характеристики китайцев

Самой яркой чертой внешнего облика, характерного для китайцев, являются глаза, которые описываются при помощи прилагательных *узкие* и *раскосые*:

Шанхайские ткачихи сделали Ильичу по-китайски узкие глаза

(Народное творчество; 31.10.2007);

Крошечное синюшное существо с ручками, больше похожими на куриные лапы, со сморщенным лицом и по-китайски узкими глазами (Мегаполис Экспресс; 1.12.2003).

Кроме формы глаз, подчеркивается характер их разреза:

Красивое слово «эпикантус» я еще помнил – это такая фиговина, из-за которой китайцы и называются в просторечии «косоглазыми» (Аргументы и факты; 31.03.2004);

Второй путь предполагает дальнейшую либерализацию российского общества и утверждение в нем терпимости к новому антропологическому типу среднестатистического россиянина — преимущественно черноволосого человека с раскосыми по-китайски глазами (Дагестанская правда (Махачкала); 10.11.2005),

см. значение слова *раскосый* — «2. О глазах: с косым разрезом» [РСРЯ 2008: 658].

Экспликация необычной формы глаз китайцев также осуществляется при помощи глаголов *скосить* и *щуриться*:

Тут-то и задумаешься: а не скосить ли нам свои глаза по-китайски (Любимая газета (Заречный); 26.07.2007),

см. значение глагола *скосить* — косить — «3. Быть косым, косоглазым» [ТСРЯ 2008: 370].

*Как вдруг — за словами — белая точка, на белой бумаге: то складывается в трехточие, то **щурится по-китайски** (Знамя; 15.07.2021).*

Глагол *щуриться* означает «о глазах: прикрываться при сжимании век» [ТСРЯ 2008: 905].

О таких чертах внешности китайцев, как желтая кожа, низкий рост и черные волосы (что свойственно всем азиатским народам), в российской прессе обычно пишется без прямой привязки к наречию *по-китайски*. Мы прибегли к дополнительным средствам выражения стереотипности, помогающим полнее раскрыть внешний облик китайца (подчеркнутый фрагмент высказывания указывает на стереотипность мнения):

*Это только со стороны кажется — в КНР сплошь живут клоны: узкоглазые и **черноволосые китайцы**, едят палочками лапшу, и все говорят на китайском (Аргументы и Факты; 19.12.2012);*

*Ошибаться свойственно всем людям. Ученые дают правильные ответы на наиболее распространенные ошибочные мнения в самых различных областях: **китайцы имеют желтую кожу**. Не соответствует истине: кожа типичного китайца не желтее, чем у среднего француза. Впервые о «желтокожих» упоминается в XVIII веке, когда кроме белых европейцев и чернокожих африканцев решили выделить еще одну расу. Тогда-то и начали называть индейцев и китайцев «желтокожими» (Вечерняя Казань; 08.06.1996).;*

***Низкорослым китайцам**, например, нравятся люди высокие (Росси́я; 16.01.2002);*

*Рассчитанный на **низкорослых китайцев** лифт не выдержал вес (Российские вести; 29.04.1998);*

*На фоне **низкорослых китайцев** это был огромный человек (Невское время; 11.08.2010);*

*Постепенно программа превратилась в общенациональное соревнование: **невысокие китайцы** решили перегнать в росте японцев (АиФ –Самара; 19.03.2014).*

Устойчивое выражение *все китайцы на одно лицо* отражает распространенный межкультурный стереотип в русском языке. Оно не только демонстрирует чрезмерное обобщение внешности китайцев, но и выявляет «эффект другой расы» (other-race effect) в межрасовом распознавании лиц. Исследования показывают, что людям обычно легче распознавать и различать лица своей расы, в то время как способность распознавать лица других рас снижена [Ананьева 2021: 143]. Например:

Все шло отлично, коммерсанты даже не трудились переклеивать в паспортах фотографии, поскольку были уверены: для наших пограничников все китайцы на одно лицо (Иностранец; 13.08.2002).

Предполагаемая неспособность пограничников различать китайских граждан не только отражает стереотип, но и указывает на потенциальные проблемы в системе безопасности, основанные на расовых предубеждениях:

Оказалось, что я перепутал и торговца, и лоток. Смущенно потупив взор, я выбрался из толпы, с остервенением продолжая про себя повторять: Все вы китайцы на одно лицо (Семья; 20.12.2000).

Здесь выражение используется как эмоциональная реакция на личную неспособность различить конкретных людей.

Внешнее сходство китайцев с точки зрения европейцев подвергается иронии и высмеиванию:

Есть подозрение, что за китайцев выступает один и тот же спортсмен (Комсомольская правда; 09.08.2016);

Я работаю с парнем из Китая, которого зовут Ким, и однажды, когда мы выпивали в баре, я спросил у него: – Ким, тебя когда-нибудь задевало, что белые говорят: «Все китайцы на одно лицо»? Он ответил: — Ким сейчас дома, я его жена (АиФ; 31.07.2019).

Итак, стереотипное представление о внешнем облике китайцев – низкорослые, черноволосые, с желтой кожей и с узким разрезом глаз, похожие друг на друга.

3.3. Ментальные характеристики китайцев

3.3.1. Черты характера

В количественном отношении в четверку самых упоминаемых в СМИ стереотипных черт характера китайцев, по результатам наших наблюдений за сочетаемостью наречия *по-китайски*, входят *мудрость, трудолюбие, вежливость, жестокость*.

В дополнение к четырем часто обсуждаемым китайским чертам характера на первое место вынесем стереотипное представление о хитрости китайцев, поскольку эта ментальная черта закрепилась за китайцами не только на речевом, но и на языковом уровне.

1) Хитрость

Характерная национальная особенность манифестирована в русском языке на уровне словарного значения, см.: *китаец* – «Хитрый человек (разг.)» [Кузнецов 2008: 430], а также в таких устойчивых сочетаниях, как *хитрый, как сто китайцев* [Абрамова, Архангельская 2021, 2023; Ся Ш 2008; Таирова, Качалова 2010: 203].

Главная задача при интерпретации этой черты характера – показать дуалистичный характер понятия *хитрость* в русском языке, выявить, какое представление о китайском характере лежит в основе коллокации *хитрый китаец*.

Лексема *хитрый* в русском языке многозначна, имеет следующие значения: «1. Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями. 2. Лукавый (в 2 знач.), обнаруживающий какой-н. скрытый умысел, намерение. 3. Изобретательный, искусный в чём-н. 4. Замысловатый, мудреный» [ТСРЯ 2008: 1063].

Анализ значений прилагательного *хитрый* позволяет выявить в семантической структуре слова оценочно противоположные семантические компоненты. С одной стороны, обман, лукавство, скрытность, с другой стороны, изобретательность, замысловатость. Диахронный анализ значения слова показывает, что до XVI–XVII века значение лексемы имело только

положительные коннотации [История слов 1999], а далее в результате семантической трансформации появились отрицательные лексико-семантические варианты слова. В древнерусских памятниках и в русском фольклоре получили достаточно широкое распространение также парный концепт *хитрый-мудрый*, *хитёр-мудёр*, *хитрость-мудрость* и сложное слово *хитромудрый* [Агапкина 2000: 339].

Уже в толковом словаре В.И. Даля лексема фиксируется как семантическая структура с амбивалентной семантикой: *хитрость* – это «умственная ловкость, изворотливость, тонкость и острота соображений, умение достигать своей цели, нередко обманом; // лукавство, коварство»; *хитрый* – «искусный, мудрёный, изобретательный, замысловатый, затайливый // Злостный, лукавый, коварный» [Даль. Т.4 1994: 1185–1186].

Дуалистичность восприятия хитрости в русской языковой картине мира адекватно отражается и при стереотипной характеристике китайцев.

Стоит отметить, что сложившийся стереотип о хитрости китайцев имеет под собой объективное основание – исторические и культурные корни. Его формирование связано с китайской управленческой мыслью (еще в сочинениях мыслителей Древнего Китая были отражены различные инструменты манипулирования людьми), со стратагемностью мышления и поведения китайской цивилизации. Стратагемность предполагает применение тактик и ходов для получения результата, содержащего «в себе некую хитрость, обман» [Богданова 2015: 118]. В контексте стратагемного мышления хитрость и уловки, прежде всего в военной и дипломатической практике, достойны и хороши: победу получает «тот, кто видит дальше и больше своего соперника» [там же: 119].

В российских СМИ анализируемый стереотип находит свое языковое воплощение, прежде всего, через такие устойчивые коллокации, как *по-китайски хитрый*, *хитрые китайцы*. Расширим круг сбора материала через синонимичный ряд прилагательного *хитрый*: *умные китайцы*, *ловкие китайцы*, *сообразительные китайцы*, *коварные китайцы*, *хитромудрые*

китайцы. Также для анализа привлекается материал, отражающий встречаемость существительных *китаец* и *хитрость* в одном фрагменте текста.

Положительное представление стереотипа *хитрый китаец*

Мы выделили четыре группы значений, характерных для положительного представления о хитрости китайцев.

1. Значения, связанные с остротой ума, изобретательностью.

Представления об остроте ума имеют исторические корни и связаны с китайскими изобретениями прошлого и настоящего:

Тайна знаменитого китайского фарфора, тонкого и прозрачного, в том, что в глину хитрые китайцы подмешивают костную муку (Журнал Огонек; 13.11.1995);

Выход нашли хитрые китайцы, придумав в XIII веке рисовать деньги на бумаге (Восточно-Сибирская правда; 08.05.1999);

Сообразительные китайцы придумали альтернативу обычному скребку в виде скребка с подогревом, он подпитывается от автомобильной 12-вольтовой розетки (За рулем; 12.02.2024).

2. Значения, связанные с искусной работой, мастерством:

Многие до сих пор помнят, как ловкие китайцы изготавливали часы-будильник в виде пейджера (Московский Комсомолец в Кузбассе; 20.04.2011);

*Китайский звонок очень прост в установке. Он не зависит от наличия электричества. Звонок состоит из двух частей: кнопки и музыкального элемента. Работают они без проводной связи, кнопка управляет звонком при помощи дистанционного управления. В общем, все **по-китайски хитро и просто*** (День за днем (Волгоград); 10.07.2003).

3. Предусмотрительность, предвидение, знание человеческого поведения, проницательность, находчивость, в том числе в коммерческом смысле:

Причем хитрые китайцы быстро смекнули, что таких выгодных поставщиков, как русские братья, им нигде не найти (Сегодняшняя газета (Красноярск); 17.12.2003);

Почему в Китае обожают Павку Корчагина, а у нас забыли? Ах, хитромудрые китайцы! Вот уж поистине Восток – дело тонкое. Мы выбрасываем «за ненадобностью» - они подбирают. Они не плюют на могилы предков, мы – запросто! (Вечерняя Москва; 02.09.2004);

4. Хитрость как один из инструментов проведения внешней политики – следование национальным интересам и дипломатические умения:

Ранее хитрые китайцы уже подписали подобные спон-контракты с Малайзией (на 80 млрд. юаней), Гонконгом (200 млрд.) и Южной Кореей (180 млрд. юаней) (Наша Версия (Москва); 06.04.2009);

Умным китайцам этого не надо, и вообще они предпочитают выстраивать свои отношения с Америкой на двусторонней основе (Независимая газета; 02.09.2014);

Важно заметить, что вершиной военного искусства у китайцев выступает одоление противника без применения военной силы; война есть никогда не прекращающийся Путь хитрости (Завтра; 23.03.2005).

Отрицательные представления стереотипа хитрый китаец

Мы выделили четыре группы значений, характерных для негативного представления о хитрости китайцев.

1. Склонность китайцев к обману, проявляющаяся в бытовых ситуациях:

Это китайцы пошли на хитрость: ради того, чтобы спокойно заезжать в центр Москвы, заявили полную массу 2,5 т. (За рулем; 02.08.2021);

2. Склонность китайцев к обману, который используется как один из инструментов в политической и военной сферах:

Однако для наблюдателей, более искушенных в военных и политических хитростях китайцев, с самого начала маневров было

очевидно, что Пекин решил разыграть классическую стратегию N 16, которая называется: «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти» (Век; 29.03.1996);

Почувствовав российское простофильство, хитромудрые китайцы тысячами ринулись в открытые настежь пограничные ворота (Парламентская газета; 19.06.2001);

Коррупционер, подкупленный еще более коварными китайцами, хочет раздуть из мирной экспедиции вооруженный конфликт с джунгарами, чтобы отвлечь их от войны с Поднебесной (Коммерсантъ; 22.09.2019).

3. Использование недобросовестных коммерческих практик, связанных с фальсификацией продукции:

Хитрые китайцы все-таки подсунули мясо под другим названием (Комсомольская правда; 04.12.2003);

Хитрые китайцы давно научились рыбу русских рыбаков пропитывать водой с полифосфатами и продавать обратно в Россию замороженную китайскую воду с добавкой фальсифицированной рыбы (Патриот; 03.09.2009).

4. Хитрость как традиционная черта китайского общества и китайской культуры, понимаемая русскими как отрицательная черта, как нарушение этических норм:

Ловкий пройдоха-китаец выкрал хранившуюся в самом надежном лондонском банке бесценную статуэтку Будды, чтобы вернуть ее на историческую родину (Санкт-Петербургские ведомости; 26.02.2005);

В других странах путешественника не радуют злобная алчность арабов, хитрость китайцев, животный материализм американцев, униженность южноафриканцев (Архивы федеральных СМИ; 15.02.2000).

С ними, китайцами, все ясно — культура древняя, есть свои вековые хитрости (Вечерний Новосибирск; 09.12.2004).

*Между тем, **китайцы** никуда не спешат и делают всё с восточной хитростью* (Автопремьера (Набережные Челны; 19.09.2014).

Итак, стереотипное представление о хитрости китайцев базируется на объективных особенностях национального менталитета: исконно китайцам присущи хитрость и обман (особенно в политической и военной сферах) как средство для достижения успеха и победы над врагом. Понятие *хитрость* как в русской, так и в китайской культуре носит амбивалентный характер. Анализ контекстных материалов показал, что современные стереотипные представления о хитрых китайцах отражают эту дуалистичность: острота ума и изобретательность, находчивость и проницательность, с одной стороны, соседствует со склонностью к обману в бытовых ситуациях, с выбором неэтичных методов в политической жизни, с фальсификациями в экономической области, с другой.

2) Мудрость

Под мудростью понимается «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [ТСРЯ 2008: 369]. Мудрость китайцев основана как на их глубоком уме, так и на знаниях и жизненном опыте. Мудрость китайцев, с опорой на контексты, стереотипно вписывается русским языковым сознанием в общую структуру древней восточной мудрости:

*Но **китайцы** повели себя **по-восточному мудро**: закупали из предлагаемого (а предлагали практически все) лишь самое необходимое, а остальное получали более простым и дешевым путем — через индивидуальные взаимоотношения с отдельными специалистами, которые за небольшие по нынешним временам деньги с радостью читали лекции и вели научную работу в интересах китайских заказчиков* (Авиатранспортное обозрение; 01.10.2006).

Контексты напрямую называют китайцев главными носителями восточной мудрости, ее прямыми «амбассадорами». Иногда, обнаруживая недочеты в общественной жизни Китая, говорящие могут иронично

посетовать, почему же мудрость китайцев не помогла прозорливо предвидеть последствия проводимой политики:

*Кстати, даже **китайцы**, наконец, отказались от ограничения рождаемости. Потому что после нескольких десятков лет подобной политики – «вдруг» обнаружили, что у них остаётся совсем мало молодежи по отношению к старикам – кто будет работать? Старики и так сами по себе не торопятся освободить место молодым в любой стране – мы все хотим пожить ещё, если есть любовь к жизни, если есть интересные занятия. И тут ещё закон запрещает иметь столько детей, сколько хочется – упс, власти неожиданно обнаруживают, что Поднебесная теперь страна пенсионеров. Прикольно. А о чём они раньше думали? Тоже мне, носители восточной мудрости веков ... (Газета Завтра; 30.01.2023).*

Мудрость в китайском варианте имеет свои особенности:

***Мудрость по-китайски** — это просто умение действовать по обстоятельствам, и мудр тот, кто умеет быть хозяином своего времени (Деловой Петербург; 29.05.2008);*

В Пекинском университете переходят на европейскую систему образования, и делают это по-китайски — мягко и мудро (Кабардино-балкарская правда; 1.02.2011).

Устойчивое выражение *Один (старый) мудрый китаец* обычно используется при раскрытии изречений китайских мыслителей [Ся Ш. 2008: 124–125] и означает наличие у китайцев жизненной мудрости, их склонности к философствованию, что связано с популярностью в России китайской философии. При помощи фразеологизма *один (старый) мудрый китаец* рассказываются философские притчи:

*На глаза попалась **притча про старого мудрого китайца**, который как-то сказал своему другу: «Этим примером я хотел тебе показать правду жизни: если ты ищешь в комнате только коричневые вещи, а в жизни — только плохое, то ты и будешь видеть только их, замечать исключительно*

их, и только они будут тебе запоминаться и участвовать в твоей жизни».
(Кубанские новости; 19.02.2016).

Фразеологизм в некоторых случаях используется для передачи бытовых мудростей. Например:

*Давным-давно **один мудрый китаец** сказал: «Китайская кухня имеет ту же значимость в мире вкусовых ощущений, что и европейская музыка в мире звуков»* (События (Протвино); 16.03.2007).

В российских СМИ коллокация *китайская мудрость* (2183 док.) наиболее часто используется для представления стереотипов о китайцах и их культуре:

*Как гласит древняя **китайская мудрость**, «сила побеждает иногда, а справедливость побеждает всегда»* (Известия; 03.11.2021);

*Есть, кажется, такая **китайская мудрость**: «живи быстро – умри молодым». Только вряд ли от этого становится легче* (МК; 29.10.2002);

***Китайская мудрость** гласит: «Наступи на хвост Тигру, и если он не укусит тебя, впереди – свершение»* (Деловой журнал Профиль; 22.12.1997).

Словосочетание *китайская мудрость* воспринимается как символ вдумчивости, подчеркивающий философскую и культурную глубину китайского подхода к жизненным ситуациям.

Для экспликации этнических стереотипов в российских СМИ также используется коллокация *мудрые китайцы* (770 док), подчеркивая жизненную философию и жизненный опыт нации, выступает в одном синтагматическом ряду с глаголами *говорить, утверждать, считать*. Такие контексты отличаются положительной коннотацией:

***Мудрые китайцы говорят**: чтобы себя хорошо чувствовать, надо в день делать десять тысяч шагов* (Вечерний Челябинск; 14.05.2010);

***Мудрые китайцы считают**, что только так и проходит вся наша жизнь* (Труд; 13.01.2007);

*Как **утверждают мудрые китайцы**, долгий путь в десять тысяч ли — и тот начинается с первого шага* (Еврейское слово; 30.09.2009).

Представления о мудрости китайцев в других контекстах часто связаны с их хитростью и изворотливостью, склонностью к обману, что также выражается при помощи коллокации *мудрые китайцы*. Такие контексты чаще всего имеют негативную коннотацию:

*За дружественными реверансами **мудрые китайцы**, как правило, скрывают собственный интерес и готовы торговаться до последнего* (Российская газета; 09.11.2006);

*Вот так **мудрые китайцы** на протяжении многих веков **обманывают** своего наивного Цзаована* (Вечерний Томск; 29.01.2014).

3) Трудолюбие

В биграмму с качественно-обстоятельственным наречием *по-китайски* включаются показатели трудолюбия – глаголы *трудиться* и *работать*:

***Трудиться по-китайски** — без отпусков, по две смены, невыносимо тяжелым трудом добывая деньги на учебу детей* (МК; 1.09.2010);

*Эвенк, по их понятиям, должен быть выше на голову других этнических групп, при этом **работать по-китайски**, не злоупотреблять спиртным и не лениться* (Эвенкийская жизнь (Тува); 23.04.2009);

*Китайские ремонтники **работали по-китайски** — споро и слаженно* (Крайний Север (Анадырь); 26.10.2012);

*Россия лишится фундаментальной науки — т. е. выставит своих ученых в США, а тех, кто останется, заставит **работать по-китайски*** (Наука в Сибири (Новосибирск); 4.12.2004).

Выражения *трудиться по-китайски* или *работать по-китайски* в русском языке фразеологизируются, обычно употребляясь в значении ‘много работать’.

В российских СМИ частотно выражение *трудолюбивые китайцы* (488 док.). По данным социологических опросов, представления о трудолюбии остаются наиболее распространенным стереотипом о китайцах среди россиян [Лю Ц. 2022: 238]. При помощи выражения *трудолюбивые китайцы*

эксплицируется положительный стереотип о трудолюбии представителей китайского этноса, о высоком уровне их работоспособности:

Рекорд в этой сфере поставили трудолюбивые китайцы (Известия; 07.08.2008);

Только за первый день кампании трудолюбивые китайцы уничтожили около 2 тыс. назойливых насекомых (Наша Версия; 16.07.2007);

Все эти факторы позволили трудолюбивым китайцам оставить нашу некогда экономически сильную страну далеко позади (Южноуральская панорама; 26.06.2004);

Трудолюбивые китайцы получали хорошую прибыль и приносили деньги станице (Коммерсантъ-Деньги; 16.11.2015).

Китайцы показали себя по-китайски трудолюбивыми (Огонек; 17.07.2006).

В русском языке употребителен и сравнительный оборот *трудолюбивы, как китайцы*:

Все опрятны, как немцы, трудолюбивы, как китайцы, одинаково зажиточны и дружелюбны (Дружба народов; 15.02.1997).

Представление о трудолюбии китайцев часто связывают с экономическими достижениями страны:

Для успеха реформ «по-китайски» России недостает... китайцев с их завидным трудолюбием и организованностью (Личность. Культура. Общество; 16.08.2011).

4) Вежливость

Распространенным стереотипом о китайцах является представление о китайской вежливости, которая является одной из черт коммуникативного поведения нации. Стереотип о вежливости обычно эксплицируется при помощи прилагательного *вежливый* и наречия *вежливо*:

Все организаторы были приветливы, охотно отвечали на вопросы, были по-китайски вежливы (Версия в Питере; 12.03.2007);

Вежливо по-китайски, потом по-английски послали (Алтайская правда (Барнаул); 15.07.2004).

В русском языке употребителен и сравнительный оборот *вежливо, как китайцы*:

Русские не стараются всеми силами избежать спора, как англичане или немцы, не отмалчиваются, как финны и эстонцы, не улыбаются вежливо, как китайцы и японцы (Наш современник; 31.08.2016).

Стереотип о вежливости китайцев также выражен при помощи словосочетания *улыбаться по-китайски*, например:

А по-китайски улыбаться и говорить приятные вещи людям, которые, на мой взгляд, этого не заслуживают, я не умею и не хочу (Оренбургская неделя; 18.02.2004);

Мы уже знаем, что вы врете и что мы будем по-китайски улыбаться, что якобы ничего не произошло... (Вечерняя Казань; 29.02.2012).

Анализ контекстов показывает, что вежливость *по-китайски* понимается как обязательная часть коммуникативной культуры, не свидетельствующая о реальном расположении к другому человеку:

Нам пришлось научиться по-китайски улыбаться людям в случаях, когда в глубине души готовы были некоторых из них просто задушить (Континент; 15.10.2003);

Молодой писатель в письмах своих вежлив по-китайски, предупредителен почти до самоуничтожения (Новый мир; 15.11.2013).

Подобная функция китайской улыбки не вызывает одобрения у русских, для которых «улыбка демонстрирует личное расположение к собеседнику, поэтому и улыбаются русские преимущественно только знакомым, поскольку к незнакомому нет личного расположения» [Стернин 2000: 54].

5) Жестокость

Среди негативных стереотипов о китайцах наиболее распространенным является стереотип о жестокости. О жестокости китайцев идет речь в целом ряде контекстов, которые раскрывают разные аспекты этого качества.

Во-первых, жестокость как проявление китайской политики, как свойственная для Китая политическая линия, которую могут перенимать и другие страны, или как характеристика правления китайских лидеров. Жестокость употребляется в значении: «Крайне суровый; безжалостный; беспощадный» [Кузнецов 2000: 304]. Стереотип о жестокости эксплицируется при помощи прилагательного *жестокий* и некоторых других лексем:

В первые карантинные дни власть Саянска была по-китайски жестокой (Комсомольская правда; 27.05.2020);

Жестокий Цинь Шихуанди тоже был жесток по-своему, по-китайски (Знание – сила; 15.10.2002).

Во-вторых, жестокость как часть китайской культуры и свойственных для Китая обычаев, которые также относятся к политической сфере:

Каратели изобретали тут изуверские пытки, даже пробовали «по-китайски» капать на голову жертвы водой (Лужская правда; 9.02.2013);

Когда чиновник попадался, его не просто казнили по-китайски мучительно и чудовищно, потом набивали из него чучело и сажали в кабинет его преемнику в назидание (Комсомольская правда; 29.04.2015).

В политическом плане жестокость связывается с обычаями китайцев, наличие которых подтверждает стереотип о дикости и отсталости Китая в сравнении с европейскими цивилизациями.

В-третьих, жестокость как атрибутивное качество характера китайцев:

Нечто настолько жестокое, чудовищное, по-китайски кошмарное (Дружба народов; 15.07.2005).

Менее частотными являются другие стереотипные черты национального характера, среди которых – *скромность, сдержанность, мошенничество / воровство, терпение, упрямство / упорство*. Рассмотрим их.

6) Скромность

Скромность – отвлеченное существительное, мотивированное прилагательным *скромный* – «1. Сдержанный в обнаружении своих

достоинств, заслуг, не хвастливый. 2. Сдержанный, умеренный, простой и пристойный» [ТСРЯ 2008: 892].

Скромность может быть реализована в высказываниях как в первом, так и во втором значениях при помощи существительного *скромность* и наречия *скромно*:

Про себя он считает по-китайски... Он старается не подчеркивать свой китайский бэкграунд как одну из составляющих его успеха. Но само это — типично китайская черта. Ибо скромность украшает не только большевика (Известия; 31.12.1996) – реализация 1-го значения;

С техникой все по-китайски скромно, а мук выбора силового агрегата у покупателей не будет точно (Авторевю; 28.09.2023) – реализация 2-го значения.

Стереотип о скромности китайцев может употребляться в ироничном контексте:

С историей о пожилом дядьке — отставном учителе и военном, — приехавшем изводить нотациями свою по-китайски скромно пьющую и гуляющую дочь (Комсомольская правда; 25.07.2007).

7) Сдержанность

Еще одна стереотипная черта китайского поведения, через которую субъект оценивается в своем умении реализовать себя в контексте взаимоотношений с миром. Сдержанность предполагает умение субъекта, «во-первых, держать в рамках собственные переживания, ...во-вторых, контролировать и направлять помыслы, ...в-третьих, не позволять себе порывистости и разрушительности в поведенческих проявлениях этих переживаний и помыслов» [Зимбули 2016: 209].

Сдержанность китайцев эксплицируется при помощи наречия *сдержанно*:

Девушки ведут себя по-китайски сдержанно (Коммерсантъ; 28.06.2001);

Вместо самолета машину в Аргентину доставляли на корабле. Дольше, зато надежнее, — по-китайски сдержанно улыбается Мин (Пятое колесо; 15.03.2011).

8) Спокойствие, созерцательность

Стереотип о задумчивости китайцев, их склонности к спокойной и размеренной жизни складывается на основе осмысления религиозного сознания китайцев, которое является частью канона буддизма.

Традиционно, по-китайски хочется созерцать и не спеша наблюдать за миром, не тревожа его — прямо в духе буддийских монахов (Биробиджанская звезда; 26.06.2013).

Национальной религией Китая является даосизм, основанный на пантеизме, где «ци» является безликой вселенской энергией, которая легла в основу учения фэн-шуй. Фэн-шуй является частью китайской культуры и зародилось в Китае более, чем 6 тыс. лет назад. Принципы фэн-шуй в Китае на практике используются для строительства зданий и дизайна интерьеров [Андреева 2007: 212].

Именно фэн-шуй связывают с проявлениями таких свойств характера, как *гармоничность* и *благополучие*:

Кому-то кажется, что фэн-шуй — это шаманство по-китайски. Но тот, кто попробовал придерживаться принципов фэн-шуй, с радостью замечает, что их жизнь стала более гармоничной, спокойной, благополучной (Губерния (Артемовский); 25.02.2005).

9) Склонность к мошенничеству и воровству

Близким к хитрости по семантическому наполнению является представление о склонности китайцев к мошенничеству или к воровству как общей характеристике всех азиатов:

Есть такое понятие «кража по-китайски» — это когда ваше добро вытаскивают из дома очень медленно, по миллиметру в день (Демоскоп Weekly; 23.05.2005);

Китайский посредник, действуя по-китайски, не собирался платить за машины 300 тысяч и пошел на мошенничество с открытием фиктивного аккредитива (Завтра; 24.07.2001).

10) Упрямство / упорство

К положительным стереотипным чертам китайцев, отраженным в русском языковом сознании, относятся их *упорство* или *упрямство*. Стереотип об упрямстве эксплицируется при помощи прилагательного *упорный*, *упрямый* и наречия *упорно*:

Изучать новую, могучую Россию «ивановцы» собираются чисто по-китайски: упорно, внимательно, планомерно (Российская газета; 7.05.2008);

И главное — упорное, упрямое, по-китайски, непризнание выхода Чечни из состава России (Независимая газета; 29.11.1996).

С опорой на словарь укажем, что упорство – это свойство человеческого характера, обозначающее «последовательность и твердость в осуществлении чего-либо» [ТСРЯ 2008: 836]. Упрямство, в свою очередь, понимается как «крайняя неуступчивость, поведение упрямаца» [там же: 837]. Оба качества относятся к общей синонимической парадигме, связанной с признаками воли и характера. «В содержании выражается признак *стойкость, неизменность, постоянство, твердость, стремление не поддаться внешнему воздействию*» [Сюй 2021: 578]. Упорство – это сила воли и терпение, а упрямство – своеволие и своевольность.

11) Терпение

Терпение китайцев как национальная черта напрямую связано с упорством, дополнено повиновением. Эти черты «формируют облик смиренного и покорного китайца, свято чтящего старших и начальников, терпеливо и упорно работающего, безропотно сносящего тяготы жизни. Китайское трудолюбие – производная от терпения и упорства, но, будучи лишенным достаточно высоких критериев честности и добросовестности, оно отнюдь не гарантирует качества выполненной работы» [Таирова, Качалова 2012: 403], например:

Китайское терпение и трудолюбие, сплавленное с желанием добиться вершин, дает свои результаты (Смена (Белгород); 18.11.2006);

Китайские терпение и систематичность вошли в поговорку (Огонек; 29.08.1987).

Наш материал не дал биграммы *терпение по-китайски*, но в русском языке есть устойчивое словосочетание *китайское терпение*. Ср. количественную встречаемость данной коллокацией с другими атрибутивными словосочетаниями:

китайское терпение – 27 употреблений; *японское терпение* – 14; *корейское* – 1 и нулевые показатели у *вьетнамского* и *монгольского терпения*.

Словосочетание в тексте получает характеристики-интенсификаторы:

тысячелетиями ковавшееся китайское терпение; насколько велик запас китайского терпения; у меня великое китайское терпение; чаша китайского терпения переполнена; поражаешься китайскому терпению; знаменитое китайское терпение; истинно китайское терпение и др.

3.3.2. Поведенческие и бытовые привычки китайцев

Стереотипные представления о поведенческих и бытовых привычках китайцев часто объединяются вместе и очерчивают культуру повседневности, т. е. совокупного набора привычных действий, занятий, касающихся сферы быта. «Повседневное бытие – это форма исторического человеческого бытия, протекающая среди привычного предметного универсума. ...Повседневность – это то, что происходит «по всем дням», не обязательно ежедневно (например, работа или отдых)» [Керженцева 2012: 182]. Повседневность чужого этноса, являясь синонимом рутинности и повседневности, может представляться через символику вещей, составляющих быт человека, через соотносимость вещи и человека [Ионесов 2012; Сухова 2021]. Например, устойчива стереотипная связь Китая с веером, палочками, зонтиками, национальной одеждой, различной символикой:

Ожидали увидеть настоящих китайцев, вероятно, в шелковых халатах, с косичками, с веерами и зонтиками в руках (Российская газета; 29.07.2004);

В Ростове многие следуют заповедям древнего китайского искусства фэн-шуй. В магазинах и на рынках продается множество символов богатства и благополучия по-китайски: драконы, лягушки с монетками, черепашки... (Вечерний Ростов; 25.07.2006).

В словосочетании *настоящий китаец / настоящие китайцы* (318 док.). прилагательное *настоящий* реализует значение, с помощью которых воссоздается эталонно стереотипный образ китайца: «2. Действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-н» [ТСРЯ 2008: 496].

Потом я привык и уже ел палочками, как настоящий китаец (Мещерская Сторона (Рязань); 15.09.1999).

При выявлении стереотипов, относящихся к бытовым и повседневным делам китайцев, мы заметили, что качественно-обстоятельственное наречие *по-китайски* не всегда является надежным маркером для характеристики ежедневного китайского бытия. «Этнические стереотипы находят свое выражение в различных импликациях, осуществляющих приращение смысла к исходным значениям слов-этнонимов» [Мучкина 2010: 114]. Приращению смысла к этнониму *китаец / китайцы* способствуют усилительно-выделительные частицы и местоименные слова.

Частица *даже* в составе выражения *даже китайцы* (1739 док.) акцентирует как положительную, так и отрицательную коннотацию стереотипных представлений. Частица *даже* имеет следующие значения, при помощи которых происходит экспликация стереотипов: 1) «Употр. при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему. 3) Употр. для выделения той части сообщения, к-рая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию» [ТСРЯ 2008: 178].

Так, эксплицируется стереотип о бедности и плохих условиях жизни китайского народа:

Мясо — дорогое удовольствие, даже китайцы не всегда могут позволить себе говядину и баранину (МК; 10.02.2020);

Большинство народа живет в таких условиях, в которых ни один европеец, ни один американец, ни один японец... даже китаец не мог бы выжить (Известия; 07.09.2005);

Даже китаец со средним уровнем дохода предпочитает не вызывать врача, потому что это накладно (Звезда (Пермь); 05.09.2013).

Этностереотипы выражаются через обобщение и гиперболизацию свойств с использованием кванторных местоименных слов *все, каждый, любой*. Словосочетания *все китайцы* (3101 док.) и *каждый китаец* (1433 док.), игнорируя личностную индивидуальность, утверждают общность расхожих стереотипных черт повседневности:

Самые банальные стереотипы: все китайцы на одно лицо, у них низкий рост, едят только рис, не пьют молоко и алкоголь, все занимаются боевыми искусствами (Байкальские зори; 22.08.2019);

Специфика китайской медицины — предотвращение заболеваний, пока они ещё не появились: каждый китаец с детства привык постоянно принимать нужные для здоровья травы (АиФ; 31.05.2006);

Любой китаец производит больше, чем съедает (АиФ; 20.01.2016);

Любой китаец умеет заниматься и занимается тайцзицюань — дыхательно-двигательной гимнастикой, доступной здесь любому от мала до велика... (Дружба народов; 15.02.2016);

Разбудите ночью любого китайца, и он с легкостью назовет «пять принципов добродетельного мужа», то есть пять основных этических принципов конфуцианства (Известия; 19.10.2006).

К культуре повседневности относятся традиционные ритуалы. Рассмотрим процедуру китайского чаепития, которая эксплицируется

коллокациями *чаепитие по-китайски, пить чай по-китайски и заваривать чай по-китайски*:

Традиция чаепития “по-китайски” — сложная и многогранная культура, связанная с завариванием чайного листа, технологией сбора и производства чайных аксессуаров (Деловая Москва; 07.10.2002);

Присаживайтесь поудобнее, будем пить чай по-китайски (Дагестанская правда; 2.08.2019).

Китайская традиция получила распространение и в других азиатских странах:

Китайский способ заваривания частично перенят японцами. Непосредственно в гайванях, по-китайски, заваривают в Японии желтые чаи, а зеленые японцы пьют по-своему (Домодедово; 15.05.2005).

Традиционные китайские праздники, среди которых выделяется китайский Новый год, попадают в поле внимания русских. Существуют определенные стереотипные представления, как отмечается этот праздник:

Отпраздновать Новый год по-китайски захотят лишь самые тонкие ценители восточных традиций (Коммерсантъ Деньги; 18.12.1994);

НГ по-китайски: зажечь огромное количество фонариков, чтобы была видна дорога в Новый год (АиФ – Я – молодой; 26.12.2001).

3.3.3. Этнофолизм китаёза

Прозвищные этнонимы, экспрессивные этнонимы, этнические клички, этнические пейоративы – синонимический ряд терминов можно объединить родовым словом *этнофолизмы*, под которым понимается стилистически сниженная группа лексики, передающая уничижительно-оценочное отношение к представителям расовых, национальных или этнических групп [Грищенко 2007], входящая в общеупотребительный фонд языка или ограниченная в своем употреблении [Грищенко, Николина 2006]. Этнофолизмы – это маркеры межэтнического напряжения, реализующие «неосознанные механизмы ментальной деятельности: оппозиция «свой – чужой» и стереотипизация, которые являются частью человеческой

идентичности, заставляют представителей одной группы испытывать дискомфорт или даже ненависть по отношению к другой группе» [Комарова, Осьмак 2020: 117]. Спектр коннотативных значений этнофолизмов может быть широким, контекстно обусловленным – от ироничного, иронично-пренебрежительного отношения до уничижительного, дискриминационного, презрительного и бранного.

В русском языке есть этнофолизм, называющий китайца, – это жаргонное слово *китаёза*, см. толкования лексической единицы в словарях разговорной речи: «Китаёза – китаец» [Крысин, 2017. Т.2: 58]; «Уничиж. разг.-сниж. О китайце» [Химик, 2004: 257]; а также словообразовательную характеристику в: [Минеева 2019: 944].

В СМИ слово *китаёза* (329 док.) обычно употребляется как устаревшее:

Весь этот ужас и начал персонифицироваться в тех, кого еще вчера снисходительно, добродушно-презрительно называли «ходями», «китаезами», «узкоглазыми» (Дружба народов; 15.12.2022);

Уинстон Черчилль, например, называл жителей Поднебесной «китаезами» и отказывался предоставить Пекину место в Совете Безопасности ООН (Профиль; 23.09.2009).

С другой стороны, слово *китаёза* не вышло из употребления. Лексема *китаёза* обычно эксплицирует негативные стереотипы о китайском народе. Например, стереотипные представления о глупости, хитрости и злом характере китайцев:

Япошки — и мерзавцы, и наглые ловкачи. Китаезы — идиоты и болваны (Огонек; 24.08.2015);

Даже если это хитрый и злой китаёза (Новый мир; 16.03.2005).

Функция названия китайцев китаёзами предполагает употребление их в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), квалификативно-оценочном [Золотова 1988: 25] значении, в функции уничижительного бранного слова по отношению к некитайцу:

– *Ты профан, твой идеал – Китай, ты – китаеза!* (Независимая Газета; 25.02.2011);

В детстве меня дразнили китаезой (Трибуна; 24.03.2006).

Обычно это прозвище получали дети, внешним обликом (чаще узкими глазами) напоминающие китайца.

Заметим, что появление этнофолизмов во многом обусловлено социально-политическими факторами. Так, у французов, ценящих китайцев за сдержанность, трудолюбие и неприхотливость, «в эпоху увеличения количества деклассированного населения предместий, общего повышения численности выходцев из Китая» в речи появилось 15 прозвищных этнонимов [Борисова 2014 :69].

3.4. Социальные характеристики

Данный сегмент матрицы включает стереотипные представления о культуре, языке страны, ее политическом устройстве и экономике, которые характеризуют социальную сторону жизни народа, населяющего страну.

3.4.1. Многонаселенность Китая

Китай, наряду с Индией, является одной из самых многонаселенных стран в мире. В русском языковом сознании представление о многочисленности китайцев является прочным и реализуется в целом ряде контекстов:

*Попасть в труппу цирка непросто, количество претендентов **по-китайски** многочисленно: конкурс составляет 3000 человек на место* (АиФ – Петербург; 20.07.2005);

*Китайских мигрантов не может быть мало по определению, ибо **китайцев в принципе не бывает мало*** (Дружба народов; 15.04.2011).

Дополнительным средством выражения стереотипных представлений об этносе являются этнические анекдоты. «Содержащееся в анекдоте социальное знание всегда стереотипно по своей природе, оно передает устойчивое культурно-национальное представление о каком-либо предмете и ситуации. Этнический анекдот как жанр устного речевого творчества, с одной стороны,

аккумулирует и сохраняет сложившиеся в культуре этнические стереотипы, с другой стороны, является активным их ретранслятором, способствуя таким образом реализации механизма национальной самоидентификации» [Андросова, Дидык 2016: 10].

Преобладающим смысловым наполнением русского анекдота о китайцах является признак многочисленности китайской нации:

А теперь новости. Вчера в небольшой полуторамиллионной китайской деревне...

Китайская народная сказка: «посадил дед рис....» Далее не имеет смысла продолжать — там два миллиарда персонажей!

В дворовой драке в Китае пострадало 654833 человека.

Самым развитым производством в Китае на сегодняшний день является производство китайцев.

Обычно анекдоты не имеют негативно-оценочной окраски и констатируют в шутливой тональности факт перенаселенности Китая:

Как в старом анекдоте про китайцев: «прорываемся небольшими группами, по два-три миллиона» (Профиль; 29.03.2004);

В качестве инвестиции Китай собирается вложить в Россию сто миллионов китайцев (АиФ – Дальний Восток; 15.08.2018);

Когда китайцы дерутся район на район, драку видно из космоса (Комсомольская правда (Иркутск); 25.04.2016);

Если русский мужчина за жизнь должен родить сына, построить дом и посадить дерево, то настоящий китаец должен в жизни посадить десять деревьев и построить десять домов — в общем, как-нибудь отвлечься... (Коммерсантъ-Деньги; 10.05.2010).

3.4.2. Язык и коммуникативное поведение китайцев

Наиболее объемную группу словоупотреблений с наречиями *по-китайски* составляет словосочетания с глаголами речемыслительной деятельности. Самыми частотными являются глаголы *говорить* (1469 док.), *сказать* (258 док.) и их префиксальные производные.

Китайский – самый распространенный язык на планете, на нем говорит 1 млрд людей. Но это и один из самых сложных языков в силу его фонетических и графических особенностей.

С точки зрения произношения китайский является тоновым языком, его особенностями является изменение высоты тона при произношении, неповторимая интонация, поэтому он обладает характеристиками музыкальности:

*И вполне возможно, что **по-китайски** название СС6672LB очень даже **мелодично звучит*** (МК;06.09.2007);

*А потом развернулись в Китае, построили в Харбине огромный магазин «Чурин», в стиле русского модерна, он до сего дня сохраняет свое название. Тем более что имя Чурин **по-китайски** очень **красиво звучит**, иероглиф называется «Осенний лес». Чу-лин. Чурин(Знамя; 15.10.2021).*

Китайский язык является порождением китайской культуры, и знание китайского языка позволяет глубже понять традиционные ценности китайского общества:

*Весь конфуцианский канон уже давно переведен на русский язык. Поэтому, если кто-то вам преподнесет очередную «**мудрость от Конфуция**», не верьте на слово: пусть **скажет по-китайски**, а лучшие — напишет иероглифами* (Иностранная литература;15.01.2019).

Для воспринимающего китайскую речь звучание языка кажется непонятным, поэтому часто при характеристике говорения употребляется глагол *лопотать* – «Говорить быстро и невнятно» [ТСРЯ 2008: 416], например:

*Те из нас, кому суждено счастливо прожить еще лет сорок, как-нибудь выйдут на Невский проспект. А там собственный «Брайтон-Бич» на азиатский манер – **лопочет по-китайски*** (Версия в Питере; 2004.08.11).

См. также: *бойко **лопочущие по-китайски**; что-то **лопочет по-китайски**; свободно **лопочущая по-китайски**, обиженно **лопочет по-китайски**.*

Звучание китайской речи напоминает мяуканье, «звуки, напоминающие мяу» [ТСРЯ 2008: 471]:

*Я заметил, что птицы, как правило, иноязычны: **по-китайски мяучат скворцы*** (Арион; 15.04.2003).

Выражение *говорить по-китайски* часто используется в контексте знания китайского языка как маркера своего человека, даже если он иностранец, например:

*Но большинство китайцев, действительно, счастливы побеседовать с иностранцем: молодые, чтобы попрактиковать свой английский, **пожилым очень приятно, если вы хоть чуть-чуть говорите по-китайски*** (Новости Югры (Ханты-Мансийск; 2.08.2012);

Я по-китайски знаю** только два слова: «здравствуйте» и «спасибо». Я ходил на рынок «Темерник», и там китайцы заговаривают со мной, **принимают за своего (Ставропольский меридиан; 8.05.2007).

Знание китайского языка престижно для каждого иностранца:

*А ты знаешь, что такое «Сюи-Жень»? – спросил меня однажды Федосов за чашкой чая и, увидев мое растерянное лицо, тут же не **без гордости объяснил: – Это по-китайски «Снеговик»*** (Спорт-Экспресс; 1999.20.12);

Когда надо блеснуть, их, заученные, типа «Шпрехен зи дойч?» или «Парле ву франсе?», можно вернуть к месту. Без подготовки легко поздороваться и по-китайски, сказав, как тебя зовут: «Нихао, во дзяо Та-ма-ра» (Вечерний Барнаул; 22.01.2011);

*Очнувшись, свободно заговорил по-китайски. Чем весьма удивил своих родителей — **написал им записку иероглифами: мол, люблю вас, скоро поправлюсь*** (Комсомольская правда — Уфа; 25.07.2020).

Сложность представляет и письменная иероглифическая речь:

Не знаю, как это по-китайски, что за иероглиф, а по-русски такая загогулина — красное слово! (Завтра; 20.06.2013).

Часто носителей языка интересует внутренняя форма китайского слова:

Слово «кризис», *написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность»* (Сибирский посад (Тюмень); 12.12.2008);

Этот номер — 15303718888 — *считается в Китае счастливым, поскольку цифра 8 по-китайски звучит сходно с иероглифом «фа», который означает «приращение богатства»* (Утро Петербурга; 16.11.2006).

Существует стереотипное представление о том, что китайский язык самый сложный для освоения:

Я честно пыталась в короткое время выучить хоть что-то по-китайски, но это оказалось сложно (Известия; 23.11.2012);

По-китайски я практически не говорю. Так, совсем немного. Для меня это слишком сложно (Спорт-Экспресс; 31.03.2015).

Китайский в устах иностранца звучит настолько искаженно, что носители языка воспринимают его только со смехом:

Многие пытаются заучивать китайские слова... Попытка попросить соль по-китайски доводит скромную официантку до приступа хохота (Газета; 8.08.2008);

— *Я тоже ничего не понял. — А над чем же ты смеялся? Так они жутко смешно говорят по-китайски!* (Карьера; 1.04.2009).

Что легче — читать или говорить, этот вопрос обсуждается часто носителями языка, поскольку в китайском трудны и устная, и письменная формы. Стереотипно считается, что писать научиться труднее:

На одних языках легче научиться писать и читать, на других труднее. Например, в испанском, итальянском и венгерском орфография довольно простая. В английском и французском не так. Еще сложнее китайское письмо, поэтому по-китайски сначала долго учатся говорить и лишь много спустя — писать (Экология и жизнь; 2007; 30.09).

Трудность восприятия китайской письменности эксплицируется во фразеологизме *китайская грамота* со значением ‘нечто неразборчивое и

непонятное'. Сравнение с китайским также передает сложность и трудность при коммуникации:

Члены комиссии МИД схватились бы за головы, если бы узнали, как 'Таллинн' пишется по-китайски (Сегодня; 1995.29.11);

Весной кочующие олени стада прибывают к отделениям совхозов и прочих хозяйств, называемых ныне по-всякому, иногда мудрено до икоты, почти по-китайски (Семья; 1998.29.05);

Администрация школы сочувствует нам вполне. Хорошо видно, что круговая порука – это идеальный механизм для введения любых бредовых идей. Захотят – мы и по-китайски отчеты напишем (Первое сентября; 2011.24.09);

У меня два таких страха. Второй – тот, который я испытываю во сне: стою на уроке математики и не понимаю, что написано на доске. Не просто не знаю, как решить пример, а вообще не понимаю, будто написано по-китайски. Этот сон снится мне до сих пор (МК; 2010; 14.04);

Соедините меня с главным режиссером. Да, с Константином Сергеевичем, я что, с вами по-китайски разговариваю? (Нева; 2011.15.02).

В СМИ также часто упоминается китайская особенность говорить громким голосом. Причина кроется в тональности речи:

Хотя по-китайски сложно говорить тихо и практически невозможно шепотом, так как это тональный язык, в котором повышение и понижение голоса приводит к различию в смысле слов (Timeout; 10.08.2006).

Громкая манера общения китайцев эксплицируется при помощи глагола *кричать* в сочетании с наречием *по-китайски*:

Обманищица! — кричал он по-китайски (Завтра; 23.02.2005);

И вдруг ко мне бросается здоровенный мужик, что-то грозно кричит по-китайски (Комсомольская правда – Уфа; 17.02.2020);

Хэ влетела в кабинет заведующей и накричала на нее что было сил по-китайски (Русский курьер; 7.08.2006).

Глагол *кричать* передает особенности коммуникативного поведения китайцев как шумных и громких людей. Например:

*Туристов было не счесть — со всех сторон переговаривались по-английски, восклицали по-итальянски и **кричали по-китайски*** (Магнитогорский металл; 22.03.2012).

Громкость китайского бытового поведения – это национальная черта китайцев:

*Вы спросите, что такое «жэнао»? На русском языке сложно подобрать правильное слово для перевода. Можно сказать «шум», но при упоминании этого слова у русского человека возникают скорее отрицательные эмоции, у китайцев – наоборот. Представьте себе этаким китайский базар с утра пораньше: **продавцы громко расхваливают свой товар, покупатели эмоционально торгуются**, шум, лязг, звяк, – и все это сопровождается детским плачем, игрой какого-нибудь дедушки на традиционном эрху, и при этом все бодры, веселы и счастливы. Вот это и есть китайское «жэнао». В Китае всегда очень шумно и оживленно. **Китайцы любят, когда громко. Громко – значит, жизнь бурлит, а люди полны сил и энергии** (Дружба народов; 15.01.2022).*

3.4.3. Специфика китайской кухни

Гастрономическая культура является неотъемлемой частью социокультурного пространства общества. Она представляет «единое исследовательское направление, получившее название food studies, ...пища является феноменом, необходимо требующим комплексных исследований» [Сохань 2013: 105]. Уже в середине – конце XX века ученые рассматривают пищу в качестве способа кодирования культурной информации [Барт 1975; Леви-Стросс 2006; Douglas 1997]. Феномен еды – это важнейшая часть культурно-бытового уклада жизни человека [Ермолаев 2022; Капкан 2023; Капкан, Лихачева 2008]. Национальные особенности питания являются маркерами, разделяющие «свое» и «чужое». «Пищевое поведение в культуре рассматривается этнографией как один из самых устойчивых признаков

этноса» [Сандомирская 1996: 18]. С.А. Арутюнов ввел понятие *системы питания*, характерной для того или иного этноса, которая включает в себя «набор основных продуктов... и типы блюд, ...наличие характерных дополнительных компонентов типа приправ и специй, способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи» [Арутюнов 1981: 4]. Важное место в исследовании гастрономической культуры занимают и стереотипные представления о кухне других народов.

В русском языковом сознании актуальны стереотипные представления о китайской кухне. В российском обществе устойчиво мнение о вкусной китайской еде, например:

*Сидя в ресторанчике супругов и уплетая за обе щеки **судака по-китайски** (вкусно и очень дешево) (Комсомольская правда – Москва; 6.07.2005).*

Есть целый ряд стереотипных правил, указывающих на специфику китайской кухни. Во-первых, воспроизводится суждение о китайской еде как экзотической и необычной:

*А **китайская кухня**, мягко сказать, **весьма необычна**. Не придется ли нашим олимпийцам питаться змеями и скорпионами? (Известия; 06.08.2008).*

*Огромный зал наполнился звоном посуды и приборов. Деликатесный **суп из трепангов, сладкая курица в арахисе, свинина в бамбуке**, в общей сложности порядка **десяти перемен блюд** (Профиль; 11.09.2006).*

Очевидцы, побывавшие в Китае, делятся своими впечатлениями, подтверждая экзотику:

*Когда мы были в Гонконге, нас повели в самый дорогой ресторан. Там заказали **обезьяну, мозги которой мы должны были съесть**. Делается это так: связывают живую обезьяну, бреют ей наголо череп и просовывают голову в специальную дырку в столе. Китайцы бьют ее серебряными молоточками по черепу. Обезьяна визжит, кровь фонтаном. Потом ложками едят дымящиеся мозги (Журнал Профиль; 06.10.1997);*

Скажем, рассказывается чудовищный эпизод **про поедание тухлых яиц** – тут тебе и коричневое пахучее желе бывшего белка, и гнойно-зеленый глаз желтка, а потом сразу же **про роль яйца по-китайски...** (Коммерсантъ; 26.10.2002).

Во-вторых, общим представлением о китайской еде является мысль о том, что китайцы способны употреблять в пищу многое из того, что обычно не принято жителями других континентов:

В течение нескольких дней студентам МГПИ и МГУ имени Огарева и нескольким старшеклассникам г. Саранска придется питаться по-китайски – есть все, что движется: лягушек, ящериц, змей, кузнечиков (Известия Мордовии 2004.10.08).

Наши СМИ писали о том, сколько китайцы съедают собак и кошек. Оказалось, 10 и 4 млн в год (АиФ; 22.04.2020);

Хотя есть что попало всё же не стоит даже китайцам (АиФ; 18.11.2020);

*Китайцы – уникальный народ, в том числе и с медицинской точки зрения. Пословицу «Что русскому хорошо, то немцу – смерть» по отношению к китайцам вполне можно сформулировать так: «**Что китаец съест, тем европеец подавится**». Желудок китайца обладает удивительной кишечной флорой* (Метро (Санкт-Петербург); 14.09.2005).

В-третьих, технология приготовления китайских блюд связана с изменением исходных вкусов используемых продуктов:

При этом задача китайской кухни – приготовить продукты так, чтобы ты не понял, что ешь (Журнал Профиль; 06.10.1997).

В-четвертых, при приготовлении китайских блюд требуется высокое мастерство повара:

Пекинская утка (точнее, утка по-пекински) – тот классический пример скрупулезности, который отличает китайскую кухню (Известия; 02.06.2005).

В-пятых, стереотипно представляется, что вся китайская еда очень острая:

*Так вот, исходя из стремления к вышеуказанному триединству, мы сегодня приготовим причем на костре **острые ребрышки по-китайски*** (Парламентская газета; 21.06.2007);

*Самое мое любимое китайское блюдо – тонко наструганная свинина с арбузными косточками, древесными китайскими грибами и жареным луком. Эта штука с подвохом. **Очень остро**. Но ты сначала этого не замечаешь. Когда берешь, кажется сладким, и только когда проглатываешь, получается такой вулкан внутри, что слезу вышибает. Блюдо замедленного действия* (Журнал Профиль; 06.10.1997);

*Зимой я люблю **острые**, горячие блюда — баклажаны по-китайски или очень перченое мясо* (Санкт-Петербургский курьер; 5.08.2010).

Китайская кухня в настоящее время занимает передовые рубежи в мировой гастрономии, СМИ часто для подтверждения этой точки зрения прибегают к экспертной оценке, например, к мнению лидеров политической элиты общества:

*В ходе визита в КНР Дмитрий Медведев признался, что любит **китайскую кухню** и даже назвал несколько любимых блюд во главе с уткой по-пекински, пекинскими пельменями дим сумы, рыбой и мясом в кисло-сладком соусе. «**Китайская кухня, китайское кулинарное искусство — абсолютно фантастическое**, я считаю, что это огромный, мощнейший пласт китайской культуры, — сказал премьер. — Это не просто еда, а на самом деле **часть китайской истории и китайской культуры**. У нас, в нашей стране появилось много китайских ресторанов, они пользуются большой популярностью, как и во всем мире. Но настоящую китайскую еду, конечно, можно попробовать только в Китайской Народной Республике, потому что по сути это **целая церемония — очень сложная, очень эффектная — приготовления различных блюд**». Главное же, подчеркнул Медведев, что «в **китайской кухне** можно подобрать еду практически на*

любой вкус. А я считаю, что очень здорово, когда можно найти еду на любое настроение» (МК; 01.11.2017).

Любовь к китайской кухне, в том числе и в России, обогащает носителей русского языка конкретикой гастрономической культуры Китая, корректируя стереотипные упрощенные представления и углубляя знания национальных особенностей пищи китайцев:

*Нет и единой **китайской** кухни: есть пекинская, хайнаньская, сычуаньская* (Аргументы и Факты; 19.12.2012);

*Недостаточно сказать официанту: «Хотелось бы китайской еды» – тут же спросят: какую из 80 видов **китайской** кухни вы предпочитаете?* (Известия; 12.11.2004).

3.4.4. Социализм с китайской спецификой

Социализм является официальной идеологией Китая с конца 1970-х гг., и современному лидеру Китая Си Цзиньпину принадлежит словосочетание, которым определяются особенности социалистического строя в стране – это «социализм с китайской спецификой», под которым понимается одновременное использование теоретических идей марксизма и традиционных конфуцианских ценностей. «Синтез конфуцианства и марксизма в идее Си Цзиньпина <...> происходит сразу «на двух уровнях» – на инструментальном и на концептуальном» [Сухомлинова 2020: 36].

Поэтому коллокации с качественно-обстоятельственным наречием *по-китайски*, характеризуя политический строй и экономическую сферу Китая, манифестируют эту главную особенность страны как *социализм по-китайски*:

*Соревнование и самоусовершенствование во имя движения к истинно справедливому дао (оно отождествляется ныне с **социализмом по-китайски**)* (Независимая газета; 3.04.2013);

***Социализм по-китайски** — реальная основа экономического рывка страны в настоящее и будущее* (Казанские Ведомости; 19.04.2018);

Китай просто хорошо работает, и социализм по-китайски превращает страну в Сверхгосударство (Нефтеюганский рабочий; 25.09.2002).

Положительные трактовки социализма по-китайски выявляют устойчивые представления о высокотехнологичности страны, высокой производительности труда, которые напрямую связаны с трудолюбием представителей китайского этноса:

Даже китайцы, делающие семимильные шаги в развитии техногенной цивилизации, обеспокоились (Звезда Алтая; 24.10.2018);

По производительности труда эта компания обошла даже китайцев (Деловой Петербург; 25.10.2018);

Здесь стоит, по утверждениям сотрудников завода, самый мощный кузнечный пресс в мире, «такой не могут построить даже китайцы!» (Коммерсантъ; 19.11.2010).

Социализм по-китайски часто связывается с ростом китайской экономики и рыночным развитием страны, а также с представлениями о Китае как о сверхдержаве. «‘Социализм с китайской спецификой’ подразумевает использование рыночных механизмов при публичном сохранении идеи социалистической экономики» [Сухомлинова 2020: 31].

В качестве отдельной номинации мы выделяем словосочетание *рыночный социализм*, которым подчеркивается особенность китайского политического строя. Теоретически социализм определяется как строй, не совместимый с рынком, но именно в Китае появилась социалистическая экономика с рыночным уклоном:

В итоге получился своего рода «рыночный социализм» по-китайски (Ингушетия; 23.11.2006);

Будет строить социализм по-китайски — с рыночным уклоном (Комсомольская правда; 3.08.2006);

Социализм по-китайски включает в себя немало элементов рыночной экономики (Оренбургский университет; 22.08.2007).

Возьмешь сегодняшний Китай — там живут по-китайски. Страну не разрушают, ушедших вождей не клянут, Мавзолей Мао Цзэ-дуна почитают (Плесецкие новости; 20.01.2004).

Характеристика политического строя страны определенным образом координируется с ментальными чертами национального характера. Так, *социализм по-китайски* соотносится с такими негативными чертами, как жестокость и закрытость режима:

На площади, ставшей в последнее десятилетие символом и другой стороны социализма по-китайски, — жестокости и закрытости режима (Новые Известия; 29.09.1999).

Политический строй характеризуется и коллокацией *демократия по-китайски*, подчеркивающей тоталитарный режим в Китае

Это и есть демократия, вывернутая «по-китайски», которая, с европейской точки зрения, является не чем иным, как деспотией (Московские новости; 21.12.1999).

Демократия по-китайски в некоторых контекстах противопоставляется демократии *по-европейски*, которая понимается как действительная политическая свобода:

Возможно, признаком «побед» демократии являются слившиеся с государственными и правоохрнительными органами мафиозные структуры? В таком случае нам больше по душе демократия по-китайски (Советская Россия; 12.07.1997);

Дружба с чувством опасности? Ученый-востоковед размышляет о демократии по-китайски (Свободный курс (Барнаул); 5.04.2007).

Внутриполитическая ситуация в Китае эксплицируется при помощи и таких номинаций, как *цензура* и *гласность*:

Основная задача цензурной модели по-китайски — это защита безусловного авторитета власти (Новая газета; 24.09.2018);

Девять постоянных членов нового политбюро, которые будут молча стоять в ряд на своей первой «пресс-конференции», где даже журналисты

китайских государственных СМИ не могут задать ни одного вопроса, — так со стороны выглядит смена власти по-китайски (Коммерсантъ ВЛАСТЬ; 22.10.2012);

Что значит «гласность по-китайски» — использование нападок против самих нападающих (Итоги; 8.11.1997).

3.4.5. Специфика экономики Китая

Китай ассоциируется в русском языковом сознании как страна со стремительным экономическим развитием. Коллокации с наречием *по-китайски*, прежде всего, связаны с успешными экономическими реформами, которые демонстрируются как пример для других стран:

Ким объехал весь Китай, осмотрел результаты реформ по-китайски, примеривал их для своей страны (Завтра; 25.12.2001);

У нас в стране многим по-прежнему нравится опыт реформ по-китайски (Гудок; 15.04.1999).

Ведущее место Китая на мировой арене в дискурсе масс-медиа России реализуется в виде ведущей метафорической модели «Китай — это чудо», которая репрезентирует «небывалые достижения Китая в политической, экономической, культурной и спортивной жизни, утверждают значимость Китая в развитии мировой экономики» [Чэн Юйсяо 2020: 8]

И в то же время с Китаем как одной из крупнейших экономик мира связаны стереотипы о дешевизне китайских товаров и их низком качестве:

— В Китае производят мебель, одежду, обувь высокого качества. Но есть и другой Китай, где производят «одноразовые» товары низкого качества для тех, кто может себе позволить только это. И наши «челноки» 90-х гг., привозя дешёвые и некачественные товары в Россию, создали миф, что всё китайское плохое. Прошло время, и я думаю, что с этим разобрались. — Но именно в Китае штампуют подделки под все бренды мира, делают продукты питания из несъедобных компонентов (АиФ; 15.05.2019);

Отечественные животные неизвестного роду-племени выглядели грустно, дешево и очень по-китайски (Деловой еженедельник Профиль; 7.05.2008);

Не все товары будут по-китайски дешевыми (Бизнес для всех; 20.12.2006);

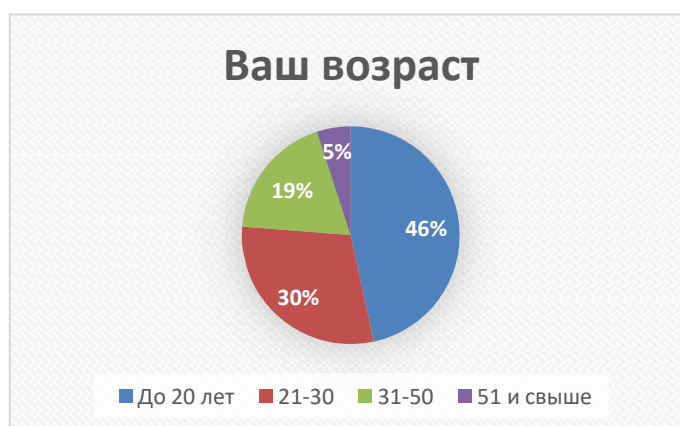
Сидя в ресторанчике супругов и уплетая за обе щеки судака по-китайски (вкусно и очень дешево) (Комсомольская правда; 6.07.2005).

Большое количество дешевых товаров, с одной стороны, является доказательством высокой производительности китайской экономики, с другой, возможностью купить товары китайцу с небольшой зарплатой.

3.5. Социолингвистический опрос

Достоверность выявленных стереотипных представлений о Китае и китайцах на базе российских СМИ мы решили проверить экспериментальным путем.

Нами был проведен социолингвистический опрос, число респондентов – 219 человек. Аудитория характеризуется как преимущественно молодежная: 46% опрошенных в возрасте до 20 лет, 30% опрошенных в возрасте от 21 до 30 лет, 19% опрошенных в возрасте от 31 до 50 лет, 5% опрошенных в возрасте старше 51 года. Таким образом, 76% опрошенных не достигли возраста 30 лет. Ниже представим результаты нашего опроса.

С гендерной точки зрения аудитория преимущественно женская — 81% респондентов – женщины.

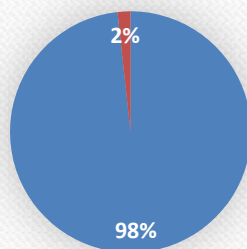
Аудиторию опроса мы характеризуем как образованную, так как все респонденты имеют высшее образование или находятся в стадии его получения.

Были заданы вопросы, выборочно проверяющие прочность стереотипных характеристик, выявленных нами в результате анализа данных СМИ. Это следующие вопросы:

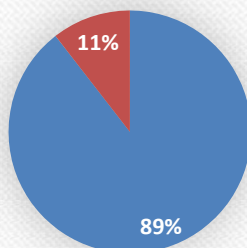

**Согласны ли Вы, что
китайцы мудры?**

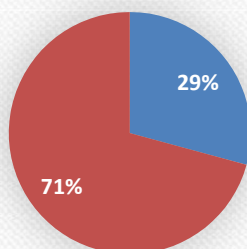
■ Да ■ Нет

**Согласны ли Вы, что
китайский язык очень
трудный?**

■ Да ■ Нет

**Согласны ли Вы, что
китайцы одинаковы по
внешности, их трудно
различить?**

■ Да ■ Нет

По результатам проведенного нами социологического опроса, зафиксированные в российской прессе стереотипы совпали с мнением современной российской молодежи.

С некоторыми из существующих в российском обществе негативных стереотипов о китайцах респонденты не согласились. Так, лишь 15% опрошенных указали, что считают китайские товары некачественными.

Помимо этого, только 29% респондентов согласился с тезисом о том, что китайцев сложно отличить друг от друга из-за их сходства во внешности. Результаты социологического опроса показывают, что в представлениях молодого поколения постепенно исчезают негативные стереотипы о китайцах и что динамика стереотипных представлений нуждается в особом

рассмотрении.

Выводы

В конструировании стереотипного образа китайца большую роль играют устоявшиеся и сложившиеся стереотипы восприятия азиатского соседа, которые представлены в СМИ и являются важным каналом, формирующим образ другой культуры. Корпус стереотипных представлений русских о Китае был систематизирован в рамках матрицы, которая включает три аспекта характеристики носителя другого этноса: антропологический (1), ментальный (2) и социальный (3). Для полного заполнения матрицы мы использовали в качестве маркеров (кроме наречия *по-китайски*) и другие языковые средства передачи стереотипов, как-то: кванторные местоименные слова *все, каждый, любой*, усилительно-выделительную частицу *даже*, прилагательные *настоящий, истинный*, фразеологизмы, включающие характеристику феномена китайского, этнические анекдоты.

Антропологический портрет китайца рисует узкоглазого человека невысокого роста, с черными волосами, с желтой кожей. Современный Китай – это крупнейшая промышленная держава в мире, самая густонаселенная страна в мире, характеризуется, с одной стороны, такими положительными стереотипными представлениями о национальном характере, как *мудрость, трудолюбие, вежливость, скромность, упорство, терпение*. С другой стороны, наречие *по-китайски* позволяет эксплицировать негативные стереотипы о *жестокости* китайцев. *Хитрость* оказалась амбивалентной чертой национального характера, характеризующей китайца как с положительной, так и с отрицательной стороны.

В русской языковой картине мира на базе стереотипных представлений о сложности китайского языка и экзотической кухне формируется этностереотипное представление о феномене китайского как о нечто интенсивно сложном, не всегда понятном и странном мире.

Преимущественно положительными являются стереотипы в сфере экономики и культуры, где признается экономический рост и успехи Китая, а

также приверженность его жителей к традиционной культуре. Преимущественно отрицательными являются стереотипы в сфере политики, где Китай представлен как страна с жесткой цензурой и отсутствием демократии. Устойчивым остается стереотип о низком качестве китайской продукции.

Результаты социологического опроса подтвердили бытование в российском обществе положительных стереотипов о китайцах — представления об их трудолюбии и мудрости. Негативные стереотипы о китайцах в представлениях молодой части общества постепенно стираются.

Глава 4. Репрезентация стереотипных представлений о Японии, Корее, Вьетнаме и Монголии

В данной части нашего исследования рассмотрим стереотипные представления о странах Восточной и Юго-Восточной Азии и народах, их населяющих. Базовым маркером, как и в предыдущей главе, являются качественно-обстоятельственные наречия.

Наречие *по-японски* определяется «как свойственно японцам, как характерно для них или для Японии» [Ефремова 2006, Т. 2], наречие *по-корейски* – «как свойственно корейцам, как характерно для них или для Кореи» [там же], наречие *по-монгольски* – «как свойственно монголам, как характерно для них или для Монголии» [там же], наречие *по-вьетнамски* – «как свойственно вьетнамцам, как характерно для них или для Вьетнама» [там же]. Анализ будет проводиться в той же последовательности параметров, какая была задана в третьей главе при анализе стереотипных представлений о Китае и китайцах.

4.1. Репрезентация стереотипных представлений о Японии

Япония среди анализируемых нами азиатских стран больше всего привлекает внимание современных путешественников и известных публицистов. Так, российскому читателю хорошо известна книга журналиста-международника В.В. Овчинникова, 6 лет проработавшего корреспондентом газеты «Правда» в Японии, «Ветка сакуры» [Овчинников 1971]. Японии посвящены целый ряд исследовательских работ, см., например, литературу, обращенную к исследованиям стереотипных представлений о Японии [Алпатов 2012; Бессмертная, Пасевич 2020; Воробьева 2008; Жилина 2013; Жданов 2009; Казанцева 2021; Ложкина 2009; Мирошниченко, Чибисова 2012; Михайлова 2007; Пальцева, Птицын 2013; Попова, Казанцева 2020; Селюнина, Цянгунь Ч. 2020; Сморгунов, Игнатьева 2022; Царева 2006; Чугров 2003; 李永晶 Ли Юнцзин 2023 и др.].

Облик Японии противоречив, что объясняется динамикой развития стереотипных признаков о стране. В.М. Алпатов прослеживает этапы в развитии российских представлений о Японии. Первый образ Японии как «непонятной восточной страны, где всё не так, как у нас» складывается в XIX в., одновременно формируется второй образ – представление о «дурных чертах» японского характера: притворстве, коварстве и мстительности. Этот же «образ жестоких и недоброжелательных японцев» сохраняется и после Великой Отечественной Войны. Третий стереотип начинает формироваться уже к 1970-м годам: «умами овладели представления о Японии как самом успешном примере внедрения в первоначально восточную страну западных ценностей» [Алпатов 2012: 141–147].

Отрицательных стереотипов, с помощью которых русские воспринимают и описывают Японию, несколько. «Первый и самый архаичный из них выражен в строчке: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг». Второй стереотип: агрессивность японцев до и во время Второй мировой войны... Третий стереотип: Япония – по заслугам наказанная пособница фашистской Германии, которая не может выставить свои претензии стране-победительнице... Положительные стереотипы в этом смысле проще и понятнее: сакура, гейши, суши и Мураками, электроника и автомобили. Наблюдения показали, что негативные стереотипы в своей основе политические, позитивные – культурно-потребительские» [Царева 2006: 13–14]. «Дальневосточный сосед воспринимался как враг советского государства, “другой”» [Ложкина 2009: 27].

Задача нашего исследования – представить сложившийся и существующий стереотипный облик Японии в XXI веке на материале СМИ, поэтому в нем будут отражаться черты, которые приобретала Япония на протяжении веков. Обратимся к описанию стереотипных представлений о японцах.

4.1.1. Антропологические характеристики японцев

а) Прикрытые или раскосые глаза:

По-японски молодое лицо совсем без морщин – словно застывшая маска с узкими прикрытыми глазами, обращенными внутрь себя (Персона; 2003.30.08);

*И русских женщин, махавших им платками, и детей, **черноволосях** и по-японски раскосых* (Искусство кино; 2002.15.05);

По большим не по-японски глазам официанта поняли, что где-то лопухнулись. Посмотрели по сторонам (Газета Дона; 2022.29.06).

Попутно с характеристикой глаз указываются другие признаки внешности японца: медленное старение японцев (лицо молодое без морщин), черные волосы.

б) Низкий рост

*Я и так не маленького роста, а тут еще шла на каблуках среди **низкорослых японцев** и ощущала себя словно генерал де Голль* (Коммерсантъ; 05.07.2008);

*Двухметровый отец Николай встретил **низкорослого самурая** без робости. **Японец** виртуозно владел мечом, а русский был силен верой* (Комсомольская правда; 28.03.2008);

*Слово «шапкозакидательство» впервые появилось после русско-японской войны, когда русские говорили: «Если **японцы** развяжут войну, мы их закидаем шапками, **они же низкорослые!**»* (Московский Комсомолец; 08.02.2010);

*Цой был высоким, 180 см, и **все низкорослые японцы** смотрели на него как на бога — с восхищением* (МК; 14.08.2020).

в) Цвет кожи

Все хорошо знают, что взрослые образованные люди не смотрят мультфильмов и не читают комиксов. Но этого не знают странные люди с желтой кожей, живущие в стране, которую они называют Страной восходящего солнца (Независимая Газета; 29.06.2007);

В тот неpolitкорректный век европейцы открыто смеялись не только над “дикими” обычаями японцев, но и над их низким ростом, “короткими”

и “кривыми” ногами, неисправимой худобой. Презрительный и одновременно пугающий эпитет “желтый”, употребляемый по отношению к японцам, с легкостью укоренился и в России (Новое литературное обозрение; 10.10.2009).

г) Красота японской женщины

У Людмилы – по-японски идеальный овал лица, который очень редко встретишь, и идеальный разрез глаз – мечта любой японской красавицы (Кузбасс (Кемерово); 24.01.2014);

То ли тонкие щиколотки главной героини, тоже, чисто по-японски, привлекательной девушки (Независимая газета; 2002.27.11).

Кстати, только за счет цвета макияжа лицу и придается выражение, образ в наступившем сезоне: никаких карандашей, контуров и сантиметрового слоя туши! Иначе облик станет по-японски кукольным (МК; 2002.10.05).

Выделенные черты внешнего облика японца – низкий рост, узкоглазость, желтая кожа – «обладают отрицательной коннотативной окраской, в них выражено пренебрежительное отношение носителей русского языка к Японии и представителям японского этноса в целом. Такие черты азиатской внешности, как узкий разрез глаз и невысокий рост, всегда воспринимались представителями европейских наций, в том числе и русской, как нечто такое, что заведомо ставит азиатов на ступень ниже европейцев». Такой вывод делает исследователь стереотипного образа Японии в своей диссертационной работе [Казанцева 2021: 15].

4.1.2. Ментальные характеристики японцев

4.1.2.1. Черты характера

Следующими важными стереотипными признаками, маркированными наречием *по-японски*, являются черты характера. В современном русском языке преобладают положительные стереотипы, и японцы наделяются такими качествами, как трудолюбие, организованность и др. Рассмотрим их.

1) Трудолюбие и работоспособность

Черта характера манифестируется в биграмме наречия *по-японски* с глаголом *работать*, далее в контексте идет комментарий, раскрывающий суть словосочетания:

*Их учат **работать по-японски**, с акцентом на мельчайшие операции* (Губернские ведомости; 19.01.2001);

***Работать — по-японски:** В ОАО «Салаватнефтеоргсинтез» взяли на вооружение **японскую систему оптимизации рабочих мест — «5S»**. Она призвана изменить поведение и образ мышления работника, воспитать в нем **уважение к порядку и дисциплине**. Название системы «5S» происходит из первых букв японских слов, означающих в переводе: «организация — порядок — чистота — наглядность — ответственность» (Республика Башкортостан (Уфа); 01.08.2008).*

Работа по-японски связана с особой организацией труда, последовательно воплощающая, кроме трудолюбия, порядок, чистоту, внимание к деталям. Это становится особым фирменным японским стилем работы, который пытаются перенять в России:

***Работать по-японски** в постоянном режиме цех не смог. Еще полгода он скатывался с японского распорядка к привычному российскому* (SmartMoney; 24.04.2006);

*Научить отечественных предпринимателей **работать по-японски*** (Реальный бизнес (Ростов-на-Дону); 30.04.2008);

В стиль японской работы входит и аккуратность, см. значение слова *аккуратный* – «1. исполнительный, соблюдающий во всем порядок; 2. тщательный, выполненный старательно и точно» [ТСРЯ 2008: 20]:

*Происходит это **по-японски аккуратно*** (Литературная газета; 4.02.2004);

*Территория будущего завода пока представляет собой одну большую стройплощадку, однако **работы на ней ведутся по-японски аккуратно*** (Колеса (Санкт-Петербург; 1.01.2007);

Он по-японски аккуратен, спокоен, трудолюбив (Мир & Дом. City; 15.02.2003).

Трудолюбие японца включает и внимание к любой мелочи при выполнении какого-либо дела:

Руководство метро исключительно по-японски уделяет много времени деталям (Московская правда; 2019.04.02);

Эргономика рабочего места водителя по-японски выверена и практически идеальна. Все рычажки, кнопки и клавиши расположены так, что к ним не нужно тянуться или наклоняться, а надписи и символы отлично видны и понятны (Семь вёрст (Тольятти); 2007.10.29);

Здесь, рассказывает она, их учат работать по-японски, с акцентом на мельчайшие операции, вплоть до того, как «правильно закрепить винт в винтовёрте и прикрутить его туда, куда надо» (BusinessWeek Россия; 2007.07.09).

2) Мудрость

Как общая восточная черта, мудрость приписывается и японцам:

По-русски сострадательн, по-немецки точен, по-французски галантен, по-английски деловит, по-японски мудр (Век; 18.05.2001);

Мараками ответил по-японски мудро (Вечерний Барнаул; 29.05.2013).

3) Особенности мышления японцев

Значит, вы не умеете мыслить по-японски. Учитесь: по новым правилам, посетители американских горок не должны... кричать (Солидарность; 22.07.2020);

Но с какой стати нам, при всем почтении к японской культуре, мыслить и чувствовать по-японски? (Липецкая газета; 26.12.2012);

Если ты занимаешься дзюдо, то это не значит, что теперь ты должен мыслить по-японски или носить самурайскую косичку (Слово Ныхас (Владикавказ); 1.02.2012).

Словосочетание *мыслить по-японски* достаточно частотно в контекстах о Японии. Оно заставляет предполагать, что японское мышление отлично от

мышления других народов. Чтобы понять особенности этой стороны национального менталитета, обратимся к работам, посвященным данной проблеме. Японское мышление, по мнению ученых, отличается не только от западного типа, но и от китайского варианта. Суть особенностей мышления обусловлена историческим опытом Японии. Географический фактор «(расположенность на периферии мировых цивилизаций), специфика исторического развития (самоизоляция на протяжении более 200 лет) и благоприятные внешние условия (отсутствие внешнего врага) – все это не стимулировало создание какой-либо целостной религиозно-философской основы» [Арин 2014: 45]. В основе мышления лежит синкретизм, соединивший буддизм и конфуцианство с японскими синтоистскими представлениями о мире. Такая полифоническая структура мышления определяет и обыденное сознание японца. Она привела к полному отказу от законов формальной логики. Для японцев характерна «трехполюсная логика»: «отрицание жесткого конфликта, неантагонистичность противоречий и непризнание их разрешения за счет утверждения одной из сторон» [там же: 47]. Поэтому носителю другого этноса многое в поведении японцев кажется странным и непонятным, поскольку не укладывается в логику мышления другого типа.

4) Неторопливость, созерцательность

Экспликация этой черты в контексте –употребление наречий *медленно, неторопливо*, которые семантически близки друг к другу:

*Очень красивая и стильная историческая лента **сделана по-японски медленно и задумчиво*** (Тверская; 29.06.2005);

*Девиз семьи: «**Жить по-японски: неторописса, не волновасса, трудисса, улыбасса**»* (Заря (Верхняя Тойма); 9.06.2020).

Мышление и мировосприятие японцев отличается созерцательностью:

*Они не разделены переплетами, поэтому ничто не мешает наблюдать окружающий ландшафт, что так **соответствует по-японски***

созерцательному характеру финнов (Мир & Дом. Санкт-Петербург; 15.01.2004);

Да и просто так, по-японски: полюбоваться, посозерцать, оставив на время заботы, попечения и суету (Новая новгородская газета; 17.08.2011).

5) Сдержанность, флегматичность, спокойствие

Специфической чертой японцев является внешнее спокойствие, сдержанность и отчасти флегматичность без внешнего проявления эмоций. Такие черты характера синонимичны наречию *по-философски*, которое также включает спокойный и рассудительный взгляд на действительность:

6 августа Юрико Хироки привезут к мемориалу в Хиросиме в инвалидной коляске – вдобавок к преклонному возрасту у нее белокровие. Она относится к этому по-японски флегматично: «Мы все, кто пережил взрыв, от этого умрем...» (АиФ; 2005.08.03);

Впрочем, Владимир Садовин относится к возможным трудностям по-японски философски (BusinessWeek Россия; 31.03.2008);

Наканиши воспринимает по-японски философски и поэтически красиво (Коммерсантъ; 17.12.2020);

Кавагути восприняла поражение по-русски эмоционально, а не по-японски невозмутимо (Московская правда; 2010.02.17);

Ныне 89-летний мастер презентует русским ленту «Подыгрывающий». Кането Синдо выглядит по-японски сосредоточенным и бесстрастным. Он очень редко улыбается, но это не мешает ему постоянно объясняться в любви соотечественникам Чехова и Достоевского (МК; 2001.06.27);

Тихий, по-японски сдержанный хозяин книжного магазинчика Кобаяси умирает от опухоли мозга (Новая газета; 2003.09.15);

Приговор он встретил по-японски сдержанно, но с видимым облегчением (Комсомольская правда; 22.09.2006);

По-японски сдержанный Митио Симидазу подносит Эмили Ивановне букет цветов (Наш город Тамбов; 10.09.2014);

Мысль, выраженная по-японски сдержанно, почти бесстрастно, но по-общечеловечески горько (Рампа (Уфа); 15.07.2001).

6) Вежливость

В нашем материале частотны контексты, указывающие на вежливость как доминантную черту японского менталитета:

Большой же оркестр выполнил свою задачу по-японски вежливо, точно (Общая газета; 28.09.1998);

Охранники пропустили нас по-японски вежливо (МК; 19.08.2009);

Он легок и исключительно вежлив в общении – не просто по-японски, а по-человечески (Российская газета; 19.11.2018).

Известно, что категория вежливости в Японии является наиболее значимой для ее культуры, и японский речевой этикет в языке реализуется в виде нескольких уровней, см. об этом [Алпатов 1973; Норбури 2007]. Но вежливость тесно связана и с другими проявлениями поведенческих черт, в частности, с культурой конформизма. «Для японцев естественно стремление достигать согласия по всем аспектам принятия решения, сочетаемое с желанием избегать конфликтов. В основе этого явления лежит японский идеал гармонии, или *ва*. В Японии мы находим культуру «стыда», культуру «лица» — две стороны одной медали. Подобное свойственно также китайцам и другим азиатским народам, но особенно это проявляется в Японии. Японцы выработали правила поведения в любых ситуациях, при ведении дел и повседневной жизни» [Захарьянц 2009: 28]. Поэтому следующие указанные черты японского поведения необходимо рассматривать в совокупности проявления японского характера. К ним относятся

– учтивость, почтительность, конформизм:

«Я этого не говорю. Я лишь хочу сказать, что современный вседорожник пока останется в производстве», – дипломатично, по-японски обходя острые углы, ответил глава марки на вопрос о прекращении развития линейки (За рулем; 2015.11.01);

*Первый встречный «самурай» – водитель нашего микроавтобуса, **учтиво, по-японски, кланялся*** (За рулем; 15.12.2001);

*Можно было наблюдать европейцев в деловых костюмах, **кланявшихся друг другу почти совсем по-японски*** (Компания; 5.07.2010);

*Охрана же **чинно, по-японски раскланявшись** удалилась с довольными лицами* (Российская газета; 24.10.2007);

*И мы с Костей тоже, причем не сговариваясь, **по-японски сложили ладони и синхронно поклонились** в ответ* (Знамя; 2002.11.11);

*Сам Сато удивительно радушный человек, **при встрече он по-японски кланяется*** (Владивосток; 4.09.2007).

Традиционные приветственные поклоны являются наиболее распространенным жестом в современном этикете японцев и понимаются как проявление их почтительности [Попов 2010: 270].

*В жизни Сергей Болховитин **по-японски церемонен, выдержан и корректен*** (NewsKo; 2015.02.10).

*В интерьере кафе никакого особого намека на японское, хотя официантки двигаются и реагируют на заказы медленно, **церемонясь прямо-таки по-японски*** (Информ Полис (infpol.ru); 2006.05.31).

Вежливость японцев иногда определяется с помощью лексем *церемониться, церемонный*, см: *церемонный* – «1. Торжественный, чопорный. 2. Стеснительный, жеманный» [ТСРЯ 208: 1079], *церемониться* – «Проявлять излишнюю мягкость, стеснение» [Там же]. Вежливость как положительная стереотипная черта японцев, переходя в церемонность, может восприниматься как отрицательная, так как «излишняя церемониальность, свойственная светскому общению, русскими людьми воспринимается негативно, ассоциируется с поддельностью и лживостью» [Казанцева 2021: 23].

В дополнение к вышеперечисленным чертам отметим

– **доброжелательность и улыбчивость:**

Здесь только гости, которым все приветливо, почти по-японски улыбаются, даже если это человек капризный (Молва (Владимир); 3.04.2004);

Моя прежняя руководительница умело, улыбаясь почти по-японски, использовала людей (Саратовские вести; 22.08.2013).

Улыбаться по-японски понимается как проявление этикетной вежливости к своему собеседнику, а не искреннего расположения. Это социальная обязанность и важная черта вежливого человека. В японской культуре типы улыбки дифференцируются: печальная улыбка (женщина встречает мужа, который вернулся с похорон); надменная, неопределенная улыбка; «социальная улыбка», которая изображается с целью соблюдения благопристойности; профессиональная улыбка (по отношению к покупателю, клиенту); довольная улыбка человека в возрасте; улыбка бизнесмена на банкете [Пронников, Ладанов 1983: 208].

Улыбчивость японцев связана с их доброжелательностью:

На доброжелательном, по-японски герметичном лице Тадаси Судзуки в начале нашего разговора было внятно написано (Московские новости; 20.07.2007).

4.1.2.2. Поведенческие и бытовые привычки японцев

Стереотипная связь с предметами быта японцев, как и с китайскими предметами повседневной жизни, является очень устойчивой. Это «языковые единицы, обозначающие своеобразные японские явления культуры и быта. В эту лексико-семантическую группу входят такие широко известные носителям русского языка символы Японии, как: *сакура, кимоно, икебана, бонсай* и др.» [Казанцева 2021: 10], Япония – «страна гейш и самураев» [там же: 6].

«Воображение рисовало красивые веера, тонкий фарфор, нецке, бумажные зонтики, самурайские доспехи людей, делающих себе харакири, улыбки гейш, банды якудза, цветущую сакуру и суши» [Жданов 2009: 92], см. также: [Мирошниченко, Чибисова 2012; Михайлова 2007; Пальцева, Птицын 2013].

Самурай и харакири (уход из жизни по-самурайски) — образы, знакомые русскому языковому сознанию и традиционно относимые к японским стереотипам:

В детстве мы играли в самураев. Самурай должен был по-японски умереть, не имел права упасть лицом вниз, закричать (Дружба народов; 01.15.2013);

Собрав в кулак остатки воли, горе-бизнесмен решается уйти из жизни по-японски, сделав себе харакири посредством кухонного тесака (Газета; 11.16.2005).

Стереотипны представления о традиции японских чайных церемоний:

Чем чайная церемония по-японски угодила гостям, так это своей умеренной ритуальностью (Сегодняшняя газета (Красноярск); 20.08.2001);

Но для того, чтобы выпить чашечку чая по-японски, надо потратить немало времени – и этот церемониал интересен в первую очередь для туристов (Труд; 3.09.2003).

Традиция чаепития в Японии также отличается ритуальностью и церемониальностью, что демонстрирует сложность бытовой и повседневной культуры страны. Чайная церемония, скорее, воспринимается как искусство и носит название *тя-ноу*. Для проведения церемонии чаепития нужен чайный мастер, который «изящно» подает чай, «разлитый по маленьким чашкам» [Мосьпан 2021: 43].

«Семь ритуалов» ...включает четко регламентированное общение между хозяином и гостями. Перечень церемоний был утвержден 7-м патриархом чайной школы Омотэ сэнкэ Дзёсинсаем совместно с 8-м патриархом школы Урасэнкэ Югэнсаем в первой половине XVIII в. В этой концепции отразились основополагающие принципы дзэнского мировоззрения» [Зинченко 2019: 86], см. также о ритуале чайной церемонии [Масако 2006; Писарева 2016 и др.].

Среди бытовых привычек японцев носителям русского языка известна привычка сидеть по-особому, спать и есть на полу:

И сидят они все по-японски – ноги под себя. Это уже гены (Огонек; 3.06.2002);

Несколько приближённых членов фирмы сидели вокруг низкого стола по-японски, на запятках (Новый мир; 15.12.2000);

Хотя, как сама она рассказывает, смеясь, кровь дает себя знать – к примеру, Денис любит сидеть по-японски, поджав ноги... (Владивосток; 07.22.2015.);

Живут они по-японски. То есть спят на полу, там же и едят (Волгоградская правда; 10.06.2004).

Наречие *по-японски* используется и как маркер стереотипов о праздновании Нового года:

Отпраздновать Новый год так, как он того хочет: чинно, спокойно – по-японски, или с удалью, размахом и безудержным весельем – по-русски (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск); 11.01.2014).

Для японцев характерно внимание к деталям, бережное отношение к природе:

Как вы справляетесь с бытом – заговариванием его, по-японски мелким разглядыванием предметов, пристальным любованием? (Вопросы литературы; 05.15.1997).

Кстати, о дачниках: вот кого, пожалуй, сегодня еще можно назвать хранителями окружающей среды. Правда, лишь в пределах своего участка. Зато они берегут мать природу не абстрактно, а по-японски: умиляясь над каждым лепестком, заболевая вместе с нежной порослью после ночных заморозков, танцуя вокруг первого помидорчика... (Правда Севера (Архангельск); 06 09.2005).

Гостеприимство – феномен кросскультурный, этническое проявление гостеприимства в Японии представляет собой радушие хозяев, помноженное на японское усердие и старательность. Представим ряд развернутых показательных контекстов, демонстрирующих специфику японского

гостеприимства. Негативность первого контекста связана как раз с проявлением чрезмерного радушия, доведенного до абсурда:

1) *Сразу после аэропорта мы должны были ехать на поезде в префектуру Ибараки, в городок Токай, что находится рядом с ядерным центром Токай-мура на берегу Тихого океана. Нам, уставшим от долгого перелета, хотелось быстрее добраться до места, особенно Д.И: ему тогда было все-таки 68 лет, а не 39, как мне. Но не тут-то было: нам **пришлось испытать**, как говорится, «на своей шкуре», **что такое гостеприимство по-японски**. Сумита решительно объявил план: он покажет нам интересные места Токио, в том числе дворец императора, а потом мы поедem на вокзал. На дворец мы взглянули с расстояния около полукилометра, при этом наше внимание больше привлекла толпа местных туристов – все они, как один, благоговейно, взирали на неказистое строение дворца далеко за прудом. После этого нам пришлось почти бегом следовать за Сумитой по бесконечным улочкам Токио. На вопросы, куда мы идем, профессор Атом только улыбался известной всем японской улыбкой, которая могла означать что угодно – от «вы сейчас такое увидите!» до «жить-то вам осталось недолго». Именно последнее было тогда наиболее близко к действительности: ноги уже отказывали (Наука. Содружество. Прогресс; 25.08.2020).*

Второй контекст свидетельствует о бизнес-варианте гостеприимства по-японски, тоже включающего тщательность разработанных правил:

2) *До прихода в комплекс отдыха я получила навыки гостиничного дела, практикуясь в ведущих в свое время отелях: в <Акфес Сейо>, например, ощутила, что такое **индустрия гостеприимства по-японски**, изучив **два талмуда жесткого протокола**, а во «Влад Мотор Инн» почерпнула особенности североамериканского формата.*

Третий контекст отражает «общечеловеческий» подход к гостю – чужаку в другой стране: везде помощь, внимание, дружелюбие:

3) ***Гостеприимство по-японски**. Житель Волгоградской области, 27-летний Михаил Онуфриенко, предпринял авантюрное путешествие в страну,*

о которой мечтал долгие годы. Привычные туры, которые предлагают агентства, он отверг ради знакомства с Японией, что называется, тет-а-тет <...>. Меня встречали, как олимпийского посланника. <...> Японские ПДД настолько лояльны к велонаездникам, что даже если они и оказываются участниками аварии, наказывают их редко. <...> Удивительное путешествие волгоградца в Японию завершилось, вот только желание вернуться и продолжить изучение страны самураев не иссякло. На фото: Михаил вместе со своими гостеприимными друзьями в Токио (Городские вести. (Волгоград); 19.04.2014).

4.1.2.3. Этнофолизм япошка

В русском языке есть разговорная сниженная лексическая единица, синонимичная этнониму *японец*, – этническая кличка *япошка*, пришедшая в российский бытовой обиход в период русско-японской войны. Выборка материала показала, что слово функционирует и в современном русском языке:

От чиканов и иностранки страдают: на европейских дамских форумах полно возмущенных постов о подобных «нападениях» на туристок в метро со стороны «с виду вежливых и пугливых япошек» (МК; 19.08.2017);

Спустя несколько дней, комментируя схватки борцов, тот же «специалист» назвал атлетов из Страны Восходящего Солнца просто «япошками» (Новая газета; 12.08.1996);

Два крупных поражения в Русско-японской войне, в Порт-Артуре и при Цусиме, и от кого – «япошек», которых у нас долго не признавали за серьезных противников (Труд; 24.01.2025).

Кроме этнофолизма *япошка*, в русском языке функционировала еще одна этническая кличка – *макака*:

После войны Дубасов служил на Балтийском флоте, перед войной с Японией командовал Тихоокеанской эскадрой. Он не разделял уверенности Николая II и его окружения в легкой победе над желтыми макаками и

предупреждал: базирование флота в Порт-Артуре грозит катастрофой (Профиль; 27.06.2005);

А наши генералы, включая самого царя Николая, считали японцев «желтыми макаками» (Известия; 27.11.2009).

Отрицательное отношение к японцам и появление этнофолизмов *япошка* и *макака* объясняется несколькими историко-политическими фактами: русско-японской войной 1904–1905 гг, оккупацией японцами Приморья во время гражданской войны; участием Японии на стороне Германии во время Второй мировой войны.

Несмотря на смену отрицательного отношения к Японии на позитивное, на интерес к японской культуре, в том числе гастрономической, на потребительский интерес к японским автомобилям, лексема *япошка* по-прежнему употребительна. В современном речевом обиходе этой единицей стали называть автомобили японского производства. Коннотация слова как грубого и сниженного сменилась на стилистическую окраску *разг.*:

Дальний Восток заполнили тогда праворульные «япошки». Тогда на рынке к его «Тойоте Марк-2» подошёл старик и предложил купить «япошку» 2002 года (Вперед (Куцевская); 05.09.2024);

Вечером 7 ноября в окружной столице столкнулись две «Тойоты»: автоледи хотела перестроиться, но ее занесло, и она вылетела на встречу и врезалась в другую «япошку» (МК-Югра; 08.11.2024).

4.1.3. Социальные характеристики

Данный сегмент матрицы включает стереотипные представления о социальной стороне жизни японцев.

4.1.3.1. Культура Японии

Японская культура и искусство в российской прессе характеризуются на базе положительных стереотипных представлений об изысканности, утонченности и изяществе:

Получалась раскрашенная гравюра; даже вездесущая ржавчина выглядела на ней изысканно, почти по-японски (Арион; 15.04.2006);

Прозрачный, по-японски изящный альбом – ну просто какая-то сакура в цвету (Хулиган; 15.04.2004);

Голубеют по-японски изящные цветки австрийского льна (Наше время (Ростов-на-Дону); 13.07.2012).

Японская культура в русском языковом сознании стереотипно понимается как возвышенное и утонченное явление. Очень часто подчеркивается ее таинственность и загадочность:

Воплощает тот самый национальный колорит оперы, но делает это не демонстративно, а по-японски таинственно (Литературная Россия; 10.02.2006);

Таинственность, которую надо заметить, а следом за ней заметить и красоту – ту самую красоту по-японски (Эксперт-Северо-Запад; 13.09.2010).

Представления о минимализме в японском дизайне эксплицируются при помощи прилагательных *минималистичный, простой, лаконичный*:

До последнего времени это были крайне вменяемые вещи, какие-то кошельки из фетра, пластиковые стулья, минималистичные стеллажи, все по-японски простое и яркое (Коммерсантъ; 1.02.2008);

Все заведение представляет собой лабиринт по-японски загадочный и минималистичный (Вечерние Челны; 25.09.2013);

Заявленная как музыкально-хореографический эксперимент, она была прекрасна, по-японски минималистична и неповторима (МК в Нижнем Новгороде; 18.12.2019);

Берег моря – едва ли не главный топос Такеши Китано. Его фирменный, по-японски минималистичный кадр – изображение двух параллельных линий: полосы прибоя и линии горизонта (Искусство кино; 10.15.1999);

Наши же <Журавлиные перья> и в оформлении по-японски минималистичны и строги (Мурманский Вестник (архив); 11.19.2005);

В последних книгах содержание стихотворного текста сжимается – перед нами возникают зачастую статичные словесные кадры, где по-

японски скомпрессированная лаконичность граничит с тавтограммами в духе футуризма: «сталь / а не латекс / стекло / а не пласт <...> / барокко укор – / красота?» (Новый мир; 09.15.2013).

4.1.3.2. Японский язык

Наречия *по-японски* чаще всего употребляются в сочетании с глаголом *говорить*:

Вы спасли Москву, без Сибири сегодня бы за Уралом в сторону Европы говорили по-немецки, на юг – по-турецки, на Восток – по-японски (Красноярский рабочий; 2.04.2005);

После облачения японцы приходили в гости и говорили «коничуа», что по-японски – «здравствуйте» (Амурская правда (Благовещенск); 2.03.2012).

Сложность и трудность японского языка подчеркивается всеми носителями русского языка:

А процесс освоения соцсетей был сложным? — Я выучила японский язык, после этого уже никакие соцсети не страшны. У меня вообще все в жизни случайно. Я в детстве казалась какой-то чудной, странной, и вот однажды мама прочитала объявление в газете. Сказала: «Смотри, Ларис, тут какой-то японский язык, может, поучишь? Ты же чудная: у тебя получается то, что у других не получается» (МК; 07.04.2023);

Насколько труден японский язык для изучения? – переводит разговор на другую тему А.В. Кирьякова, проректор по научной работе и международным связям. — Японский язык очень сложен, в отличие от китайского письма. Почти все японские иероглифы имеют два чтения – японизированное китайское и собственно японское. К примеру, при чтении каких-либо официальных, политических документов больше преобладают китайские сочетания, а в простом бытовом письме – собственно японские. Кроме того, в японском языке очень много слов, одинаково звучащих на слух. В словаре они фиксируются одной и той же азбукой, и, если не знаешь, каким иероглифом написано слово, воспринимать речь очень трудно. Довольно сложна и грамматика японского языка: сказуемое, как и в немецком языке,

всегда стоит в конце предложения. Одной из главных сложностей является проблема синхронного перевода. Переводить с японского трудно, но вместе с тем язык этой страны очень богат и разнообразен, – закончил свое выступление В.И. Саблин (Оренбургский университет (Оренбург); 28.02.2007).

4.1.3.3. Специфика японской кухни

Базовым стереотипом о японской кухне является представление о том, что главным блюдом на японском столе являются морепродукты:

Самые известные «рыбоеды» — японцы. Они едят практически все, что есть в море — водоросли, медуз, морских коньков, ракушки, китов (в обход мирового запрета на их ловлю) и даже — что для нас дико! — дельфинов (Весть (Калуга); 01.07.2010).

В Японии существуют свои способы приготовления рыбы, и на первом месте находятся различные сырые морепродукты:

Бесценные гребешки готовят по-разному: и сырыми по-японски, и жареными по-сахалински (Комсомольская правда; 11.03.2019);

*Вручая договоры будущим рыбопромышленникам, Леонид Громов заверил их, что теперь в области этому порядком забытому направлению агропрома будет уделяться должное внимание, ведь **свежая рыба** – гарантия здорового и полноценного питания. Так что будем стремиться **жить по-японски!** (Весть; 2010.09.15);*

*Я начал есть суши, хотя раньше **сырую рыбу по-японски** в жизни не пробовал! (Комсомольская правда; 19.05.2004).*

Наречие *по-японски* указывает также на диетическое или здоровое питание японцев. Стереотип о здоровом питании японцев связан со статистически высокой продолжительностью жизни японцев и их образом жизни в целом:

***Питаться по-японски — настоящий диетический шик...** Японцы, как известно, живут дольше других и не страдают ожирением (Знание — сила; 15.04.2002);*

Здоровый образ жизни по-японски – это правильное питание, физическая активность, отсутствие вредных привычек (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск; 17.09.2013).

Рис – обязательный атрибут японского меню:

Варить по-японски – значит, на рисе! (Комсомольская правда – Ростов-на-Дону; 2018.06.29).

Выражение *кофе по-японски* – это следующее предпочтение японцев, которое обозначает оригинальный способ приготовления этого напитка или же способы использования кофе в иных целях (оздоровительных):

В качестве подарка к определенному сорту кофе (изначально это был “фирменный кофе”, но с мая нынешнего года — “кофе по-японски” (Арион; 15.10.2005);

А вот еще один вид нетрадиционной медицины – кофе по-японски... Вы наполняете вашу ванну примерно на две трети подогретым до шестидесяти градусов кофе в зернах (Приазовье; 17.09.2002).

Соевый соус – обязательная приправа для блюд:

Овсянка по-японски. 3 столовые ложки овсяных хлопьев залить кипятком на 15 минут, **добавить соевый соус...** (АиФ – Здоровье; 2007.08.23).

Сакэ – японская водка, которую перед употреблением нагревают:

Обсуждая эту тему, мы забрели на Арбате в ресторан, именующийся китайским. Водку там подавали по-японски – с подогревом (Новый мир; 1999.10.15).

*Разумеется, сакэ. <...> «взяли мы с другом Ясубари пяток бутылок sake, да и раздавили их за городом, под сакурой... И – веришь ли – не хватило!» Чистая правда. Впрочем, если **пить по-японски – крошечными порциями** – вполне может и хватить* (Репортер (Пенза); 08.26.2008).

Японская кухня стала очень популярной в России. По последним данным, только в Москве в настоящий момент работает 250 заведений японской кухни. Поэтому блюда японской кухни стали известны в каждом

доме, и лексемы *суши, сашими, роллы, васаби* хорошо усвоены любителями японской еды, но специалисты утверждают:

Те суши, что едят в России, с настоящим японским блюдом имеют мало общего, уточняет бренд-шеф и предприниматель Михаил Степанов.

«Японские суши выглядят иначе. Если у нас это плотные рисовые колбаски, то в Японии удавшимся считается рассыпчатое блюдо, которое разваливается сразу, как его поставят на стол. Съесть суши нужно в течение 10–20 минут, а не хранить «колбаску» несколько суток в холодильнике, как мы любим. Я уже не говорю, что кроме риса и морепродуктов в классических суши ничего нет. А что касается роллов, то в Японии они не сильно популярны (АиФ; 30.10.2024).

4.1.3.4. Политическая и экономическая модернизация Японии

В российском восприятии Япония понимается как особая страна, которая, хотя и относится к Восточной Азии, является прозападной. В политической сфере у нее свой путь развития:

Но Страна восходящего солнца вряд ли станет подобием США. Она знала перемены и прежде, но всегда менялась по-своему, по-японски (Российская газета: 16.04.1998);

Модернизация по-японски – это отказ от части традиций под угрозой порки (Ежедневные Новости Владивостока; 21.06.2002);

Японское экономическое чудо в Токио иногда называют иначе – социализмом по-японски, или социализмом корпоративного образца (Коммерсантъ Власть; 12.12.1995).

Стереотипы об экономическом развитии Японии могут иметь и негативную коннотацию, указывая на существующие проблемы:

Да и россиянам непонятно, что такое депрессия по-японски, и почему Япония претендует на кредиты международных финансовых организаций (Вестник АРБ; 17.08.1998);

В то же время со страниц мировой прессы не сходят сообщения о финансовом кризисе в самой Японии. Странная «депрессия по-японски» озадачивает и россиян (Коммерсантъ; 18.07.1998).

Специалисты объясняют возникающие проблемы японской экономики несколькими причинами: «Среди них – глубокие различия между постоянными и непостоянными работниками в плане оплаты труда, возможностей профессионального роста, объема социальных гарантий, а также социального статуса; сложность перехода из категории непостоянно занятых в категорию постоянных работников» [Лебедева 2017: 115].

Стереотипы об японской продукции являются положительно оценочными. Характеристика японских товаров дается при помощи наречия *надежно* и прилагательного *надежный*:

В салоне все четко, по-армейски внятно, по-нашему крепко, по-японски надежно (Новые Известия; 11.06.2015);

Этот автомобиль по-японски надежен, но конкурировать с не менее надежными крупнотоннажниками из Европы ему трудно (За рулем; 1.02.2016).

Японские товары также характеризуются при помощи наречия *качественно*:

Собран автомобиль по-японски качественно (Коммерсантъ Деньги; 26.09.2011);

Кузовные элементы выполнены и подогнаны по-японски качественно, претензий к ним не имеется (МКмобиль; 1.11.2010);

Все добротно, по-японски качественно и без нареканий (Хулиган; 15.09.2004).

Качественной и надежной обычно характеризуется продукция японской автомобильной промышленности, в специализированных СМИ подробно оцениваются устройство автомобиля, его внешний вид, экономичность, изобилие удобств, а также особенности работы и качество деталей. Япония для русских – это страна высоких технологий и удивительных изобретений.

В целом, подводя итоги о стереотипных представлениях о Японии, можно сказать, что положительные стереотипы связаны с такими чертами характера японцев, как трудолюбие и вежливость, позитивно подчеркивается их деликатность и сдержанность. Иногда русскому человеку может не нравиться чрезмерная щепетильность и излишняя озабоченность соблюдением правил. Церемониальность воспринимается как вежливость, превосходящая меру, особенно на бытовом уровне.

Современная Япония в глазах русских предстает как крупная промышленная держава, совершившая экономический взлет в области технологий, сохраняя при этом любовь и привязанность к традиционной культуре. В силу сложности японского языка и экзотичности японской кухни Япония по-прежнему – далекая и загадочная страна. Социологические опросы, проводимые исследователями, совпадают с нашими выводами: Япония описывается респондентами как «страна с красивой природой и старыми культурными традициями», «различными обычаями» и «своеобразными привычками» [Жилина 2013: 142–145], см. также: [Ли 2023; Попова, Казанцева 2020; Селюнина, Цянгунь Ч. 2020].

4.2. Репрезентация стереотипных представлений о Корее

Стереотипные представления о Корее – предмет исследования представителей разных отраслей гуманитаристики: социологов, историков, культурологов, политологов, филологов, см.: [Асмолов 2007; Веселовская 2015; Долгова, Хливнюк 2008; Дудич, Толстогузова 2023; Маркова 2013; Михайлик 2008; Тангалычева, 2012; Цецхладзе 2016; 金文学 Цзинь Вэньсюе 2002 и др.].

Сложности анализа этностереотипов Кореи заключаются в непростой ситуации, сложившейся вокруг стран, территориально расположенных на Корейском полуострове. Для дальнейшего анализа необходимо в общих чертах охарактеризовать новейшую историю Кореи XX века. «В 1910 году ...Япония аннексировала Корею, превратив ее в колонию» [Денисов 2009: 26], аннексия продолжалась 40 лет. Важной вехой в истории Кореи явилась Вторая мировая

война, в ходе которой Япония была разгромлена, и 15 августа 1945 года для Кореи является национальным праздником – это День освобождения страны. «В 1948 г. на полуострове было образовано два корейских государства – Республика Корея (РК) на Юге и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) на Севере. Два государства Корейского полуострова развиваются по противоположным социально-экономическим и политическим сценариям. КНДР строит «чучхейский социализм», РК – капитализм. Более полувека две Кореи не могут добиться объединения. Их отношения носят конфронтационный характер» [там же]. Восемь десятков лет, в течение которых один народ живет в разных государствах, не могли разрушить основные признаки национальной идентичности, антропологические и ментальные характеристики являются общими для народа обеих стран. Основное различие, безусловно, прослеживается в политико-экономической сфере, на что мы обратим внимание при конкретном анализе. Трудности выявления стереотипных черт обусловлены также тем, что КНДР является закрытой для туризма страной, поэтому самоизоляция является одной из причин невозможности поближе познакомиться с повседневной жизнью северокорейцев.

Рассмотрим последовательно заполнение матрицы стереотипных характеристик.

4.2.1. Антропологические характеристики корейцев

а) Узкие или раскосые глаза

Последними исчезли их не по-корейски широко открытые глаза

(Трибуна; 28.07.2000);

Статуи с не по-корейски выпученными глазами свезены в музей камня

(Тюменский курьер; 15.08.2008);

*Например, одна девочка Ярослав, когда видела Юру, бежала вприпрыжку к нему с распростертыми объятиями – так его выделяла! И еще любила передразнивать: **сощурит глазки по-корейски** и смеется!* (Магаданская правда; 05.12.2019).

б) черные волосы

Тхай – этнический кореец. Узко разрезанные глаза, черные волосы торчком, несерьезная курточка (МК; 23.10.2002).

в) низкий рост

Из-за стола на него равнодушно смотрел Дмитрий Васильевич — маленького роста, крепко сбитый кореец лет пятидесяти с густым ежиком волос (Дружба народов; 15.02.2009).

Эксперты по Корее отмечают, что среди всех азиатов корейцы самые высокие, но стереотипно им также приписывается низкорослость.

в) subtilность телосложения

Бронзовый Пушкин, несмотря на то, что был создан российским скульптором, получился по-корейски subtilным. Зато жители Сеула после отъезда президентского кортежа с удовольствием с ним фотографировались (МК; 14.11.2013).

г) Сходство с другими национальностями монголоидного типа

Помню один случай. Сажу на скамейке в сквере. Ко мне подходит один кореец, здоровается по-корейски. Я говорю: «Не понимаю». Он: «Как так не понимаешь (уже по-русски), ты же кореец?» – «Нет, не кореец». – «Не может быть! Такое лицо, глаза, волосы – как не кореец? Почему скрываешь, что ты кореец? Ну-ка, встань!» – Я встал. – «Пройдемся немножко... – Идем, он отстает на шаг-два, осматривает меня: «Такая фигура, такая походка – конечно, кореец!» И ругается по-корейски. Я ему отвечаю по-якутски. Он удивился, помолчал, потом говорит: «Все равно не верю, тебя научили, ты, наверно, готовишься к секретной работе...» Так и расстались (Полярная звезда (Якутск); 27.12.2004).

4.2.2. Ментальные характеристики корейцев

4.2.2.1. Черты характера

1) Трудолюбие и работоспособность

В то же самое время каждая страна научила меня чему-то: усердно работать по-корейски, вовсю вкушать отдых по-испански и стремиться к

осуществлению своих целей по-американски (Конкурент (Владивосток); 21.07.2015);

Понятно, ижевчане и работают «по-корейски», на совесть, и отдыхают «по-русски», от души! (Семь верст (Тольятти); 11.08.2008).

2) Организованность

Ответили на официальные гонения своей кампанией, которая проводится по-корейски организованно (Коммерсантъ Власть; 8.11.2004);

Организованность корейцев понимается в контексте коллективного и слаженного выполнения ими каких-либо действия, что является одним из значений слова *организованный*: «1. Объединенный в организацию, сплоченный» [ТСРЯ 2008: 458].

3) Коллективизм

Корейская культура, безусловно, самобытна. И в то же время она очень тесно была связана с китайской, хотя корейцы не очень любят об этом говорить. Корейцы по своему культурному коду традиционно принадлежат к конфуцианству, где сильны коллективистские ноты. Там главное не единица, индивидуум, а семья, группа, общество. Это в известной степени роднит их с нашими общинными настроениями. Корейцам очень понятна наша классическая литература и наши фильмы, где проповедуется коллективизм, цели, идеалы, массовый героизм людей на войне, защита родины. Многие корейские песни и мелодии напоминают наши (МК; 04.08.2023).

Наверное, иностранцам это может показаться странным, но это очень по-корейски. В тяжелые времена корейцы могут демонстрировать удивительную сплоченность. Если взять нашу историю за последние сто лет, то самыми тяжелыми временами были японское колониальное господство и война 1950–1953 годов (Российская газета; 30.03.2000).

4) Сдержанность

Пак по-корейски сдержанно, но с выразительным движением в глазах поздоровался со всеми (Мегаполис-Экспресс; 9.10.1996).

4.2.2.2. Поведенческие и бытовые привычки корейцев

Стереотипное представление о предметном мире Китая или Японии у носителей русского языка прочное и устойчивое, что трудно сказать о процессе овеществления корейского мира. Стереотипное знание россиян о Корее приведено в исследовании, проведенном среди пользователей интернет-ресурса «Живой журнал». Задание респондентам было следующим: потратив минимум времени на вспоминание, назвать пять слов, понятий или образов, которые всплывут в голове в ответ на слова «Корея» и «корейцы». В опросе приняли участие 300 человек. Основной блок ассоциаций со словом «Корея» эксплуатирует тему раздела страны и связанного с этим напряжения. Слово «война» было упомянуто 49 раз. Пара «Север-Юг» – 33 раза. Среди символов, связанных с Югом, резко доминируют названия корейских компаний. «Самсунг» оказался абсолютным лидером по числу упоминаний (66 раз), южнокорейские автомобили (26 раз). С темой Севера связывалось слово «чучхэ» (43 раза). Среди других тем – корейская морковка (33 раза), кимчхи (17 раз), тема собакоедения была затронута 65 раз, тхэквондо – (22 раза), ядерное оружие (11 раз) [Асмолов 2007: 140–143].

В российских районах, близких к Корее (например, в Приморском крае Дальнего Востока), связь с Кореей более тесная:

В повседневную жизнь жителей края прочно вошли такие понятия, как корейская медицина, корейская мода, стиль музыки КРор, корейская кухня... (Аргументы недели Приморье (Владивосток); 31.03.2021).

Наш материал дает возможность утверждать, что для повседневного поведения корейцев характерны учтивость и почтительность, традиционные поклоны – неременный атрибут этикета:

Меня обслуживала робкая голубоглазая блондинка, каждый раз, уходя, она по-корейски кланялась (Новая Сибирь (Новосибирск; 24.01.2014);

Отвесив церемониальный поклон и огласив приветствие по-корейски, дети развернули на подмостках (Волжская коммуна (Самара; 2.03.2006).

Северокорейская газета приводит слова лидера страны Ким Чен Ира с критическими замечаниями о рукопожатиях. «Нужно приветствовать друг друга по-корейски» (Липецкая газета; 16.01.2007).

Давняя традиция корейцев – спать и сидеть на полу, в современных условиях она поддерживается путем распространения системы отопления через теплые полы [Дедок 2023: 161]:

Лег с ними на пол (дети спят по-корейски – на полу) (Тюменский курьер; 14.08.2008);

Дети жили эти несколько дней по-корейски: спали на подогретом полу, ели национальную корейскую еду (Ежедневные Новости Владивостока; 13.01.2010);

Там вам также по-корейски накроют на низеньком столике, а вы расположитесь на небольшой подушечке прямо на полу. Непривычно? Но вы в Азии, господа! (Биробиджанская звезда; 03.10. 2018).

У корейцев много национальных праздников. Как у многих азиатских народов, это, прежде всего, празднование Нового года:

По-корейски праздник Нового года называется Соллаль, и одной из его главных традиций считается встреча первого рассвета (Санкт-Петербургские ведомости; 26.09.2008);

Перед горячим праздником по-корейски отступили даже морозы — видимо, не зря Новый год по лунному календарю в корейской культуре символизирует наступление весны (Континент Сибирь (Новосибирск); 3.02.2006);

Молодым членам общины предложили вспомнить о традициях празднования Нового года по-корейски. Оказывается, отмечать его принято строго в родительском доме, где бы дети ни находились. В благодарность родители одаривают детей деньгами, а дети привозят им подарки (Биробиджанер Штерн; 13.01 2012);

Корейцы угощают в Новый год сырой говядиной, хорошенько заправленной солью, красным перцем и кунжутным маслом. Но это, наверное,

не каждому из нас понравится, как и мясной бульон таггун с рисовыми клецками. Лучшие поджарить большой блин, где в тесто добавлены мелко нарубленные зеленый лук и кальмар, разрезать этот блин на аккуратные кусочки для всех гостей – и это тоже будет по-корейски (Владивосток; 24.12.1999).

Есть и другие национальные праздники, среди них:

Чхусок – осенний вечер. Так дословно переводится название этого праздника, который в Корее считается одним из самых важных и любимых торжеств года. Он отмечается на пятнадцатый день восьмого лунного месяца (сентябрь-октябрь) и представляет собой День благодарения по-корейски (Санкт-Петербургские ведомости; 26.09.2008).

Поведенческие привычки напрямую связаны с патриархальностью и строгой иерархичностью корейского общества:

Корейское общество строго иерархично, и это находит свое проявление за столом. Так, неприличным считается, если младший возьмется за палочки раньше, чем это сделает старший. То же и в конце: если старший уже доел, остальным полагается потихоньку заканчивать. Во время застолья младшим следует ухаживать за старшими: подавать лучшие куски, жарить мясо, если на столе есть жаровня, следить, чтобы рюмка не была пуста, а если это случится, подливать вино, придерживая бутылку двумя руками (Деловой еженедельник Профиль; 01.10.2018);

В уютном ресторанчике, по-корейски скрестив ноги, сидели за низеньким столом, вспоминали былые дни и ели палочками сырые ломтики из брюшка и щек тунца: нежнейшие части рыбы с множеством приправ-солений – изысканное угощение. Водку соджу наливали друг другу, приложив левую ладонь к груди, – знак искреннего взаимоуважения (Утро России (Владивосток); 06.12.2007).

Специалисты отмечают одну из особенностей пребывания за праздничным столом: «в корейском застолье расценивается как проявление

уважения к организатору застолья или к сотрапезникам, если ты в достаточной мере будешь пьян» [Каллаур 2021: 103].

Следуя китайской традиции, корейцы любят чай:

Тонкости чаепития по-корейски. Благодаря буддийским монахам процесс распития ароматного напитка превратился в часть духовного наследия, которое в наши дни сохраняют и пропагандируют, памятуя слова великого каллиграфа Ким Джон Хи: «Времяпрепровождение за ароматным зеленым чаем подобно медитированию» (Южно-Сахалинск сегодня; 20.10.2015);

Простудившийся кореец заваривает себе жгучий чай с корнем имбиря, который препятствует проникновению инфекции в организм. Чтобы приготовить имбирный напиток или **эликсир здоровья по-корейски**, на одну большую чашку нам понадобятся четыре горошины черного перца, четыре штучки кардамона, три звездочки, имбирь и корица по вкусу (Голос народа (Курск); 02.10.2013).

Есть особенности корейской традиции женитьбы детей:

По-корейски женить сыновей и выдавать замуж дочерей – очень тяжело. Дочери нужно готовить приданое. А сыну собирать подарки для родственников невесты. На свадьбу приглашаются все родные, соседи (Ладога (Кировск, Ленинградская область); 11.10. 2014).

4.2.3. Социальные характеристики

4.2.3.1. Корейский язык

Корейский полуостров долгое время находился под влиянием Китая, поэтому древнейшая культура Кореи во многом формировалась в русле культуры китайской. Конфуцианство как система верований повлияла на ценности корейского общества (принцип важности семьи, патернализм и др.), этим объясняются и особенности корейского языка:

Ведь до конца XIX века вся официальная переписка в Корее велась на китайском языке. А корейский язык считался «языком женщин и детей», на нем говорили дома (МК; 04.08.2023).

Корейская система письма создана в XV веке королем Седжоном Великим, так называемый *хангыль* (фонетическое письмо), но государственным корейский язык стал только к концу XIX века [Ко, Ким 2020: 264]. Особенным является корейский алфавит, «это единственный язык в мире, где в написании используют круг и прямые линии» [Климцев, Каллаур 2022: 78].

Поэтому существует стереотипное мнение:

Писать по-корейски на самом деле очень легко (Архангельск; 13.09.2018).

«Корейский язык относится к так называемым «вежливым» языкам. При общении учитывается возраст, степень родства, социальное положение собеседника» [Нурзет 2023: 205]. Выделяется 6 стилей общения [Лоскутникова 2016; Мокрополова, Шушарина 2014: 11–12]:

Корейский очень непростой язык. Там довольно существенная разница между разговорными формами и письменными. Как во многих языках, там есть, например, несколько степеней вежливости. Есть определенные трудности при переводе. Дело в том, что смысл корейского предложения нельзя понять, пока не услышишь его конца, где находится сказуемое. Поэтому синхронный перевод в корейском языке весьма условен. Что касается письменности, то она довольно простая, это не иероглифы, это азбука (МК; 04.08.2023).

С точки зрения произношения корейский язык труден. «В корейском языке есть множество звуков, которых просто нет в русском языке. ...В устной речи они звучат практически неотличимо друг от друга. Несмотря на это они имеют небольшую разницу, которая трудноуловима для носителей русского языка» [Климцев, Каллаур 2022: 78]:

Нужно также учитывать разное произношение, разные провинциальные говоры. Допустим, на юго-востоке говорят иначе, чем в столице, и так далее (МК; 04.08.2023).

4.2.3.2. Специфика корейской кухни

Корейская кухня, как и любая азиатская кухня, известна как вкусная и экзотическая:

Что касается заведений южнокорейской направленности, к ним нареканий нет: там вкусно, остро, экзотично, по-корейски (Конкурент (Владивосток); 30.08. 2016);

Помню, сидели с ним вдвоем у пылающей буржуйки, он приготовил что-то очень вкусное по-корейски (Военный вестник Юга России (Ростов-на-Дону); 24.02.2003);

«Острые салаты, морковка по-корейски, а еще они едят собак» – вот стереотипы, формирующие у нас представление о вкусах корейцев (Деловой еженедельник Профиль; 01.10.2018).

Среди самых известных корейских блюд известны следующие:

Лапша по-корейски является абсолютно эксклюзивным, самым любимым и наиболее часто употребляемым в Корее блюдом, завоевавшим, к тому же, мировую популярность (Кузнецкий рабочий (Новокузнецк); 18.09.2004);

А еще здесь морепродукты, приготовленные по-корейски, по-японски, просто на пару (Комсомольская правда; 23.08.2010);

Специалисты Комитета по охране окружающей среды обнаружили, что в закрытом магазине работает целый цех по производству всем известных корейских блюд (морковка по-корейски, фунчеза, маринованные шампиньоны, соевое мясо и другое) (Вперёд (Химки); 02.07.2003);

Помидоры нарезаем четвертинками. Морковь натираем на крупной терке или шинкуем соломкой по-корейски (Забайкальский рабочий; 03.10.2018);

В меню также множество вариантов кимчи – острого корейского салата. И с ними вполне можно обращаться по-корейски, то есть заворачивать в большой салатный лист разные варианты кимчи – из капусты, моркови, огурцов. Можно добавить туда же маленькие кусочки мяса. Затем

взять пиалу с супом и есть его, закусывая вместо хлеба этим овощным рулетом (Коммерсант; 31.10.1996);

Из чего состоит обед простых людей в Северной Корее? — Обычный обед состоит из риса или какой-то другой крупы, овощей, в первую очередь особым способом приготовленной квашеной капусты — кимчхи. Также часто в рационе у северокорейцев присутствует рыба. Страна окружена морями — Желтым, Японским. Рыбу ловят, готовят свежую или сушат на зиму, до недавних пор ее экспортировали, пока не были введены запреты. Ким Ир Сен как-то сказал, что его идеал, чтобы корейцы жили в доме под черепичной крышей, ели суп с курицей, а во дворе их дома росла хурма. Хурма — это плод, которым в Северной Корее очень любят лакомиться. Также, по словам нашего собеседника, в КНДР широко используются в рационе травы и коренья (МК; 04.08.2023);

Истинный кореец убежден: нормально поесть можно только рисом. А лучше рис с супом, желательно острым. И кимчхи. И хотя бы раз в день нужно поесть как положено. Слово «рис» в корейском языке совпадает со словом «еда». Поэтому по-корейски «вы поели?» дословно звучит как «вы поели рис?» Этот вопрос, кстати, в Корее могут задать из вежливости, из желания проявить внимание к собеседнику (Деловой еженедельник Профиль; 01.10.2018).

Известным стереотипом являются представления, что корейцы предпочитают мясо собак:

Часто угощают его печёной картошкой и жареной собачатиной по-корейски (Волга; 15.02.2000);

Не представляю на своем столе «бифштекс из бобика» и «жучку по-корейски» под русскую водочку (Призыв (Владимир); 19.04.2001).

Но в их рацион входят и другие сорта мяса:

Пулькоги. Так называют любое мясо по-корейски, зажаренное или приготовленное на открытом огне. Для шашлыка из «небесной коровы» берется предварительно замороженная мякоть ослатины. Мясо тонко, как

бумага, режется против волокон. Мелкой соломкой нарезают морковь и лук, добавляют тертый чеснок и немного красного и черного молотого перца. Все это смешивается, готовую массу посыпают небольшим количеством сахара, добавляют растительное масло и обильно поливают каджаном (жидким соевым соусом) и водой. **Пулькоги едят вместе с кимчи.** И, как уважительно говорят корейцы: «Чинджи-рыль чапсусеё!» – «Кушайте на здоровье!» (Комсомольская правда; 8.08.2001).

Дадим развернутое интервью эксперта по Корее, развенчивающее стереотипное представление о корейской еде:

Корейскую кухню делают корейской в первую очередь ферментированные пасты и соусы чан, ну и блюда, которые готовят на их основе. Сегодня же девять из десяти блюд в корейском ресторане будут острыми. Королева корейского стола – овощная закуска кимчи, еще один ферментированный продукт. Сегодня это блюдо чаще всего делают из пекинской капусты и щедро приправляют перцем. Кимчи взяло на себя роль национального кулинарного символа. В 1986 в столице был открыт музей кимчи. Теперь корейцы сравнивают острый вкус с национальным характером. Например, пословицу «Маленький перчик самый острый» ассоциируют с самой Кореей: мол, страна мы хоть и небольшая, но нрав у нас горячий. Фотографируясь, корейцы оговариваются не cheeeeeese, а «кишимчи».

Главное, что нужно знать о потреблении собачьего мяса: оно никогда не входило и не входит в повседневное меню корейцев. Блюда из собачатины всегда были на периферии корейского рациона и относились к виду особых – сезонных или укрепляющих тело (медицинских) – кушаний. Поэтому и цена такого угощения была высокой. Так что не стоит думать, что собак в Корее ели от бедности. Собачье мясо, как и любой другой вид мяса, – источник белка, которого в корейском рационе часто не хватало, особенно в еде простолюдинов (Деловой еженедельник Профиль; 01.10.2018).

Корейцы поставили перед собой амбиционную цель – ввести корейскую кухню в пятерку самых знаменитых кухонь мира. В России известны

рестораны корейской кухни, как южнокорейской, так и северокорейской. Меню ресторанов во многом совпадает. Главная особенность северокорейских ресторанов – официантки в них прибыли из самой КНДР, большинство из девушек – выпускницы престижных пхеньянских вузов, говорящие на языке страны, где работают.

4.2.3.3. Политика и экономика Южной и Северной Кореи

Деление Кореи на два государства повлияло на политические и экономические условия развития стран: Южная Корея избрала демократический путь развития, в Северной Корее установился авторитарный режим. Ситуация размежевания названа исследователями-корееведами как «Две Кореи на расходящихся путях развития» [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021].

Северная Корея – «это страна, имеющая значительный военный потенциал и являющаяся ядерной державой. Ракетно-ядерная программа КНДР стала основной силой северокорейской идентичности на мировой арене в период после крушения мирового социализма» [Попова 2022: 49]. Самоизоляция делает Северную Корею замкнутой страной, страной-отшельником для «мирового сообщества» [Митина, 2018: 72].

Стереотипным представлением для русского языкового сознания является идея строительства в КНДР *социализма по-корейски* на основе идеологии чучхэ, которая сформировалась еще в период правления Ким Ир Сена и кратко характеризуется как военный социализм [Аптеева 2010: 226]. Корейское слово *чучхе* переводится как *самобытность*, поэтому можно сказать, что в стране господствует коммунистическая идеология с опорой на собственные силы:

Мы должны жить по-корейски, с опорой на собственные силы (Курс (Нижний Новгород); 20.06.2003);

Пожалуй, имеет смысл повторить, что строительство социализма по-корейски и движение к созданию могучего и процветающего государства — это единый процесс (Патриот; 03.09.2013);

*В Россию они приехали зарабатывать деньги по контракту. Деньги отправляют на Родину, чтобы **строить социализм по-корейски и воплощать идеи «Чухче»*** (Парма новости (Кудымкар); 15.09.2010);

А осуществить корейскую революцию надо по-корейски, силами корейской нации, трудящихся масс (Патриот; 3.07.2008).

«Молодой Ким Чен Ын, введя в 2012 г. в политический оборот термин *кимирсенизм–кимчениризм*, обозначил идеологическую основу своего курса, подтвердил приверженность идеологии чухче как опоры на собственные силы, проводимой дедом и отцом» [Мальцева 2016: 49].

Если говорить об экономике северной Кореи, то исследователи отмечают в экономическом развитии страны влияние китайской модели реформ: модернизация производства происходит без трансформации политической системы. Идеологический фактор самобытности и самостоятельности стал основой развития экономики, применения информационных технологий:

***Корейские хакеры** идут в атаку. За последние годы Пхеньян подготовил не менее пятисот хакеров для ведения электронной войны против южного соседа, Японии и США* (Республика Башкортостан (Уфа); 07.10.2004).

Санкции против КНДР привели к росту патриотизма, сплочению молодежи вокруг партии:

*Староста группы следит за соответствием образа жизни каждого диктуемой государством норме, в частности, за тем, чтобы все были одеты **«скромно, просто, по-корейски»**, экономили уголь, электричество, воду, рационально вели домашнее хозяйство, расчетливо потребляли продукты, берегли одежду* (Тула вечерняя; 03.06.1997);

*Пожалуй, имеет смысл повторить, что **строительство социализма по-корейски и движение к созданию могучего и процветающего государства** — это единый процесс* (Патриот; 3.09.2013);

*— **Жители КНДР считают себя счастливыми людьми?** — В столице и крупных городах в последние годы построено много нового жилья. Однако*

бытовые условия, особенно в провинции, очень непростые. Но корейцы, если с ними начинаешь разговаривать, говорят, что счастливы тем, что у них есть правильное партийное руководство. У них есть лозунг: жить, никому на свете не завидуя. Они считают, что живут по-своему. Делают что хотят, и никто им не указ. В таком подходе есть очень сильная историческая составляющая (МК; 04.08.2023).

Южная Корея, являясь одним из лидеров по развитости технологий и уровню жизни (экономика страны занимает 10-е место в мировом рейтинге), по-прежнему в приоритете оставляет культ всего корейского, оставаясь открытой для европейского и американского влияния. «Это высокоразвитая экономика, в которой доминируют семейные конгломераты под названием “чеболи”» [Рычева 2023]:

*Мун Чжэ Ин во время предвыборной кампании заявлял о намерении реформировать **корейские чеболи** (крупные корпорации), которые оказывают слишком большое влияние на политику (Профиль; 15.05.2017);*

В Южной Корее, например, корпорации, контролируемые семьями, приближенными к правящей элите, назывались «чеболи». Тридцать крупнейших чеблей обеспечивали более трети промышленного производства страны (Коммерсантъ-Деньги; 04.10.2004).

В отличие от закрытости КНДР Южная Корея стремится к использованию «мягкой силы» на международной арене. Известен феномен «Халлю» («корейской волны»), который подразумевает «создание благоприятного имиджа страны на всех уровнях восприятия, включая распространение южнокорейского образа жизни (сериалы, фильмы, кухня, медицина и пр.)» [Ким 2017: 421–424]:

*В Корее есть специальное слово «**халлю**», которое как раз и обозначает «**корейскую волну**», то есть распространение современной культуры этой страны по всему миру. **Халлю** объединяет в себе несколько составляющих - современную музыку, моду, кинематограф, искусство, спорт и, конечно, национальную кухню (Комсомольская правда; 16.01.2025);*

*Что касается **тхэквондо** как прообраза «**корейской волны**», то его можно считать таковым в том смысле, что в обоих случаях (**тхэквондо** и «**корейская волна**») мы имеем дело с поддерживаемыми правительством кампаниями по формированию общественного мнения за рубежом и созданию там положительного образа государства (Проблемы Дальнего Востока; 31.10.2013).*

Корейская продукция, как и японская, часто употребляется в контексте современных технологий:

*И вот Узбекистан строит автобусы по «Мерседесу», **собирает электронику по-корейски**, золото добывает по-американски (Экспер; 28.11.1995).*

Итак, две страны на Корейском полуострове сохраняют свою яркую самобытность, корейский этнонационализм является особой приметой корейских стран: «Национализм в обоих государствах Корейского полуострова – это своего рода «соединительная ткань» политической системы» [Гоцуляко 2024: 791]. Но Северная Корея выбрала для себя путь строительства социализма с закрытостью от внешних контактов, а Южная Корея с демократическим путем развития определила курс на открытое продвижение своей страны на международной арене.

4.3. Репрезентация стереотипных представлений о Вьетнаме

В континентальной части Юго-Восточной Азии расположены шесть государств: Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Малайзия. Среди них для русских особой страной является Вьетнам. Интерес к этому государству объясняется не только активным развитием связей России и Вьетнама в области экономики, политики, культуры и туризма, но и знаменательной страницей в истории двух государств. Речь идет о периоде 1965–1973 гг., когда в военном противостоянии Вьетнама против агрессии США Советский Союз встал на сторону вьетнамского народа, оказав ему военную, материальную и морально-политическую помощь.

В период войны во Вьетнаме наиболее продуктивно была реализована функция медиатизации (влияния масс-медиа на общественное сознание) «как оппозиционно настроенными американскими СМИ, так и советскими, выступающими в роли пропагандиста официальной точки зрения. Вследствие этого медиатизация может носить как негативный, так и позитивный характер» [Уонг Минь Туан 2020: 81]. Ответственность за поражение США в этой войне многие возложили на американские масс-медиа, которые коренным образом изменили общественное мнение: «Это была первая проигранная война за много километров от территории США. Война против нищей, полуграмотной нации, которую так и не удалось победить» [Авдонина 2011: 185]. Коммуникативная стратегия положительной медиатизации Вьетнама в период войны 1965–1973 гг. была выбрана советской журналистикой: Вьетнам получил характеристику «исторически непримиримого» государства, а вьетнамцы в русском языковом сознании навсегда остались героической нацией, отстаивавшей свою независимость. Положительная аксиологичность, созданная советской журналистикой, приблизила незнакомую экзотическую страну Юго-Восточной Азии к России. Традиционно вьетнамские студенты и аспиранты получают образование в России. Так, только за последние годы появились диссертации, написанные вьетнамскими учеными на русском языке. Работы посвящены разным аспектам жизни Вьетнама: историко-философским проблемам [Май К Да 2019]; внешнеполитической и внутривнутриполитической стратегиям страны [Дин Ле Хонг Занг 2023; Чан Хыу Тхан 2018]; правовому регулированию государственных отношений [Нгуен Шон Нам 2022]. Важными для нашей работы являются диссертационные исследования и отдельные статьи, посвященные лингвокультурологическим проблемам, а также проблемам формирования имиджа Вьетнама на международной арене [Нгуен Минь Туан 2019; Нгуен Суан Тханг 2017; Уонг Минь Туан 2018а, 2018б, 2020; Фыонг Л. 2023; Чан Тхи Хоанг. 2012, 2013, 2014; Чыонг Май Хай 2018; 顧長永 Гу Чанюн 2007 и др.].

Война во Вьетнаме оставила свой след в русском языке. Словарь-справочник «Новые слова и значения» фиксирует переносное употребление слова *Вьетнам*, закрепленное в современном речевом обиходе: «**Вьетнам**, а, м. Публ. О затяжных военных действиях США, НАТО на территории другого государства, напоминающих вьетнамскую войну (1964 – 1973 гг.)» [НСИЗ 2009: 359]. См. современные контексты:

Трампа предупредили, что Украина станет вторым Вьетнамом для США: подробности (Комсомольская правда; 20.01.2025);

Он считает, что Украина стала вторым Вьетнамом, однако США теперь конфликтуют с ядерной сверхдержавой, что может быть опасно для мира (Ежедневные Новости Владивостока; 30.01.2023).

Кроме того, прецедентным становится и выражение *уходить по-вьетнамски*:

*В итоге США встали перед неприятной дилеммой — **уходить «по-вьетнамски»**, признав свое поражение, а также неудачу предыдущих администраций Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, или выйти из дохийского соглашения и начать новый раунд войны в Афганистане* (Коммерсантъ; 22.10.2020).

На основе выборки материала из СМИ обратимся к характеристике сложившихся стереотипных представлений о Вьетнаме в русском языковом сознании.

4.3.1. Антропологические характеристики вьетнамцев

а) Узкие или раскосые глаза

*И мы большим и указательным пальцами раздвигали себе глаза, делая их **по-вьетнамски узкоглазыми*** (Орловская правда; 07.12.2007).

б) Невысокий рост, худощавое телосложение

*Мы пошли к переходу, нас, чуть не сбив с ног, обогнал **невысокий щуплый парень** – якут или **вьетнамец*** (Дружба народов; 15.09.2023);

*А маленький худенький улыбчивый **вьетнамец** ел прискорбно мало...* (Тюменские известия; 02.11.2013).

В) сходство с другими азиатскими народами

К прогуливавшемуся у метро не то корейцу, не то вьетнамцу обратился с вопросом тот самый художавый тип. Однажды, подкатывая к стоянке, я периферийным зрением зафиксировал того самого не то вьетнамца, не то корейца. Наконец, вьетнамец-кореец повернулся и понуро двинулся по проспекту (Дружба народов; 15.10.2023).

4.3.2. Ментальные характеристики вьетнамцев

4.3.2.1. Черты характера

1) Трудолюбие и работоспособность

Вьетнамцы – народ трудолюбивый, выносливый (Терская новь; 13.8.2013);

Добрые, улыбчивые, трудолюбивые вьетнамцы превращают страну в рай, где хочется остаться (Российская газета; 26.11.2018);

Ученики каких национальностей адаптируются лучше, не замечали? – Все стараются. Дети есть дети, тянутся к знаниям. Но меня поражают вьетнамцы, такие усердные. Ходят за учителями: «Дайте еще задание, дайте еще». Реально пашут (Комсомольская правда; 24.09.2021);

С. Лисовский, экс-сенатор, – о необходимости дешёвого труда мигрантов на селе: «Русский человек с ума сойдёт, если будет 8 часов оципывать цыплёнка, а вьетнамцы психологически это выдерживают» (АИФ; 17.02.2021).

2) Организованность

Вьетнамцев также объединяет стереотип об организованности:

Группы прибывали по-вьетнамски организованно: школьники, студенты, швеи, строители, ударники труда (Боевая вахта (Владивосток); 7.12.2005);

Мы обратили внимание, что вьетнамцы очень терпеливы, бережливы, организованы, почтительны со старшими (Приамурские ведомости (Хабаровск): 06.11.2013).

3) Доброжелательность, улыбчивость

Обычно улыбчивые вьетнамцы президента Буша встречали хмуро (Коммерсантъ; 18.11.2006);

Люди постарше дружили с симпатичными, улыбчивыми вьетнамцами – они учились и работали на комбинате, способном принять не только своих рабочих (Южный Урал (Оренбург); 18.08.2004).

Улыбчивые и доброжелательные вьетнамцы сразу предупредили, что можно их называть просто Антон и Лиля (Челнинские известия (Набережные Челны); 30.10.2014);

Доброжелательный вьетнамец даже нашел, что президент РФ «выглядит лучше, чем на фотографиях» (Итоги; 31.08.1998);

Фам добродушно заулыбался – и его глаз совсем не стало видно. Доброжелательный вьетнамец всегда охотно откликался, когда кто-то предлагал ему дружбу (Новое Омское Слово; 14.11.2001);

Вьетнам меняется на глазах (очарованные страной, мы поехали туда и на следующий год). Он рвется в рынок. Он строит новую экономику. Но он остается прежним: по-вьетнамски гостеприимным, открытым, великодушным. Особенно к нам, «русским друзьям» (Тюменские известия; 02.11.2013).

4) Мудрость

Вьетнамцы считают, что врага можно ненавидеть только живого. Когда он мертвый – нельзя топтаться на костях. Когда американские летчики разбивались в джунглях, их хоронили под вьетнамскими именами. Мертвые иноземцы становились частью вьетнамской земли, которую жгли напалмом, когда были живы. Вот она, мудрость (Звезда (Пермь); 07.04.2011).

4.3.2.2. Поведенческие и бытовые привычки вьетнамцев

Предметный мир вьетнамцев в русском языковом сознании традиционно связан с конусообразными шляпами из соломы (нон-ла), бальзамом «Звездочка», с тропическими джунглями и рисовыми полями, с вьетнамками, резиновыми шлепанцами, традиционными для Азии. Название эти пляжные сандалии получили благодаря импорту из Вьетнама, с которым СССР в 1950

году подписал договор о торговле. Слово *вьетнамки* лексикографически закрепилось в толковых словарях русского языка.

Бытовые привычки вьетнамцев подробно описываются россиянами после туристических поездок в страну. Поражает во Вьетнаме многое:

*Не менее дивной оказалась еда на улицах. Живописные торговки в традиционных шляпах **носят на бамбуковом коромысле чаны и корзины**, наполненные фруктами, кокосами и сладкими желеобразными отварами из семян лотоса или черной фасоли. Во вьетнамских городах **не существует различимой на европейский взгляд границы между публичным и частным пространством**. В домах здесь нет прихожих. Сквозь открытые в жару двери можно было рассмотреть жилые комнаты, где рядом с матрасами, постелями и телевизорами непременно присутствовали мопеды и велосипеды.*

*По вьетнамским улицам, шоссе и проселочным дорогам **несется поток велосипедов и мопедов**, среди которых с трудом лавируют грузовики и автобусы. На крышах местных междугородних автобусов непременно нагромождены штабеля великов. На мопедах ездят с багажом, собаками и грудными детьми. **Вьетнам – это проникнутый особой грацией мир неустойчивого равновесия**. Здесь ездят на зыбком двухколесном транспорте, носят груз на гибких бамбуковых коромыслах и спят в гамаках. Еще один неперенный вьетнамский транспорт – **лодки** (Иностранец; 17.09.2002);*

*Вьетнамцы – **птицы ранние**, многие заведения в городе открываются уже в шесть часов утра (Приамурские ведомости; 06.11.2013);*

*Абсолютное **большинство вьетнамцев завтракает, обедает и ужинает на улице**. Готовят тоже на улице, практически на пешеходных тротуарах (АиФ – Красноярск; 04.11.2009);*

*Каждый день, как только начинает светать, все жители города устремляются к берегу моря, где уже звучат марши, призывающие их к зарядке. **Выполняют коллективно и индивидуально**. А потом – купание в море. Только после этого приступают к трудовому дню (Новости Пионерского; 05.02.2016);*

Жители Ханоя по вечерам высыпают в узенькие улочки центра и простежки сидят у открытых кафешек на маленьких детских стульчиках вокруг пластиковых столиков за немудреной закуской (Санкт-Петербургские ведомости; 23.10.2014);

Первое, чему тут надо научиться, это торговаться, и лучше всего по-вьетнамски. Для местных торговцев белый человек – олицетворение кошелька, набитого долларами. И их задача – выпотрошить этот кошелек. Торговаться приходится каждый день и со всеми (Владивосток; 07.03.2003).

Как и во многих азиатских странах, важным праздником для вьетнамцев является встреча Нового года:

*Еще одна чудачковость вьетнамцев – живут они по лунному календарю. Поэтому **Новый год** — по-вьетнамски **Тет** — отмечают в различные даты (Красное знамя (Глазов); 26.12.2019);*

*Остальным можно попрыгать на доске и с обычных горок, а костер пусть горит рядом. Получится **Новый год по-вьетнамски** – они там всегда что-нибудь **жгут** (Биржа плюс Карьера (Нижний Новгород); 29.12.2004);*

***НГ по-вьетнамски:** разрисовать себя во всех местах, а потом на заре петь и плясать на улице (АиФ; 26.12.2001);*

***Новый год по-вьетнамски.** Вьетнамцы обязательно смотрят фейерверки, дарят друг другу деньги, причем купюры должны быть новыми. К алтарю выставляют «счастливые» фрукты – кокос, яблоко, папайю, манго. Вьетнамцы в основном суеверны. Во время Тета нельзя одеваться в белое и черное – эти цвета считаются траурными, а также подметать дом - чтобы не вымести удачу, достаток, семейное счастье. Очень важно, какой гость первым в Тет посетит твой дом, какая аура у него, а еще вьетнамцы стараются в первый день Нового года избегать «несчастливых» слов – «плохо», «грустно», «умер», «некрасивый», потому как верят, что произнесение подобных слов в первый день года может сыграть с ними злую шутку (Волгоградская правда; 29.12.2022).*

«Центральным элементом национальной идентичности и этнообразующим фактором для вьетнамцев по убеждению большинства исследователей является культ предков. Культ предков пронизывает вьетнамское общество на разных уровнях, от культа ушедших старших членов семьи до поклонения духам-хранителям деревень, духам национальных героев, боровшихся с захватчиками» [Глазунова 2019: 136–137]:

Почитание, или культ предков – это, пожалуй, основное и самое распространённое. Это даже не столько религия, сколько обычай, дань уважения. В каждом вьетнамском доме, магазине, обязательно есть место, где стоит алтарь (Литературная Россия; 25.04.2014).

Чаепитие – это традиционный ритуал во Вьетнаме:

“Чай пить – не дрова рубить” – с этой русской поговорки г-н Бинь стал учить собравшихся готовить чай по-вьетнамски. Кстати, по некоторым сведениям, именно Вьетнам, а не Китай следует считать родиной чая. Сейчас в этой стране произрастает 70 сортов только зеленого чая, есть также черный и даже красный и желтый. Но, как оказалось, листья чая, пусть даже самые лучшие, верхние, собранные нежными девичьими пальчиками, – еще не все для того, чтобы приготовить ароматный терпкий напиток.

– Нужна вкусная вода, – заверяет г-н Бинь. – Колодезная, дождевая, но еще лучше – утренняя роса, собранная с лепестков лотоса, – влага небес. Если учесть, что вьетнамцы пьют чай из крохотных, чуть больше наперстка, керамических чашечек, приступая к этому приятному занятию с первыми лучами солнца, то росы, наверное, можно насобирать. Кстати, чай у вьетнамцев принято пить втроем, а вино вчетвером...

Кипяток, оказывается, тоже должен быть подходящий – тот, который пускает маленькие пузырьки, большие бульки не годятся. Заваривать чай во Вьетнаме доверяют исключительно мужчине, а разливают любимый напиток жена или невестка. Когда чай настоится, его выливают

сначала в большую чашку, а затем разливают по маленьким – для того, чтобы крепость распределилась равномерно (Владивосток; 13.04.2000).

4.3.3. Социальные характеристики

4.3.3.1. Вьетнамский язык

В русском языковом сознании распространен стереотип о мелодичности вьетнамского языка, так как он является тоновым:

Интонация даже короткой повествовательной **фразы по-вьетнамски поется-прыгает**, а к концу обязательно повышается (Россия; 31.01.2002).

В следующих контекстах описываются особенности вьетнамского произношения на примере звуков, издаваемых животными:

Изящная, как фарфоровая статуэтка, девушка (на которой я проверил свое знание вьетнамского языка, сказав: «Ксин чао!» – это по-вьетнамски «здравствуйте», мне Нгуен рассказал) улыбнулась испуганно и «мякнула» что-то в ответ (Коммуна (Воронеж); 08.02. 2008);

Говорящие по-вьетнамски. Они верят, что этому прекрасному языку их обучила лягушка. И язык действительно похож на мелодичное кваканье (Белгородские известия; 07.09.2004);

Когда немецкий ученик (он был родом из Вьетнама) заговорил по-вьетнамски, это было что-то невероятное: его речь напоминала птичий пересвист (МК Югра (Сургут); 29.05.2013).

Вьетнамский язык стереотипно представляется как сложный для изучения:

За исключением того, что обычным жителям трудно бегло читать по-китайски или по-вьетнамски (Крестьянская Россия; 4.08.2003).

СМИ оценивают особенности вьетнамского языка и трудности его изучения:

В связи с тем, что во вьетнамской речи огромное количество тонов и полутонов, воспринимать ее на слух очень сложно (Клинская Неделя (Клин); 09.11.2013);

Несколько слов о вьетнамском языке. В нем шесть тонов и отсутствуют шипящие, а звук извлечение сильно отличается от русского. Поэтому овладеть этим языком самостоятельно почти невозможно (Онега (Онега); 13.06.2009);

*У вьетнамцев фонемы при одинаковой артикуляции, но **разной звуковысотности рассматриваются как разные фонемы.** Аналогию можно привести с мягким знаком в русском языке, который, смягчая согласную, изменяет смысл слова, например, “мать” – “мат”, “кон” – “конь”. Мягкий знак не меняет согласную фонему, меняет ее тембр – носители индоевропейских языков к тембру очень чувствительны. Напротив, **во вьетнамском языке фонетическая чувствительность развивается не в сторону тембра согласных, а в сторону звуковысотности гласных.** Вьетнамцы путаются в наших согласных (ж, щ, с, ш, ц, ф), как мы испытываем проблемы в восприятии звуковых интервалов (Нева (Санкт-Петербург); 15.04.2011).*

4.3.3.2. Специфика вьетнамской кухни

Особенность вьетнамской кухни выражена в одной из популярных вьетнамских поговорок:

«Едим всё, что движается. А то, что не движается, двигаем и едим» (Вечерний Екатеринбург; 17.06.2015);

*Вьетнамцы утверждают, что **могут приготовить блюдо из всего, кроме луны.** Ту просто не достать (Оренбуржье; 17.04.2009).*

Благодаря массовому открытию в России вьетнамских кафе и ресторанов широко известны главные вьетнамские блюда:

***Главный символ Вьетнама по части еды – суп фо бо** на густом бульоне со специями, лапшой, тонкими кусочками мяса, бобовыми проростками. Но и без еще одного продукта вьетнамскую кухню трудно представить. **Рисовая бумага.** Полупрозрачные блинчики толщиной и правда с бумажный лист, вы наверняка их видели в магазинах, но проходили мимо. А зря. Если такой блинчик слегка размочить в теплой воде, он становится эластичным и служит*

основой для знаменитых вьетнамских роллов. Добавить в них начинку, обжарить – и получаются **нэмы**, но можно и не обжаривать, и тогда **это гой куоны**. Начинка самая разная. В гой куонах обычно креветки, тонкая лапша (тоже рисовая), овощи соломкой, манго, кинза – да все, чем богата земля вьетнамская. В нэмы кладут мясной фарш (Комсомольская правда; 13.02.2024);

К приготовлению фо-бо шеф-повар Фан Хи Хиен относится особенно щепетильно. Лично следит за соблюдением всех пропорций со специальной линейкой. **В супе сочетаются сразу пять вкусов — кислый, сладкий, солёный, острый и горький.** Ни один не выделяется. Получается сбалансированный продукт (Липецкая газета; 09.08.2023);

Уличным гурманам советуем начать с **кофе по-вьетнамски**. он здесь имеет шоколадно-карамельный вкус, и напиток фильтруют через специальный фин. Кстати, **Вьетнам на втором месте по его экспорту в мире!** Опытные туристы говорят, что достопримечательности столицы можно посмотреть за пару дней, а вот на street food уйдёт не одна неделя. На улицах готовят самый вкусный в мире **суп фо бо**, бульон для него варят от шести до девяти часов из говяжьих костей, потом заливают им рисовую лапшу и тонко нарезанную сырую говядину. Отдельная тема – **блинчики Нэм**. Хрустящие обжаренные спринг-роллы с фаршем, лапшой, грибами и самым вонючим в мире рыбным соусом. После первой дегустации ты превращаешься в их вечного раба (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск); 23.12.2021);

Однако почти на каждом вьетнамском рынке есть небольшая закусочная, где можно отведать **блинчики с моллюсками и лягушат по-вьетнамски** (Коммерсантъ Деньги; 27.06.2001);

Ловил гадюку на слете голыми руками... **Он съел ее, ободрав по-вьетнамски, сырую** (Советская Россия; 22.09.2001);

Поэтому **кофе по-вьетнамски** отличается насыщенным послевкусием (Вечерний Челябинск; 15.11.2012);

*Большинство блюд дополняются рисом, который тут очень любят, а также рыбным соусом **ныок-мам** (Городские вести. Царицын – Сталинград – Волгоград; 14.08.2014);*

*Во Вьетнаме **рис – всему голова**. Вьетнамцы съедают его до полкилограмма в день – в основном для того, чтобы слегка разбавить невероятную терпкость и остроту основных блюд. Готовить рис считается великим искусством. Попробуйте приготовить **рис по-вьетнамски**, а вдруг получится с первого раза... (Ежедневные Новости Владивостока; 09.08.2002).*

4.3.3.3. Политика и экономика Вьетнама

Вьетнам носит официальное название *Социалистическая республика Вьетнам*. В государственном строе Вьетнама сохраняется модель социализма, которая трансформируется в *социализм по-вьетнамски с рыночным лицом* (перестройка по-вьетнамски носит название *дой мой* (дословно *đổi mới* – обновление):

*При этом все вьетнамцы очевидные патриоты: над каждым домиком (даже размером с курятник) **развешается флаг**. А вот с идеологией там примерно, как в Китае. Да, висят **портреты Хошимина с серпом и молотом**, и **есть его мавзолей**, у власти стоит компартия, но никакого социализма давным-давно нет. **Свою перестройку (обновление, по-вьетнамски)** тамошний народ повел по китайскому пути (Молва (Владимир); 12.04.2011);*

*Какая у них экономика? У многих пытался это выяснить. Говорят, строят **рыночную, но по-вьетнамски** (Курьер Карелии (Петрозаводск); 27.12. 2000);*

*Страна по-прежнему не отказывается от своей социалистической ориентации. Но современный **социализм по-вьетнамски** уже давно с **рыночным лицом** (Вологодская неделя; 17.04.2008);*

*Вьетнамская перестройка не прервалась, **компартия по-прежнему у руля**, но от классического социализма осталось только название (Новая*

газета; 01.12.2010);

Коммунисты стремятся разрешить проблемы – по-своему, по-вьетнамски, с учетом и китайских успехов, и советских неудач, но стараясь не копировать и не повторять ни КНР, ни СССР (Век; 07.04. 2000).

СМИ активно подчеркивают дипломатическую гибкость политического курса страны. С 2016 года во Вьетнаме стал популярен термин «бамбуковая дипломатия». Она характеризуется адаптивностью и практичностью, за основу взяты национальные интересы. «Подобно бамбуку с «крепкими корнями, твёрдыми стеблями, гибкими ветвями», как оценил генеральный секретарь Вьетнама Нгуен Фу Чонг, вьетнамская дипломатия «мягка, умна, но все же настойчива и решительна; она гибка творчески, но очень устойчива перед всеми вызовами и трудностями во имя национальной независимости, свободы и счастья народа» [Динь Ле Хонг Занг 2023: 90]. Вьетнам ушел от традиционной дихотомии *друг – враг*, сформировав новое понимание: партнерами, друзьями стране становятся те, кто уважает независимость и суверенитет СРВ, расширяет сотрудничество и устанавливает с ней дружеские отношения; врагами, соперниками становятся те, кто действует против целей вьетнамской революции.

4.4. Репрезентация стереотипных представлений о Монголии

Отношения между Россией и Монголией зиждутся на очень глубоких исторических корнях. Житель России знает о периоде существования Монгольской империи во главе с Чингисханом и о монгольских завоеваниях XIII века, когда «главные силы монголов встретились с половецко-русскими войсками на реке Калке, впадающей в Азовское море. Здесь в мае 1223 г. развернулось генеральное сражение. Битва на Калке обнаружила слабые стороны русского войска, внутри которого не было единства и дисциплины» [Чимитдоржиев 1987: 11].

Разобщенность русских княжеств были главной причиной успешного наступления монгольских войск на Восточную Европу. Известно также, что монгольское иго на Руси продолжалось более двух столетий. В середине XIV в.

Монгольская империя окончательно распалась под ударами восставших народов Европы и Азии, и возобновление тесных контактов между двумя странами происходит лишь к началу XVII в., когда в ходе освоения Сибири Россия стала граничить с монгольскими землями. Монголия в коллективном сознании оказалась «в плену образа-бренда степной кочевой страны-наследницы империи, живущей идеями Чингисхана» [Терентьев, Сысун 2021: 110].

В современных СМИ, и не только русскоязычных, выделяются три темы, внутри которой конструируются стереотипы. «Это – Чингисхан и все связанное с его именем, историей и наследием; полезные ископаемые Монголии и перспективы их разработки; уникальность природы этой страны и возможности для развития индустрии туризма. <...> В дискурсе англоязычных СМИ имя Чингисхана зачастую выступает в качестве символа борьбы коммунистической идеологии с традиционной кочевой монгольской культурой» [Башкуев, Варнавский 2018: 91–92].

Стереотипные представления о Монголии и монголах – предмет исследования ученых разных направлений, см., например: [Баасансүрэн, Ойдов, Аюуш 2018; Бакаева 2017; Башкуев, Варнавский 2018; Бреславский 2013; Бронская 2015; Дугаров 2019; Литвинова 2019; Лиханова, Ляхов 2016; Михалев 2014; Панарин 2014; Семедов, Сухарева 2021; Терентьев 2019; Терентьев, Сысун 2021; 施正锋 Ши Чжэнфэн 2021 и др.].

Подводя итог общему взгляду на Монголию, скажем, что исследователи чаще говорят о динамике стереотипных представлений о стране: «Что знают в России о Монголии: степи, кони, юрты, мясо... С одной стороны, это страна Великой степи, колыбель кочевых народов, родина Чингизхана — несказанной древностью дышит эта земля. Привычные стереотипы о Монголии имеют все меньше и меньше общего с реальностью. Сегодня эта страна — один из самых перспективных внешнеэкономических игроков в Азиатском регионе и одна из быстрорастущих экономик мира» [Бронская 2015: 109].

Обратимся к анализу нашего материала.

4.4.1. Антропологические характеристики монголов

а) Узкие или раскосые глаза

*Моего улыбчивого собеседника, с ласковыми, **по-монгольски раскосыми глазами*** (Известия; 16.09.2011);

*Ее глаза **разрезаны чуть по-монгольски*** (Коммерсантъ; 12.03.2019);

*Глаза Симоны Синьоре были **по-монгольски узкие, полуприкрытые тяжелыми веками*** (Кино Парк; 01.09.1999);

*У него **по-монгольски раскосые глаза и пухлые щеки*** (Известия; 10.12.2009).

б) Лицо с широкими скулами

*Лица, **широкие, по-монгольски скуластые*** (Волга; 15.07.2021);

*На ней было вырублено лицо — **длинное, с прямым не по-монгольски носом, широкими скулами** и даже со складкой эпикантуса у больших почти круглых глаз* (Вокруг света; 15.09.1988).

в) Смуглая кожа

*Произвело впечатление другое. Она была **по-французски стройна и изящна, по-монгольски смугла и раскоса** и невероятно, ослепительно, дух захватывающе красива* (Знамя; 15.02.2018);

*Передо мною открылось **скуластое, темно-желтое лицо монгола*** (Дружба народов; 15.03.2020).

г) Общий облик

*Когда человек перешел тогда еще сухой Берингов перешеек, он уже **выглядел «по-монгольски»: миндалевидные глаза, гладкие черные волосы, желто-коричневая, но светлая кожа*** (Комок (Красноярск); 08.06. 2003).

«Все регионы, где монголы ступили на землю в XIII веке, оставили о себе историческую память. Немецкий антрополог Йоханн Фридрих Blumenbach классифицировал человеческие расы на пять категорий: монголоидная (желтая раса); американская (красная раса); кавказская (белая раса); малайская

(коричневая раса); этноботаническая (черная раса). Монголоид стал синонимом желтой расы» [Ши: 12].

4.4.2. Ментальные характеристики монголов

4.4.2.1. Черты характера

1) Неторопливость, созерцательность, задумчивость

Лексическое значение прилагательного *неторопливый* – «спокойный, размеренный, лишенный торопливости» [Кузнецов 2000: 644], *созерцательный* – «склонный к созерцанию, пассивному наблюдению» [там же: 1320]:

Интересно, – подумал я, – что значит «быстро мыслить» по-монгольски? Ведь степные люди неторопливы и созерцательны (Гудок; 1.03.2010).

2) Сдержанность, отсутствие эмоций

Особенно плечистая, с высокой грудью, с русским, но по-монгольски непроницаемым лицом... (Литературная Россия; 30.06.2006);

Непроницаемое лицо истинного монгола (Комсомольская правда; 07.09.2000);

Но блестящий меч Евпатия и страшная палица Ратибора разили монголов с неиссякаемой силой. Это видел и Батый, следя с непроницаемым лицом за битвой, и только иногда сощуривал свои и без того узкие восточные глаза (Таганрогская правда; 02.03.2018);

Когда он начал говорить, секретарь слушал его с непроницаемым лицом и потому напоминал бесстрастного монгола, невзирая на европейскую одежду и американскую торопливость (Наука и жизнь; 15.04.1999).

3) Вежливость, гостеприимство

Великий старик спустился к речке, вежливо по-монгольски поздоровался с монахом и прислужниками. Они долго кланялись, пригласили его к своей обеденной трапезе. Потанин знал, что отказ был бы страшной

обидой, и согласился отведавать самодельной брынзы, которую запивали жирным монгольским чаем (Сибирские огни (Новосибирск); 15.09.2004).

3) Мудрость

— *Монголы считают, что плохой воды в принципе не существует. Есть только наши плохие мысли о ней. Если, например, я сейчас дурно подумаю об этой воде, мои мысли могут причинить мне вред. А сама вода тут ни при чем.* — Интересно. — **Монголы — мудрый народ** (Дружба народов; 15.08.2008).

Ученые, проводившие опрос носителей русского языка, подводят итоги: «Рассуждая о позитивных чертах монголов, россияне выделили такие главные черты, как традиционность, гостеприимство, свободолюбие. Примечательно, что, по существу, противоречащие друг другу «неспешность» и «мобильность» как важные черты монгольского характера назвали одинаковое количество российских респондентов (33,8 %). Также одинаковое количество ответов собрали не самые позитивные характеристики монгольского характера «суеверие» и «хитрость» (20,8%). В целом в восприятии российских респондентов преобладают положительные характеристики монгольского национального характера» [Литвинова 2019: 98].

4) Жестокость

Наши наблюдения показывают, что среди отрицательных черт присутствует жестокость, стереотипная характеристика монголов, которая всегда отсылает к исторической эпохе Чингисхана:

А отсечённую голову подкоптили по-монгольски, над костром, вздели на пику и долго возили по аймакам, ужасая суеверных кочевников (Постскриптум (Горно-Алтайск); 21.07.2005);

Монголо-татары двинулись к пределам Новгородской земли, осадили и взяли Торжок. Беда пришла на Русскую землю. Но своей жестокостью не сумели захватчики запугать русских людей (Армейский сборник; 15.09.2024);

В этой последней схватке были совершены преступления и массовые убийства, которые могут сравниться лишь с нашествием монголов в

четырнадцатом веке, и —коим по своей жестокости нет равных в истории (Вестник Европы; 15.06.2009);

Если снова обратиться к монголам Чингисхана, то ...они добивались успеха благодаря жестокости и беспощадности (Личность. Культура. Общество; 30.06.2013);

Складывается образ *нечеловечески жестокого, дикого, безжалостного, сильного и хитрого монгола, уничтожающего все вокруг* (Эксперт: Северо-Запад; 19.03.2001).

4.4.2.2. Поведенческие и бытовые привычки монголов

Если говорить о предметном монгольском мире, то среди ярких примет Монголии, монгольских бренд-слов выделяется «историко-культурный блок (юрта, кочевники, луки, Чингисхан), зооморфный блок (лошадь Пржевальского; «монгольский волк»/ степной волк; яки; верблюды; орлы; родина динозавров (самая изучаемая страна в сфере палеонтологии); географо-климатический блок (страна вечно синего неба; степь; пески/пустыня; девственная/первозданная природа» [Семедов, Сухарева 2021: 176]. Монголия получает слова-характеризаторы: «древнейшая; когда-то великая; далёкая; советская; малоизвестная страна; уникальная; самобытная; таинственная; неожиданная; естественная; спокойная; удивительная; гостеприимная; бескрайняя; странная; невероятная» [там же: 177].

Стереотипные приметы из наблюдений другого исследователя: «Когда же речь заходила о монголах, я узнавал, что они: а) до сих кочуют = до сих пор дикие; б) редко моются = до сих пор дикие; в) ленивые = мы за них работаем, значит, сами они до сих пор опять-таки дикие» [Панарин 2014: 74]. По-прежнему, стереотипные черты Монголии базируются на архаических представлениях.

Наш материал дополняет результаты исследований других ученых:

Большинство монголов – кочевники-скотоводы. Монгол не держится за имущество (Коммерсантъ-Деньги; 08.11.2004);

*Местные скотоводы кочуют 12 раз в году, пока лошади не съедят всю траву вокруг юрты. Чингисхан говорил: «Я не завоевывал мир, я иду туда, куда идут мои кони». **Весь скарб монголов легко перевозится с места на место, в домах ничего лишнего** (Московский комсомолец; 09.09.2006);*

Монголы всегда рады любому путнику, напоят и накормят. Но чужестранцу следует соблюсти некоторые местные обычаи. Дверь юрты всегда обращена на юг, а подъезжать к ней нужно с запада. Ни в коем случае нельзя наступать на порог гэра и садиться на него. Входя внутрь, помните, что восточная половина гэра – женская, западная – мужская, а в самой почетной, северной части принимают гостей. Первым делом обязательно попотчуют (Московский комсомолец; 21.09.2002).

«Анализ семантики жилища монгольских народов – юрты подтверждает вывод, сделанный исследователями материальной культуры, о том, что сложение кочевого хозяйства происходило одновременно со сложением этнических стереотипов, которые характерны для всех компонентов материальной культуры. Оппозиция “левое” – “правое”, связанная с этнодифференцирующими характеристиками, прослеживается не только в одежде, но и в других составляющих материальной культуры, в частности в жилище. Этноразличительные черты, характеризующие юрту в системе сторон света, оказываются взаимосвязанными с этнической историей и этногенезом различных этносов тюркского и монгольского мира» [Бакаева 2017: 230].

У монголов (аратов-кочевников) есть чему поучиться. Помощь терпящему бедствие приравнивается к пожертвованию на строительство храма. Монголы просто запрограммированы на оказание помощи, это их органическая потребность. Здесь деньги мало чего стоят, не высоко ценится желание выручить ближнего. Знаете, что я не видел и никогда не увижу? Панику в глазах монгола. Вот чему надо нам всем учиться! Монголы одарены природой, наделены редкой энергией, большими духовными силами, способностями и находчивостью (Вечерний Волгоград; 14.03.2006).

«Сама жизнь заставила этот народ быть рядом с природой, отсюда и такое разнообразие напитков, как чай» [Лиханова, Ляхов 2016: 69–70].

Традиция проведения чайных церемоний в Монголии связана с особенностями приготовления монгольского чая:

*Хозяйка угощает **отличным чаем по-монгольски*** (Русский инвалид; 23.03.2004);

*Попробуй **черный чай по-монгольски** — добавь в него молоко и кусочек сливочного масла. Тепло изнутри!* (МК; 18.10.2008).

*Основными его компонентами являются **зеленый кирпичный чай, молоко, масло, мука и соль**. В зависимости от региона, где употребляют **чай по-монгольски**, его рецептура может варьироваться (неизменным компонентом остается лишь кирпичный чай). Говорили, после такого чая сутки можно мотаться по степи не спавши* (Торговое оборудование; 15.10.2002).

4.4.3. Социальные характеристики

4.4.3.1. Монгольский язык

История монгольской письменности восходит к временам Золотой Орды, и характерной особенностью старомонгольской письменности является ее вертикальная направленность. Переход от вертикального письма сначала на латиницу в 1941 году, а позже на кириллицу был во многом обусловлен политическими причинами. Стереотипным знанием о монгольском языке на сегодняшний день является информация о том, что письменная система монгольского языка представляет собой кириллическое письмо (в отличие от иероглифов в языках Восточной Азии):

Монгольский язык, в принципе, несложный, большое преимущество, что в нем используется кириллица. Тут главное — поставить правильно акцент — характерное произношение, иначе монголы вас просто не поймут. Хотя язык, конечно, поломать придется изрядно. В монгольском языке очень много длинных слов, которые, на наш взгляд, состоят из многих непонятных букв (МК; 22.12.2022);

Есть Евангелие для проповедников, написанное по-монгольски, но кириллицей (Воронежский курьер; 28.07.2012);

Это по-монгольски, – поясняет Дамдинсурэн, — у нас такие же буквы, как в русском языке, только на две больше (Амурский меридиан (Хабаровск); 13.06.2001)

Коммуникативное поведение характеризуется отсутствием эмоциональной составляющей:

Из юрты вышла пожилая монголка и, увидев нас, начала быстро говорить. И без переводчика было ясно, что она жалуется на жестокую судьбу. Но даже эти стоны и жалобы были типично по-монгольски лишены аффектации и экспрессии (Гудок; 05.02. 2010).

4.4.3.2. Специфика монгольской кухни

Монгольская пища преимущественно мясная:

Вообще, надо сказать, что блюда из мяса составляют основу монгольской кухни. Очень любят жители этой страны блюда из вареной баранины, считающейся в Монголии лечебной. Впрочем, используются и конина, и говядина, и баранина, и верблюжатина, и козлятина, и мясо яков и сайгаков. Мясо не доваривают, чтобы сохранить в нем витамины, причем варят его почти без соли (Вести (Санкт-Петербург); 24.02.2016);

Монгольская кухня весьма специфична, а с непривычки даже небезопасна. Вся пища довольно жирная, а процесс приготовления национальных блюд – зрелище не для слабонервных (Московский комсомолец; 21.09.2002).

Одним из знаменитых праздничных блюд монгольской кухни является бодыг:

В резиденции он устроил Путиным роскошный ужин. Для них монголы зажарили великолепный бодыг, приготовленный по национальным рецептам. У забитого барана отрубают голову, вынимают кишки и кости, обильно заправляют мясо острыми специями и заливают водкой. После двух часов на костре бодыг готов к президентскому столу. Рыбу и

курятину в Монголии не едят: считается, что в них переселяются души мертвых. А **баранины здесь так много**, что ее жир используют даже вместо ваксы (Московский комсомолец; 15.11.2000);

Настоящим национальным достоянием (после бодыга) называют мясное блюдо **хорхог**. Традиционно не только приготовление этого блюда, но и процедура застолья, когда подают хорхог, является ритуальной:

*На ужин – **хорхог** – мясо, тушенное в закрытом металлическом котле, блюдо монгольской кухни. В эпоху Чингисхана хорхог готовился прямо в овечьей шкуре. Для его приготовления используют исключительно баранину. Кроме мяса и воды в настоящий хорхог добавляют только соль, перец и лук. Внушительный кусок мяса разделяется, режется на небольшие куски, складывается в металлическую емкость. Маринуется два часа: с луком, чесноком, перцем, солью.*

*Готовивший хорхог человек кладет на блюдо мясо, находит лучший кусок – баранью лопатку – и **передает старейшему**. Тот же отрезает от лопатки куски по числу гостей и **угощает каждого по старшинству**. После этого остаток лопатки забирает себе, и гости могут приступать к еде. В то время, пока мясо маринуется, а камни греются в костре, готовят **согоч**. Это так называемое сопутствующее блюдо – **печень во внутреннем жире**. Для его приготовления печенку режут на кусочки, насаживают на шампуры и подносят к огню ненадолго. После этого каждый кусочек заворачивают во внутренний жир и подают к столу (Архангельск; 03.11.2016).*

Кроме мяса, монголы любят молочные продукты:

*А так как в **монгольской кухне часто сочетаются три, а иногда и пять видов молока**, это дает возможность создавать разнообразные виды масла, сыров, творога. Можно смело сказать, что **монголы знают не меньше сортов сыра, чем французы: катык, тарак, пыштак, хурунга...** Кое-что можно приготовить и в домашних условиях (Вести (Санкт-Петербург); 24.02.2016);*

По-своему здесь лепятся и пельмени. Кто лепит по-монгольски круглые, «в сборочку» (Независимая газета; 3.09.2003).

4.4.3.3. Политика и экономика Монголии

Если говорить о новейшей истории взаимоотношений России и Монголии, то Монгольская Народная Республика (МНР) образовалась в 1921 году под влиянием Октябрьской революции, и новое монгольское государство полностью ориентировалось на Советский Союз, его политику и экономику. МНР была одним из наших самых верных союзников. Шло тесное сотрудничество с СССР в освоении целины, в строительстве больших промышленных предприятий, монгольский космонавт Жугдэрдэмидийн Гуррагча вместе с Владимиром Джанибековым летал в космос на корабле «Союз-39». А сами монголы очень дружелюбно настроены по отношению к русским.

После распада СССР Монголия тоже перешла на демократические рельсы, переход к рыночной экономике прошел успешно, но Россия утратила статус привилегированного партнера развития для Монголии. Свыше 90 % торговли теперь ведётся с Китаем, Монголия дружит со странами Евросоюза, США, Южной Кореей и Японией. Главное для Монголии – зона национальных интересов Монголии.

«В монгольской политической культуре сильны значимость религии, мифологии, традиции в духовной сфере и эмоционально-чувственное отношение к политике. Можно говорить, что политическая ориентация на единство нации и сильное государство определяет ныне политическую культуру подобно тому, как они определяли культуру кочевых монголов на протяжении веков» [Баасансүрэн, Ойдов, Аюуш 2018: 115]. Современная Монголия активно презентует себя на Западе «в виде нового альтернативного образа» [Дугаров 2019: 37–30]. Улан-Батор формирует облик столицы «кочевой демократии», статус туристического центра. «Более того, Монголия стала выступать как исторический центр демократии в регионе. Разработан

образ аутентичной номадной цивилизации, в основе которой лежат скотоводство, буддизм и демократия» [Михалев 2014: 93–95].

В 2024 году в сентябре президент Российской Федерации посетил Монголию, подчеркнув доброжелательные отношения государств:

Перед началом переговоров Путин оставил запись в книге почётных гостей: «С радостью приезжаю в очередной раз в Монголию, в гости к давним друзьям и добрым соседям».

– Ваш настоящий визит мы оцениваем как визит, который имеет важное значение: в дальнейшем он обеспечит развитие нашего стратегического всеобъемлющего партнёрства, а также будет развивать наше всестороннее торгово-экономическое сотрудничество и принесёт, конечно же, значительное благополучие и благосостояние нашим народам, – заявил глава Монголии (Известия; 04.09.2024).

Партнерство России с Монголией по всем ключевым направлениям возобновляется благодаря совместным усилиям с обеих сторон.

4.5. Универсальность и специфика этностереотипов азиатских стран

Анализ контекстных высказываний, характеризующих народы исследуемых нами азиатских стран, позволил выявить универсальные и специфические стереотипные черты различных этносов.

4.5.1. Антропологические характеристики азиатских народов

Монголоидный расовый тип определяется, прежде всего, по внешности человека. В научном описании, см., например: [Анчабадзе 2021; Давыдов 2012; Финогенов 2010 и др.], помимо общих, выделяется целая совокупность специализированных признаков, но обыденные стереотипные представления о внешности азиатских народов носят упрощенный характер. Наиболее яркие признаки – узкие или раскосые глаза, невысокий рост, черные волосы, смуглая / желтая кожа – не позволяют жителям других континентов дифференцировать народы, населяющие Азию. См., например, словосочетания с лексемой *глаза*: **по-азиатски** удлиненные глаза; **по-китайски** узкими глазами; мы раздвигали себе глаза, делая их **по-вьетнамски** узкоглазыми; статуи с **не по-корейски**

выпученными глазами; детей, **по-японски** раскосых; мужчина с чуть раскосыми **по-монгольски** глазами.

Трудность разграничения разных народов Азии подчеркивают следующие контексты:

С участием соплеменников, но без участия ряженных гастарбайтеров (китайцев-корейцев — «азиатов, которые все на одно лицо», — с академической западной выучкой) (Искусство кино; 15.04.2003);

Плотная масса низкорослых представителей Дальнего Востока (я так и не научился различать японцев, корейцев и китайцев), напористодвигающихся за своим «Моисеем» с зонтом в руках, повлекла и меня в сторону Староместской площади (Новая юность; 15.04.2010).

Как мы указывали выше, выделенные черты внешнего облика азиатов в силу своей непохожести «обладают отрицательной коннотативной окраской, черты азиатской внешности ...всегда воспринимались представителями европейских наций, в том числе и русской, как нечто такое, что заведомо ставит азиатов на ступень ниже европейцев» [Казанцева 2021: 15].

4.5.2. Ментальные характеристики

Наиболее полно была заполнена матрица ментальных характеристик при анализе стереотипных черт китайцев. У других народов представленность черт характера меньшая, поэтому мы сравниваем, прежде всего, те признаки, которые являются общими для всех азиатских народов.

Черты характера

Выявленные черты характера азиатских народов положительно заряжены. Преобладающей приметой народов Азии является их **трудолюбие**.

Мы провели дополнительные количественные подсчеты, задав в Интегруме следующие коллокации: слово *трудолюбие* с переменным атрибутивным компонентом. Приведем полученные данные:

азиатское трудолюбие (далее – *т.*) – 13 употреблений; *восточное т.* – 26; *китайское т.* – 149; *японское т.* – 70; *корейское т.* – 14; *вьетнамское т.* – 0; *монгольское т.* – 0.

Следующая коллокация – слово *трудолюбие* с несогласованным определением – существительным в родительном падеже: *трудолюбие азиатов* – 7; *трудолюбие китайцев* – 173; *японцев* – 51; *корейцев* – 46; *вьетнамцев* – 4; *монголов* – 0.

Количественно выявлено китайское, японское и корейское трудолюбие, оно получило дополнительные характеристики-интенсификаторы. Покажем их:

Трудолюбие японцев, о котором в мире давно ходят просто сказочные легенды; неправдоподобное, необыкновенное, необычайное, о котором не слышал только глухой и ленивый; фанатичное, колоссальное, невероятное, легендарное, огромное, не знает границ, одержимое.

Трудолюбие китайцев, покоящееся на древнем фундаменте конфуцианской этики, завидное, природное, муравьиное, фантастическое, традиционное, не поддается сравнению, исключительное вошедшее в поговорки.

Трудолюбие корейцев национальное, беспрецедентное, исключительное, невероятное, поражающее воображение, чрезвычайное, потрясающее.

Третий тип словосочетаний со словом *трудолюбивый* + название этноса.

Трудолюбивые азиаты – 43; *трудолюбивые китайцы* – 487 употреблений; *т. японцы* – 251; *т. корейцы* – 99; *т. вьетнамцы* – 28; *т. монголы* – 1.

Лексема *трудолюбие* в составе высказываний, характеризующих стереотипные представления об азиатских народах, получает прагматические приращения смысла, поскольку характеристика трудолюбия конкретного народа может получить свою специфику. Стереотип о трудолюбии азиатов дифференцируется в зависимости от этноса. Обычно стереотипная черта понимается как способность азиатов много и усердно работать, например, когда идет речь о китайском или вьетнамском трудолюбии. Под трудолюбием японцев традиционно понимается их точность и исполнительность, внимание к деталям, тщательное планирование своего трудового процесса.

2. Вежливость и учтивость

Распространенным этностереотипом обо всех азиатских народах является представление об их вежливости, почтительности или учтивости в общении с другими людьми. При этом степени вежливого общения закреплены на языковом уровне, например, в японском и корейском языках.

Низкие поклоны в азиатской культуре являются традиционной формой приветствия и иногда прощания. В Восточной Азии, а именно в Японии и в Южной Корее поклоны до сих пор используются в повседневной коммуникации [Панина 2020: 31-32].

3. Спокойствие и сдержанность

Азиатское спокойствие может пониматься как отсутствие ярких эмоций во время разговора. Сдержанность предполагает не просто спокойное поведение, но способность к самоконтролю.

4. Гостеприимство

Еще одной универсальной чертой этностереотипов об азиатах является представление об их гостеприимстве или радушии. Стереотип о гостеприимстве связан с вежливостью и почтительностью азиатов в общении, которая распространяется и на процесс принятия гостей. Японцы стереотипно характеризуются как гостеприимные, но их гостеприимство, как отмечает наш материал, граничит с излишней навязчивостью.

5. Мудрость

Традиционно существует стереотипное представление о мудрости азиатов. Особенно часто стереотип о мудрости употребляется в отношении китайцев. Приведем количественные показатели в рамках словосочетания:

восточная мудрость – 5084 употреблений; *азиатская мудрость* – 47;

мудрость Востока – 603; *мудрость Азии* – 10;

мудрые китайцы – 769; *китайская мудрость* – 2241; *мудрость китайцев* – 44;

мудрые японцы – 336; *японская мудрость* – 381; *мудрость японцев* – 17;

мудрые корейцы – 13; *корейская мудрость* – 15; *мудрость корейцев* – 8;

мудрые вьетнамцы – 1; вьетнамская мудрость – 1; мудрость вьетнамцев – 1;

мудрые монголы – 3; монгольская мудрость – 13; мудрость монголов – 1.

В словосочетаниях с существительным *мудрость* (*китайская / японская / корейская / вьетнамская / монгольская мудрость*) обычно реализуется значение «сложившееся в народе изречение, отражающее его жизненный опыт, знания» [ТСРЯ 2008: 464]. Самым частотным атрибутивом в этом словосочетании являются прилагательные *народная* и *древняя* (мудрость).

Мудрость и хитрость – универсальные черты для всех народов Азии. Несмотря на то, что количественно китайская мудрость преобладает в российских СМИ, тем не менее нам встретился контекст, который подчеркивает мудрость корейцев, но хитрость китайцев:

Хитрые китайцы и мудрые корейцы на государственном уровне усилили поддержку анимации в своих странах (Городской курьер (г. Саров); 02.03.2016).

6. Хитрость

Мы писали о том, что лексема *хитрость* имеет два значения, оба приложимы к азиатским народам:

Работают они без проводной связи, кнопка управляет звонком при помощи дистанционного управления. В общем, все по-китайски хитро и просто (День за днем (Волгоград); 10.07.2003);

В данном контексте хитрость китайцев понимается как их изобретательность. В следующих контекстах хитрость понимается как склонность китайцев обманывать людей:

Сам был подозрителен и хитер чрезвычайно, по-азиатски — конечно, некоторым облагороженным, бескорыстным видом хитрости (Москва; 15.08.1999).

Дадим количественные данные употребительности словосочетаний с лексемами *хитрый* и *хитрость*:

восточная хитрость – 655 употреблений; *азиатская хитрость* – 133;
хитрые китайцы—194; *хитрость китайцев* — 18; *китайская хитрость*
 –109;
хитрые японцы – 174; *хитрость японцев* – 10; *японская хитрость* – 51;
хитрые корейцы – 52; *хитрость корейцев* – 1; *корейская хитрость* – 9;
хитрые вьетнамцы – 5; *хитрость вьетнамцев* – 0; *вьетнамская хитрость* – 0;
хитрые монголы – 9; *хитрость монголов* – 4; *монгольская хитрость* – 1.

7. Созерцательность, спокойствие

Про китайцев, японцев и монголов распространен стереотип об их созерцательности как об особенностях мышления и восприятия окружающего мира. Созерцательность связывается со стремлением азиатов быть ближе к природе, с проживанием на природе (например, с проживанием в степи). У корейцев и вьетнамцев наш материал не выявил эту особенность.

Среди негативных стереотипов мы выделяем универсальную черту – жестокость.

7. Жестокость

Универсальным является представление о жестокости азиатских народов, которое эксплицируется при помощи наречий *по-азиатски*, *по-китайски*, *по-корейски*, *по-монгольски*, а *японская жестокость* получает атрибутив *пресловутая*, т.е. «широко известная, нашумевшая» [ТСРЯ 2008: 724]. Наш материал не позволил выделить такую черту, как *вьетнамская жестокость*.

На особом месте среди сравниваемых азиатских стран находится Монголия, отношения с которой у России складывались самобытным образом. Образ родины Чингисхана, скотоводство, буддизм создают концепт кочевой цивилизации. Проявление азиатской природы страны российское сознание по-прежнему связывает с ордынским нашествием, с татаро-монгольским игом, поэтому контексты с монгольской жестокостью обычно относятся к архаическим стереотипам:

В приграничье возникают драки, совершаются акты насилия, которые местные жители называют «вендеттой по-монгольски» (Известия; 5.07.2000).

Поведенческие и бытовые привычки

Азиатский образ жизни

Неоднократно употребляются выражения *жить по-азиатски* с разными качественно-обстоятельными наречиями — *жить по-китайски / по-японски / по-корейски / по-вьетнамски*.

Выражение *жить по-азиатски* обычно означает образ жизни, противоположный европейскому, который характеризуется как цивилизованный. Стереотипно существуют представления о Европе как о цивилизации и об Азии как не-цивилизации или дикости. При сопоставлении с Европой выражение *жить по-азиатски* обычно имеет негативную коннотацию.

Несколько иное значение у следующих контекстов *жить по-азиатски*:

Живут они тут, как в своих имениях, совершенно по-азиатски: едят и спят на полу, устланном коврами. Убираемая после еды посуда перемывается, вытирается досуха и расставляется по широким карнизам в комнате (Питание и общество (Москва); 31.10.2012);

Должны ли наши семьи жить гуртом, по-азиатски, когда в одном доме есть место и для стариков, и для малышей, или стоит предпочесть европейскую модель семьи (Красноярский рабочий; 10.04.2008).

В этих случаях *жить по-азиатски* понимается как следование обычаям и традициям своего народа, связанным с организацией быта или просто устройством семьи. Без сравнения азиатского образа жизни с европейским словосочетание не имеет негативной коннотации, указывая на сохранение традиционной культуры, см. например:

Но ставшие россиянами вьетнамцы традиции своего народа не забывают и дома живут по-своему, по-вьетнамски (Ульяновск сегодня; 11.08.2006).

Помимо этого, неоднократно встречается выражение *жить по-китайски*:

Коммунистический Китай оказался непривлекательным даже для ближайших соседей. Покупать дешевые китайские товары многие хотят, а жить по-китайски — нет (Независимая газета; 30.08.2021);

Выражение *жить по-китайски* чаще всего определяется экономическими особенностями Китая — как с положительной, так и с отрицательной сторон. Стереотип о жизни по-китайски связывается с невысоким уровнем жизни в Китае, который не является привлекательным для иностранных граждан.

Иное значение несут стереотипы, эксплицируемые при помощи выражения *жить по-японски*:

Жить «по-японски» значит принимать не больше трех гостей. Минимализм все-таки (Комсомольская правда; 25.10.2005);

Жить, правда, по-японски было трудно. Во-первых, спать в гостинице пришлось на циновках (Ведомости Чувашской Республики (Чебоксары); 10.01.2006).

Жить по-японски понимается в контексте скромной жизни, в чем мы видим параллели со стереотипами о жизни китайцев. Однако скромный образ жизни японцев понимается, скорее, как их личный выбор, связанный со стремлением к минимализму, по сравнению с бедностью китайцев, обусловленной экономическими причинами.

Поэтому можно говорить об аскетизме жизни японцев:

Украшения по-японски аскетичны: бумажные фонарики под потолком, иероглифы на стенах в серебряных рамках (Новая Сибирь (Новосибирск); 12.07.2013);

В моде на пальто никакого диктата. Короткое или длинное... По-японски аскетичное или манерное, как у лондонского денди (Новая Сибирь (Новосибирск); 4.02.2002).

Азиатская бедность

Распространенными также являются стереотипы об уровне жизни в Азии, которые эксплицируются при помощи эмоционально-окрашенных лексем. Универсальный характер носит стереотип о бедности азиатов, маркированный при помощи наречий *по-азиатски*, *по-китайски*, *по-корейски*, *по-вьетнамски*:

Да, приглашать западных дизайнеров в Chery начали уже давно, но раньше-то получались скромненько, бедненько, и усреднённо по-азиатски (Мотор; 27.01.2022);

Российские и китайские эксперты и политологи рассказали журналистам о бедности по-российски и бедности по-китайски (Вопросы социального обеспечения; 15.08.2011);

Режиссер Вьет Линь тоже сделал своими героями не великих вождей, а маленьких людей, теснящихся в «коммуналке по-вьетнамски» (Вечерний клуб; 17.07.1999);

Отделка интерьера выглядит вполне достойно и не по-корейски богато (За рулем; 15.05.2003).

Одним из общих ритуалов азиатских народов является **традиция чаепития**. Традиция чаепития *по-азиатски* связывается с проведением чайных церемоний, которые приняты в Китае, Южной Корее, Японии и Вьетнаме. Про Монголию, в свою очередь, распространены только представления об особом способе заваривания чая.

4.5.3. Социальные характеристики

Минимализм японской эстетики и экстравагантность корейского дизайна

Обострившийся интерес к Японии и японской культуре сформировал стереотип о простоте и минимализме японской эстетики, которая, прежде всего, касается стиля в интерьерах японских домов:

Сам ресторан по-французски элегантен и по-японски прост: пустые однотонные стены, одетые лишь в «шубу» из землистой штукатурки (Коммерсантъ; 27.12.2019).

В научной литературе стал употребляться термин «японский минимализм», который используется для характеристики не только дизайна, но и художественной литературы, изобразительного искусства. Хотя историк М.С. Третьякова подчеркивает, что сами японцы не рассматривают минимализм как характерную часть своей культуры [Третьякова 2016: 412], то есть стереотип существует только в сознании иностранцев.

Интересно сопоставить рядом с японской простотой мнение о стиле корейцев:

*Машина нисколько не несет на себе печати бюджетности. Наоборот, она выглядит, как и подавляющее большинство своих братьев, **по-корейски экстравагантно*** (РБК; 23.12.2010).

Специфика кухни Восточной и Юго-Восточной Азии

Универсальной чертой этностереотипов об азиатской еде являются представления об остроте и активном использовании специй в пище, в особенности по сравнению с европейской кухней. Увлеченность россиян кухней стран Восточной и Юго-Восточной Азии сформировало стереотипное представление об азиатской еде как вкусной, экзотической, необычной и отличающейся от европейской.

Можно выделить ряд особенностей, типичных для той или иной страны. Так, про Японию наиболее распространенным является стереотип об употреблении пищи в сыром виде, которая представлена в одном из традиционных японских блюд – суши:

*Ох, как люблю «суши» — **специально приготовленную сырую рыбу по-японски*** (Вечерняя Москва. Утренний выпуск; 30.07.1998).

Эта особенность отличает японскую кухню, например, от китайской, где продукты обязательно подвергаются тепловой обработке:

*Местные жители вообще с подозрением относятся к любой термически необработанной пище и даже считают ее вредной. Например, в КНР **жарят огурцы!*** (Комсомольская правда; 05.08.2021).

Известно противопоставление общего подхода к приготовлению пищи в Японии и Китае. В Японии стремятся сохранить натуральный вкус продукта, который используется в приготовлении того или иного блюда:

Кухня по-японски отличается своим предпочтением натуральных минимально обработанных продуктов, а также огромным изобилием морепродуктов (Вечерний Котлас; 06.02.2015).

Китайская же кухня тяготеет к преобразованию вкуса исходного продукта: свинина может быть с рыбным ароматом либо походить на курятину, мясо приобретает вкус фруктов, а рыба – овощей и наоборот. Приведем отрывок из интервью с известным журналистом Всеволодом Овчинниковым:

Главный редактор Ильичев вызвал меня: «Вы знаете, что это?» – «Конечно, знаю, – ответил я. – Это тухлые яйца. По-китайски их обмазывают глиной из кунжута и держат полгода». – «А вы можете это съесть?» – «Конечно, могу», – нахально заявил я. Хотя никогда в жизни до этого не видел этих яиц, а уж тем более не ел. На глазах у всей редколлегии отковырнул глину, разбил яйцо – жуткий запах застоявшейся мочи, зеленый белок, черный желток, – и я все это проглотил. Ильичев тут же вызвал начальника отдела кадров и велел: «Оформляйте на Овчинникова загранпаспорт – он готов к постоянной работе в Китае» (Московский комсомолец; 18.05.2004).

Еще одна особенность отмечена у монгольской кухни – представление об оригинальных способах убийства животных / рыбы и ее последующей разделки, сохранившихся в качестве традиций:

Строжайше запрещалось закалывать животных не по-монгольски, то есть перерезая горло (Информ Полис (Улан-Удэ); 28.09.2016);

Монгольские пограничники наглядно показали быстрый способ разделки рыбы по-монгольски (Вечерний Волгоград); 14.03.2006).

Национальная кухня – это одна из визитных карточек любого народа, поэтому несмотря на общую экзотичность острых блюд, объединяющих все

кухни Восточной и Юго-Восточной Азии, носитель языка выделяет в качестве специфических маркеров идентичности отдельные блюда национальных кухонь: *китайскую утку по-пекински, японские роллы и суши, корейскую кимчи, вьетнамский суп фо бо, монгольский чай с маслом и солью.*

Языки народов Восточной и Юго-Восточной Азии

Наиболее распространенным является стереотип о сложности письма и произношения всех азиатских языков, см. типичное высказывание:

*Я честно пыталась в короткое время **выучить хоть что-то по-китайски, но это оказалось сложно*** (Известия; 23.10.2012).

На фоне отсутствия иероглифической системы в корейском языке, он идентифицируются как более простой хотя бы в плане графики:

Писать по-корейски на самом деле очень легко. Я учил людей писать их имена и такие слова, как «любовь» и «счастье» (Архангельск; 13.09.2018).

Кириллическое письмо в монгольском языке также позволяет стереотипно представлять монгольский как более простой, чем китайский и японский.

Политическая и экономическая жизнь в странах Восточной и Юго-Восточной Азии

Выбранный нами для анализа азиатский регион может быть объединен по одному универсальному основанию – по степени успешности модернизации, которая осуществлялась через внедрение в традиционную восточную культуру либеральной демократии и свободного рынка. Рассмотрим, какое стереотипное представление сложилось в русском языковом сознании о демократии по-азиатски. Контексты с качественно-обстоятельственными наречиями показывают, что *демократия по-азиатски* благополучно уживается с авторитарными режимами азиатских государств:

Демократия по-азиатски – младшая сестра культа личности. Это лишь первая ласточка. А потом их прилетят стаи (Комсомольская правда – Москва; 2.07.2005);

Это и есть демократия, вывернутая «по-китайски», которая, с европейской точки зрения, является не чем иным, как деспотией (Московские новости; 21.12.1999).

В этом состоит азиатский парадокс успешного обновления экономических устоев государств. Большую роль экономического регулятора во всех странах играет государство. Еще одной причиной успешной модернизации является обращение азиатских стран к традиционным ценностям, а именно к возрождению конфуцианства. В основу построения новой экономики была положена конфуцианская трудовая этика, которая отличается «бесконечным терпением и контролируемой вежливостью; сильной привязанностью ко всему привычному, полным нечувствованием однообразия; способностью к продолжительному труду» [Weber 1951: 231].

Модернизация успешно проходит в странах с разным государственным устройством: Япония и Южная Корея – это капиталистические страны, Китай, Вьетнам, Северная Корея – это социалистические государства, Монголия – демократическая республика.

Социалистический режим приобрел характеристику *социализм с рыночным лицом*:

Оказалось, что социализм по-китайски включает в себя немало элементов рыночной экономики (Оренбургский университет (Оренбург); 22.08.2007).

Страна по-прежнему не отказывается от своей социалистической ориентации. Но современный социализм по-вьетнамски уже давно с рыночным лицом (Вологодская неделя; 17.04.2008).

А в Японии капиталистический режим иногда называют социализмом:

И действительно, сегодня, оглядываясь назад, японское экономическое чудо в Токио иногда называют иначе — социализмом по-японски, или социализмом корпоративного образца (Коммерсантъ Власть; 12.12.1995).

Корпоративный социализм также включает в себя рыночные элементы, а вместе с ними и демократизацию политической жизни [Ульянова 2010: 83].

Особенно ярко конфуцианская система ценностей и представлений проявилась на Корейском полуострове. «Конфуцианство опирается на несколько принципов. Среди них выделяются два наиболее значимых – преданность своему обществу, включая школу, компанию и родину; уважение к старшим, причем не только к собственным родителям и предкам, но и к старым людям вообще» [Джонго Нам 2015: 101]. Эти принципы проявляются и в социалистической Северной Корее, и в капиталистической Южной Корее гораздо сильнее, чем в других азиатских странах, поскольку «никто намеренно не мешал развиваться по выбранному пути и не вынуждал отходить от традиционных взглядов» [там же: 104].

Специалисты по Корее утверждают, что несмотря на идеологическое различие, общего между двумя Корейями больше, чем различия: «и в методиках политической индоктринации, и в организации репрессивного аппарата, и даже в том, как каждая из Корей пыталась строить социализм или демократию с непременной корейской спецификой, которой в данных моделях было гораздо больше, чем собственно социализма или демократии. Даже связанный в массовом сознании с Северной Кореей термин «чучхе» употреблялся и на Юге. Просто, затушевывая это сходство, мы переводили южнокорейское «чучхесон» как «национальный субъективизм» [Асмолов 2015: 105]:

Хозяевами революции и строительства социализма являются народные массы, и социализм в Корее может быть построен именно по-корейски (Патриот; 15.11.2006).

Монголия в своих демократических преобразованиях также опирается на традиционные идеи кочевой цивилизации.

Выводы

Таким образом, нами были проанализированы стереотипные представления россиян об азиатских народах из Восточной и Юго-Восточной Азии на основе материалов российской прессы.

Выбрав в качестве маркеров стереотипных черт качественно-обстоятельные наречия со структурными компонентами *по-...-и* со значением

«такой, как...; характерный для...», мы получили корпус высказываний, который позволил охарактеризовать особенности азиатских народов.

Корпус стереотипных представлений русских о Китае, Японии, Корее, Вьетнаме и Монголии был систематизирован в рамках матрицы, которая включает три аспекта характеристики носителя другого этноса: антропологический (1), ментальный (2) и социальный (3).

Заполнение всех позиций этой матрицы связано со степенью информационной осведомленности о народах разных стран Азии, меньшее количество контекстов не позволяет выявить большое количество стереотипных черт.

В результате сравнительных наблюдений мы определили несколько универсальных черт этностереотипов про азиатские народы. На первом месте находится внешность азиатских народов, объединенная самой яркой особенностью – узкими или раскосыми глазами. Внешность была дополнена черным цветом волос, смуглой /желтой кожей и характеристикой роста – азиатские народы низкорослые. Обобщенный образ всех азиатских народов – это смуглый низкорослый человек с черными волосами и раскосыми глазами. Стереотипно представление о красоте азиатской женщины. На фоне общего представления особой красотой обладают японки.

Общее представление о положительных чертах характера азиатских народов – это стереотипное представление о необыкновенном трудолюбии, восточной мудрости, уважительном отношении и вежливости при общении, невозмутимости и сдержанности в проявлении эмоций, гостеприимстве. В качестве типичной черты выделяется хитрость, понимаемая и как негативная черта («идущий обманными путями»), и как характеристика изобретательности. Жестокость как проявление азиатского начала присуща большинству изучаемых народов.

Удаленность стран Азии от других континентов создала общий неповторимый и уникальный мир культуры, языков, традиций и обычаев. Общее, что роднит все азиатские народы, является загадочность азиатского

мира, его непохожесть, например, на европейские привычки и традиции, что поддерживается экзотичностью азиатской еды, чрезвычайной сложностью языков как в устной, так и в письменной форме.

Общей тенденцией являются экономические успехи всех азиатских стран, несмотря на особенности государственного устройства и тип государственного правления: социалистический с рыночной экономикой в Китае, Вьетнаме и КНДР, капиталистический – в Японии, Южной Корее и демократический – в Монголии.

К специфическим стереотипным чертам мы отнесли представления о созерцательности как особенности восприятия жизни у китайцев, японцев и монголов, об аскетичности устройства жизненного пространства у японцев.

Заключение

Класс качественно-обстоятельственных наречий, выбранный нами в качестве основного языкового средства для выявления стереотипных представлений (*по-азиатски, по-китайски, по-японски, по-корейски, по-вьетнамски, по-монгольски*), оказался не только надежным инструментом для поставленной задачи, но и языковым маркером, семантика которого, являясь нейтральной в языковой системе, в контекстном употреблении обогащается ценностными смыслами: объектом оценочности становятся «разного рода отличия, то, что 'непохоже', что выделяет данную национальную культуру среди других» [Крысин 2005: 451].

Этнические стереотипные представления русских об Азии и азиатах вообще, а также представления о конкретных этносах, населяющих Восточную и Юго-Восточную Азию, демонстрируют свой противоречивый характер. Полярность стереотипных представлений связана с самой природой стереотипов, которые призваны обобщать информацию о мире и ориентироваться в нем. Поэтому, опираясь на стереотипы, мы делаем картину мира понятной, но в то же время упрощенной и типизированной. Примитивное представление может сближать стереотипы с предубеждениями. В нашем исследовании этот взгляд относится к стереотипам восприятия Азии в целом, которые являются следствием исторически сложившихся межэтнических отношений. Стереотипные представления эволюционируют с течением времени, но в целом стереотипная модель стабильна, поскольку на содержании стереотипа «оставляет отпечаток культурная память» [Григорьев 2020: 222]. Зафиксированное в толковых словарях как устаревшее слово *азиат* в современном употреблении по-прежнему окрашено негативно, а наречие *по-азиатски*, будучи производным по своей семантике от существительного *азиат*, является одним из маркеров отрицательного отношения к Азии в рамках реализации базовой дихотомии Европа — Азия. На материале анализа лексемы *азиатчина* мы убедились в том, что негативный настрой по отношению к Азии связан с отрицательным российским социально-

историческим опытом, который продолжает существовать в массовом сознании. При синхронном срезе стереотипного восприятия Азии необходимо отметить такую черту стереотипных представлений, как диахронную многослойность стереотипа, который вбирает в себя как архаические, так и современные представления.

Новые и старые смыслы также переплетаются в стереотипных представлениях о конкретных народах азиатских стран. Эти стереотипы в целом положительно очерчивают образ азиатских стран в общественном сознании россиян. На сегодняшний день позитивный аспект Азии проступает все ярче. Стереотипные представления, с одной стороны, выявляют общую принадлежность азиатских стран к Востоку, с другой стороны, индивидуализируют этнические черты каждой страны.

Важную роль в сохранении или разрушении стереотипов могут играть и современные СМИ. Чаще информация о современных азиатских странах в российских медиа идет со знаком плюс и подается в ореоле самобытности, экзотики и удивления, мифологизируются образы экзотических стран, создается тенденция романтизирования реальности. Азия является перспективным с экономической точки зрения регионом, а лидерами в нем являются Китай, Япония, Корея, Вьетнам и Монголия, развитие отношений с которыми является одним из приоритетов современной России. Поэтому задачей современной гуманитарной науки становится работа по разрушению тех негативных стереотипов, которые носят архаический характер.

Перспектива дальнейшего исследования видится в экспериментальной проверке полученных на базе СМИ стереотипных представлений, а именно проведении серии социолингвистических опросов разных целевых групп респондентов по выявлению знаний и мнений об Азии и азиатских странах. Кроме того, интересным представляется соотнесение типизированных и упрощенных, а зачастую и устаревших стереотипов с многогранностью азиатского мира, научно выверенное выстраивание конкретных бинарных оппозиций на основе обобщенной дихотомии

стереотип – реальное положение дел, что поможет российскому социуму увидеть азиатский мир не строго ограниченный и структурированный в жесткой системе *свой / чужой*, а в глубокой и богатой внутренней перспективе.

Список используемых словарей и грамматик

1. БАС 1 – Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. Т. 1 А–Б / Под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 768 с.
2. БАС 2 – Словарь современного русского литературного языка : В 20 тт. Т. 1. А–Б / Под ред. К. С. Горбачевича. – М. : Русский язык, 1991. – 867 с.
3. Большой академический словарь русского языка / ред. К. С. Горбачевич. Т. 8. М.; СПб.: Наука, 2007. – 840 с.
4. БПС – Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб. : «Прайм–ЕВРОЗНАК», 2002. 3 изд. – 632 с.
5. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 тт. / В. И. Даль. – Т. 1. А – З. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 672 с.
6. Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2000. – 2292 с.
7. Ефремова – Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3-х томах / Т. Ф. Ефремова. – Т. 1. А–Л. – М. : Астрель, 2005. – 1168 с.
8. Ефремова – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х тт. Т. 2. М.: Астрель : АСТ, 2006. – 1160 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд-е 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
10. Золотова Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1988. – 440 с.
11. Крысин – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Издательский Дом ЯСК : Языки славянской культуры, 2017. – 861 с.

12. Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
13. МАС – Словарь русского языка : В 4-х т. – Т. 1. А – Й / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981. – 696 с.
14. МАС 1 изд. – Словарь русского языка : В 4-х т. – Т. 1. А – Й / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 963 с.
15. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
16. Михельсон – Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии / М. И. Михельсон. – СПб. : Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. – 1046 с.
17. НСИЗ – Новые слова и значения словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в 2 т. / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Голобоблева; отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. Т. 1. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. – 813 с.
18. Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка. 8-е изд. / С. И. Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
20. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
21. Складеревская – Складеревская Г. Н. Словарь русского языка XXI века. Проект словаря / Г. Н. Складеревская, И. О. Ткачева, М. Л. Сергеев, Е. Ю. Ваулина, Е. А. Фивейская. // Journal of applied linguistics and lexicography. – 2019. – №1. – С. 136–311.

22. Слов. Акад. – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. – Том 1 : А—Д. – СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1895. – 576 с.

23. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

24. Ушаков – Толковый словарь русского языка : в 4 т. – Т. 1 : А — Кюрины / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935. – 1562 с.

25. Химик – Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. М.: Норинт, 2004. 768 с.

Список использованной литературы

1. Абильдинова Ж. Б. Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев: на материале русскоязычных анекдотов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. Б. Абильдинова. – Tobol'sk : [Б. и.], 2011. – 32 с.

2. Абрамова В. И. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2021. – № 1 (5). – С. 115–124.

3. Абрамова В. И. Китай и китайцы в фольклоре и устойчивых единицах Рунета / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // Слово-фразеологизм-дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании. – 2023. – С. 149–158.

4. Авдони́на Н. С. Негативная медиатизация войны во Вьетнаме: факторы и результат / Н. С. Авдони́на // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2011. – № 3. – С. 181–187.

5. Агапкина Т. А. Благоверная царица хитра была мудра: об одной синонимической паре в русском фольклоре / Т. А. Агапкина // *Studia Litterarum*. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 336–389.
6. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов / В. С. Агеев // *Вопросы психологии*. – 1986. – № 1. – С. 95–101.
7. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 310 с.
8. Алистанова З. Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы / З. Ф. Алистанова // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 4 (122). – С. 46–48.
9. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке / В. М. Алпатов. – М. : Главная редакция восточной литературы «Наука», 1973. – 114 с.
10. Алпатов В. М. Русский взгляд на Японию: мифы и реальность / В. М. Алпатов // *Ежегодник Японии*. – 2012. – № 41. – С. 141–151.
11. Ананьева К. И. «Эффект другой расы»: теоретические концепции, исследовательские инструменты, экспериментальные данные / К. И. Ананьева // *Экспериментальная психология*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 142–163.
12. Андреева Л. Н. Искусство фен-шуй / Л. Н. Андреева // *Записки Горного института*. – 2007. – Т. 173. – С. 211–213.
13. Андросова О. Е. Этнические стереотипы в русскоязычных и англоязычных анекдотах / О. Е. Андросова, Ю. А. Дидык // *Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе : межвузовский сборник научных трудов / Пензенский государственный университет*. – Вып. 11. – Пенза : Пензенский государственный университет, 2016. – С. 8–11.
14. Антипов А. Г. Лингвокультурные стереотипы русских о Китае как дискурсивная стратегия воплощения образа Си Цзиньпина в современной русской публичной речи (на материале российских интернет-изданий) /

А. Г. Антипов // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 451–455.

15. Анчабадзе Н. А. Классификация признаков внешности лиц монголоидной расы (вьетнамского антропологического типа) и их описание : уч.-практ. пособие / Н. А. Анчабадзе. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 108 с.

16. Аптеева О. В. Сравнительный анализ идей чучхе и сонгун в конструировании идеологии военного социализма в КНДР / О. В. Аптеева // Сравнительная политика. – 2010. – № 1. – С. 225–230.

17. Арин О. А. Япония и теории международных отношений / О. А. Арин // Ежегодник Япония. – 2014. – Т. 43. – С. 44–70.

18. Арсельгов А. У. Этнические стереотипы в культуре: на примере культур Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. У. Арсельгов. – Ростов-на-Дону: [Б. и.], 2011. – 23 с.

19. Арсланов Р. А. Рецензия на книгу: Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с / Р. А. Арсланов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 600–608.

20. Арутюнов С. А. Введение / С. А. Арутюнов, Б. Р. Логашова, Т. Ф. Аристова [и др.] // Этнография питания народов стран зарубежной Азии : Опыт сравнительной типологии. – М. : Наука, 1981. – С. 3–11.

21. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова; Ответственный редактор академик Г.В. Степанов. – М. : Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1988. – 341 с.

22. Асмолов К. В. Образ Кореи и корейцев в массовом сознании россиян / К. В. Асмолов // Россия и Корея: проблемы улучшения отношений России и

государств Корейского полуострова : Доклады, представленные на научной конференции корееведов, Москва, 29 ноября 2007 года. – М. : Русская панорама, 2008. – С. 137–145.

23. Асмолов К. В. Уроки корейской истории XIX–XX веков для современной России / К. В. Асмолов // Тетради по консерватизму : Альманах Фонда ИСЭПИ : № 5. – М. : Фонд ИСЭПИ, 2015. – С. 105–111.

24. Баасансүрэн Д. Политическая культура Монголии: традиции и современность / Д. Баасансүрэн, Х. Ойдов, Х. Аюуш // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в. : материалы междунар. науч. конф. – 2018. – С. 114–115.

25. Бакаева Э. П. Этнические стереотипы и проблема семантики кочевого жилища / Э. П. Бакаева // Монголоведение. Том 2. – Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2003. – С. 220–231.

26. Балабанова А. В. Сравнительно-уподобительные зоонимические наречия в художественной прозе Е. И. Носова / А. В. Балабанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 55. – С. 19–23.

27. Барт Р. Основы семиологии. Структурализм: «за» и «против» / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1975. – 123 с.

28. Бартминьски Е. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Е. Бартминьски, Е. Л. Березович, И. Т. Вепрева [и др.] // Quaestio Rossica. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 1389–1408.

29. Бартминьски Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьски. – М. : Индрик, 2005. – 527 с.

30. Башкуев В. Ю. В поисках глобальной информационной самопрезентации Монголии: устойчивые элементы образа Чингисхана в западных СМИ начала XXI в / В. Ю. Башкуев, П. К. Варнавский // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2018. – № 1. – С. 90–95.

31. Беликов В. И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
32. Белова О. А. Динамика изменений этнических стереотипов в российском обществе : автореф. дис. ... канд. социолог. наук / О. А. Белова. – М. : [Б. и.], 2011. – 25 с.
33. Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян : Этнолингвистическое исследование : автореф. дис докт. филол. наук / О. В. Белова. – М. : [Б. и.], 2006. – 35 с.
34. Березович Е. Л. Ономастический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. А. Рут // Известия Уральского университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2000. – № 17. – Вып. 3. – С. 33–38.
35. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 602 с.
36. Бессмертная В. В. Япония и японцы в русском языковом сознании / В. В. Бессмертная, З. В. Пасевич // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. – 2020. – С. 64–71.
37. Бобунова М. А. Сравнительно-уподобительные наречия в художественной прозе Воробьева К. Д. / М. А. Бобунова // Курское слово. Курск, 2010. – Вып. 7. – С. 31–39.
38. Богданова Н. А. К вопросу о роли стратагем в дипломатии Китая / Н. А. Богданова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 117–124.
39. Боголюбова Н. М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – СПб : Учебное пособие, 2009. – 86 с.
40. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом Тамбовск. гос. ун-та им. Г.Р.Державина, 2014. – 236 с.

41. Борисова И. З. Этноним «китаец» / «chinois» в этнофолизмах на примере французского языка / И. З. Борисова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2014. – № 2. – С. 69–74.

42. Бочкарева А. В. Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов : автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. В. Бочкарева. – М. : [Б. и.], 2014. – 26 с.

43. Бреславский А. С. Геополитические образы Монголии в зеркале бурятских СМИ (2000–2011) / А. С. Бреславский // Власть. – 2013. – № 5. – С. 76–78.

44. Бронская Т. В. Стереотипы о Монголии и реальность XXI века / Т. В. Бронская // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 109–115.

45. Бычкова Е. С. Исследование гендерных стереотипов студентов методом личностных семантических дифференциалов О. Л. Кустовой / Е. С. Бычкова, О. М. Набиева // Актуальные вопросы современной науки : Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 4-х частях, Томск, 16 декабря 2017 года. Том Часть 2. – Томск : Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2017. – С. 118–124.

46. Ванчугов В. В. Обсуждение докладов / В. В. Ванчугов // Тетради по консерватизму : Альманах Фонда ИСЭПИ : № 5. – М. : Фонд ИСЭПИ, 2015. – С. 255–266.

47. Васильев А. М. Война и переговоры. Как Вьетнам победил американского колосса / А. М. Васильев // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – № 3 (72). – С. 41–67.

48. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. Т. 1 / Л. С. Васильев. – М. : Высшая школа, 1994. – 495 с.

49. Вепрева И. Т. Наречие «по-русски» как маркер стереотипной репрезентации России / И. Т. Вепрева // Речевое воздействие в политическом дискурсе : Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург,

01–03 декабря 2016 года / Главный редактор А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016б. – С. 17–20.

50. Вепрева И. Т. Наречия *по-русски* и *по-славянски* как маркеры национально-культурной идентичности носителей русского языка / И. Т. Вепрева // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В. А. Мансуров. – М. : Российское общество социологов, 2016а. – С. 8862–8869.

51. Вережкин О. Л. Стереотипы восприятия этнических групп / О. Л. Вережкин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 6 (94). – С. 193–207.

52. Верченко А. Л. Традиции и современность в поведенческих стереотипах китайцев (на примере китайских народных праздников) / А. Л. Верченко // Перспективы. Электронный журнал. – 2022. – № 1 (28). – С. 110–119.

53. Веселовская Т. С. Особенности восприятия корейской культуры в русской культуре / Т. С. Веселовская // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия — Запад — Восток : Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», Москва, 19 мая 2015 года / ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». – М. : Ремдер, 2015. – С. 226–231.

54. Ветрова Э. С. Методология и методы лингвистических исследований: учебное пособие / Э. С. Ветрова. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 158 с.

55. Виноградов В. В. История слов : около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов ; РАН, Отд-ние лит. и яз. – М. : [Б. и.], 1999. – 1138 с.

56. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М. : Высшая школа, 1972.
57. Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Воробьев. – М. : [Б. и.], 1996. – 395 с.
58. Воробьева П. О. Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) / П. О. Воробьева // Ежегодник Япония. – 2008. – № 37. – С. 162–181.
59. Гакаев З. Ж. Этнические стереотипы в прессе: на примере освещения конфликта в Чечне : автореф. дис. ... канд. ист. наук / З. Ж. Гакаев. – М. : [Б. и.], 2003. – 26 с.
60. Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих : дис канд. филол. наук / М. В. Гаранович. – Пермь : [Б. и.], 2011. – 272 с.
61. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое / Н. А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 1. – С. 14–20.
62. Глазунова С. Е. Понять другого: вьетнамский культурный код / С. Е. Глазунова // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 1. – С. 131–140.
63. Горшунов Ю. В. Этнические стереотипы и ярлыки как средство дегуманизации / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 915–920.
64. Горшунова Е. Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. Ю. Горшунова. – Уфа : [Б. и.], 2009. – 27 с.
65. Гоцуляко О. А. Семейственность в идеологии КНДР в период руководства Ким Ир Сена / О. А. Гоцуляко // Вестник науки. – 2024. – Т. 3, № 5(74). – С. 787–792.

66. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты / А. И. Грищенко // Активные процессы в современной лексике и фразеологии : Материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. – Ярославль : Ремдер, 2007. – С. 40–52.

67. Грищенко А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175–187.

68. Гудков Л. К. К проблеме негативной идентификации / Л. К. Гудков // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. – М. : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – С. 262–299.

69. Гуров С. В. Психологические механизмы формирования социальных стереотипов / С. В. Гуров, А. Е. Вахрушева // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов : Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Новороссийск, 13–14 апреля 2017 года / Под общей редакцией В. В. Пономарева, Т. А. Куткович. – Новороссийск : Московский гуманитарно-экономический институт Новороссийский филиал, 2017. – С. 53–54.

70. Давыдов Е. В. К вопросу о признаках внешности, используемых при отождествлении лиц монголоидной и негроидной рас / Е. В. Давыдов, В. Ф. Финогенов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 10 января – 31 2012 года. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. – С. 313–317.

71. Дедок В. М. Этнокультурные средства размещения в странах Восточной Азии / В. М. Дедок // Проблемы современного востоковедения :

Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 июня 2023 г. / Под ред. В. Р. Боровой. – Минск : БГУ, 2023. – С. 157–162.

72. Демьянков В. З. Стереотип / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 177–179.

73. Денисов В. И. Россия–Корея: дипломатическим отношениям 125 лет / В. И. Денисов // Вестник МГИМО-университета. – 2009. – № 5(8). – С. 21–31.

74. Джонго Нам Особенности корейского консерватизма / Джонго Нам // Тетради по консерватизму : Альманах Фонда ИСЭПИ : № 5. – М. : Фонд ИСЭПИ, 2015. – С.100–104.

75. Дзюба Е. В. «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6. – С. 77–87.

76. Динь Ле Хонг Занг. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама в условиях соперничества великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе : дис. ... канд. политических наук / Динь Ле Хонг Занг. – Севастополь : [Б. и.], 2023. – 226 с.

77. Дмитриева О. А. Жертвенность как доминанта лингвокультурного типажа «учитель» / О. А. Дмитриева, Х. Рап // Филология и лингвистика. – 2018. – № 2(8). – С. 21–25.

78. Долгова М. В. Исследование этнических стереотипов у специалистов береговой охраны / М. В. Долгова, А. А. Хливнюк // Вестник. – 2008. – С. 47–51.

79. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. ... док. филол. наук / П. Н. Донец. – Харьков : [Б. и.], 2003. – 332 с.

80. Ду Лиюань. Лингвокультурема «Китай» в восприятии носителей русского языка / Лиюань Ду, Я. Л. Березовская // Язык. Культура. Коммуникации. – 2016. – № 2(6). – С. 6.

81. Дугаров В. Д. Россия–Монголия: евразийская идентичность в современной отечественной науке / В. Д. Дугаров // Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах. – 2019. – С. 27–37.

82. Дудич Г. О. Стереотипы в российско-корейской межкультурной коммуникации / Г. О. Дудич, Е. В. Толстогузова // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей : Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Биробиджан, 30 ноября 2022 года / Под общей редакцией И.А. Гребенниковой, Н.Г. Богаченко. – Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2023. – С. 41–44.

83. Дурейко В. А. Культурно-национальные и деловые стереотипы (на примере Китая) / В. А. Дурейко // Культура и экология - основы устойчивого развития России. Безальтернативность зеленой стратегии : Сборник материалов Международного форума, Екатеринбург, 13–15 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2021. – С. 354–358.

84. Ермолаев В. А. Гастрономия: история вопроса в социокультурном контексте / В. А. Ермолаев // Вестник культуры и искусств. – 2022. – № 2 (70). – С. 62–70.

85. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы как элемент концептуализации / В. А. Ефремов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 2(35). – С. 149–158.

86. Жалсанова Ж. Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. Б. Жалсанова. – М. : [Б. и.], 2009. – 27 с.

87. Жанцанова М. Г. Концепт «учитель» в современной лингвистике / М. Г. Жанцанова, Д. Э. Дагбаев // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2019. – № 2. – С. 32–36.

88. Жданов В. Н. Особенности стереотипного восприятия России в Японии и Японии в России / В. Н. Жданов // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – № 2. – С. 90–94.

89. Жилина Л. В. Япония и Россия: пути формирования общественного мнения о странах-соседях / Л. В. Жилина // Ежегодник Япония. – 2013. – № 42. – С. 135–153.

90. Завалишин А. Ю. Этнические стереотипы: экспликация и анализ / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20, № 2. – С. 177–196.

91. Задровская Е. С. К проблеме языка заголовков современных СМИ / Е. С. Задровская // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 143–144.

92. Заречнева Е. Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Заречнева. – Барнаул : [Б. и.], 2009. – 214 с.

93. Захаров В. П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог-2010», Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Том 9(16). – Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. – С. 137–143.

94. Захарьянц Я. А. Аспект вежливости в японской культуре / Я. А. Захарьянц // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1(5). – С. 28–31.

95. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.

96. Зимбули А. Е. Сдержанность: нравственно-ценностные ракурсы / А. Е. Зимбули // Новая наука : Стратегии и векторы развития. – 2016. – № 5-3(82). – С. 203–211.

97. Зинченко А. В. Комплекс «семь ритуалов» в японской чайной церемонии / А. В. Зинченко // МНСК-2019. Востоковедение : Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14–19 апреля 2019 года. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. – С. 86–87.

98. Иващенко А. П. Отечественная традиция в современных представлениях об этнической идентичности / А. П. Иващенко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3 (70). – С. 17–20.

99. Ионесов В. И. Вещь как культурная реальность: проекции и взаимосвязи / В. И. Ионесов // Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в меняющемся обществе : Материалы Междунар. науч. конф. 28–29 мая 2012 г. / НОУ ВПО «СИ ВШПП»; под ред. А. В. Бирюкова, В. И. Ионесова. – Самара : ООО «Изд-во ВЕК #21», 2012. – С. 242–271.

100. Казанцева В. А. Образ Японии в русской языковой картине мира : дис. ... филол. наук / В. А. Казанцева. – Липецк : [Б. и.], 2021. – 160 с.

101. Каллаур В. С. Феномен концепта «застолье» в языке и культуре (на материале русского и корейского языков) / В. С. Каллаур // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 9-1(60). – С. 100–103.

102. Калугина Т. В. Наречия образа, способа и качественной характеристики процесса как средство выражения языкового смысла (на материале Республики Крым) / Т. В. Калугина // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения : Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) / гл. ред. М. Н. Русецкая. – М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 283–289.

103. Капкан М. В. Гастрономическая культура как объект культурного наследия: проблемы экспертной оценки / М. В. Капкан // Известия Уральского

федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 173–183.

104. Капкан М. В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования / М. В. Капкан, Л. С. Лихачева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2008. – № 55. – С. 34–43.

105. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 408 с.

106. Карелова Л. Б. Проблема европоцентризма и ориентализма в современной России / Л. Б. Карелова // Тетради по консерватизму : Альманах Фонда ИСЭПИ : № 5. – М. : Фонд ИСЭПИ, 2015. – С. 152–158.

107. Качмазова А. У. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» / А. У. Качмазова, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 298–305.

108. Качмазова А. У. Этническое пространство языковой стереотипизации «свои – чужие – свои» (на материале вербальных и креолизованных Интернет-текстов) / А. У. Качмазова, Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2017. – 196 с.

109. Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация — лингвистический анализ стереотипов / У. Квастхофф // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. – СПб. : Антология, 2013. – С. 113–137

110. Керженцева Л. П. Повседневность как философская проблема / Л. П. Керженцева, В. В. Корякин // Новые идеи в философии. – 2021. – № 8(29). – С. 175–185.

111. Ким В. И. Феномен «Hallyu» как политический фактор «мягкой силы» Республики Корея / В. И. Ким // Вестник РУДН. Сер.: Политология. – 2017. – Т. 19, № 4. – С. 421–424.

112. Климцев К. Е. Сложности изучения азиатских языков (на примере китайского, корейского, японского языков) / К. Е. Климцев, В. С. Каллаур // Постулат. – 2022. – № 4-1 (78).

113. Ко Ен Чоль. Сравнение письменности новейшего корейского языка и корейского языка в Хунминчоным / Ен Чоль Ко, Ким Енсук // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 12(117). – С. 263–266.

114. Козельская Н. А., Панфилов В. Ю. Лексическое и словообразовательное значение сравнительно-уподобительные наречий / Н. А. Козельская, В. Ю. Панфилов // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 30—34.

115. Комарова В. В. Этнофолизм как элемент языка вражды / В. В. Комарова, Н. А. Осьмак // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 5(834). – С. 117–127.

116. Кон И. С. Психология предрассудка / И. С. Кон // Новый мир. – 1961. – № 10. – С. 187–205.

117. Кондакова И. А. Топонимы и этнонимы как средство выражения этностереотипа / И. А. Кондакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 118–122.

118. Кондратенков Д. А. Этнические стереотипы в системе межнациональных отношений / Д. А. Кондратенков // Актуальные проблемы гуманитарного знания : сб. статей. – М. : [Б. и.], 2018. – С. 7–10.

119. Коновалова Ю. О. Китайский национальный характер и этнические стереотипы / Ю. О. Коновалова, М. В. Симакова, Д. П. Соловьева // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 2 (25). – С. 110–115.

120. Котляков В. М. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век / В. М. Котляков, В. А. Шупер // Вопросы географии. Вып. 148. Россия в

формирующей Большой Евразии. – М. : Издательский дом «Кодекс», 2019. – С. 357–372.

121. Кочнова К. А. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации / К. А. Кочнова // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 1–4.

122. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

123. Кривенькая М. А. Лингво-когнитивные предпосылки формирования этностереотипов / М. А. Кривенькая // Этнодиалоги. – 2016. – № 2 (51). – С. 159–177.

124. Кронгауз М. А. Экспрессивные этнонимы в русском языке: оценка и интерпретация / М. А. Кронгауз, А. А. Сомин // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус : тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 50-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения (Екатеринбург, 17-18 октября 2024 г.). – Екатеринбург : Издательство «Кабинетный ученый», 2024. – С. 17–18.

125. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л. П. Крысин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 450–455.

126. Кряклина Т. Ф. Этнические стереотипы как предмет этнополитологического анализа / Т. Ф. Кряклина // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – Т. 20. – С. 1716–1720.

127. Кудряшев В. Н. Восточная экспансия российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в. / В. Н. Кудряшев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 1 (33). – С. 79–86.

128. Лебедева И. П. Японский рынок труда: диверсификация форм занятости / И. П. Лебедева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 115–127.

129. Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное / К. Леви-Строс [пер. с фр. А. З. Акопяна, З. А. Сокулер]. – М. : FreeFly, 2006. – 398 с.

130. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.

131. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности : колл. монография / под ред. О. А. Дмитриевой. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 228 с.

132. Линь Ле Тхи Фыонг. К вопросу о национальных стереотипах коммуникативного поведения в российско-вьетнамской бизнес-коммуникации / Ле Тхи Фыонг Линь // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2023. – Т. 15. – С. 56–64.

133. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Общественное мнение, 2004. – 384 с.

134. Литвинова Т. Н. Образ Монголии глазами россиян (по результатам интернет-опроса) / Т. Н. Литвинова // Социодинамика. – 2019. – № 1. – С. 91–100.

135. Лиханова Н. А. «Великий чайный путь» в условиях трансграничья: этнолингвокультурный аспект / Н. А. Лиханова, Р. Е. Ляхов // Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона. – 2016. – С. 67–71.

136. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

137. Лобанова А. С. Об эмоционально-оценочных этнонимах в языке коми-пермяков / А. С. Лобанова // Коми-пермяцкий этнографический сборник. – СПб. : Изд-во «Маматов», 2014. – С. 172–185.

138. Ложкина А. С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931-1939) : дис. ... канд. ист. наук / А. С. Ложкина. – М. : [Б. и.], 2009. – 258 с.

139. Лоскутникова А. М. Основные особенности национальной психологии и поведения как основа изучения иностранного языка (на материале корейского языка) / А. М. Лоскутникова // Проблемы качества образования. Психолого-педагогические аспекты гуманитарной культуры общества. Управление в региональных социально-экономических системах : Сборник докладов XVII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, Таганрог, 15 апреля 2016 года. – Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2016. – С. 67–73.

140. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках / А. В. Лукин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 608 с.

141. Лю Цзоюань. Исследование имиджа Китая в России / Цзоюань Лю // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11, № 1А. – С. 234–240.

142. Май К Да. Проблемы культурной интеграции протестантизма во Вьетнаме (опыт историко-философского анализа) : автореф. дис канд. филос. наук / К Да Май. – М. : [Б. и.], 2019. – 34 с.

143. Мальцева О. П. «Пятилетка» Ким Чен Ына: традиции и новации / О. П. Мальцева // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: политика, экономика, культура : V Международная корееведческая конференция, 18–19 мая 2016 г. : тезисы и доклады / отв. ред. И. А. Толстокулаков. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 48–56.

144. Манцаева А. Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации / А. Н. Манцаева, Д. Н. Батаева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 218–221.

145. Маремукова Э. В. Языковая проекция стереотипов в разных лингвокультурах / Э. В. Маремукова // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – Т. 6, № 4 (24). – С. 146–155.

146. Маркова О. В. К вопросу о культурных стереотипах, ментальности и национальном характере корейцев / О. В. Маркова, И. В. Пилипенко // Туризм в современном мире: направления и тенденции развития : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 10-летию кафедры «Социально-культурный сервис и туризм», Хабаровск, 28–29 марта 2013 года / под ред. В. А. Чернова. – Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2013. – С. 144–147.

147. Масако Я. Искусство проведения японской чайной церемонии / Я. Масако // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. – 2006. – № 3(32). – С. 53–58.

148. Маслова В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В. А. Маслова // Вестник СогУ. – 2008. – № 4. – С. 30–37.

149. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

150. Махмудова А. В. «Картина мир» и «стереотипы» как основные понятия когнитивной лингвистики / А. В. Махмудова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 1 (68). – С. 400–401.

151. Минеева З. И. Словообразовательное гнездо с вершиной Китай в современном русском языке / З. И. Минеева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2019. – № 6. – С. 942–950.

152. Миньяр-Белоручева А. П. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2 (8). – С. 90–94.

153. Мирошниченко М. Г. Стереотипы о Японии и японцах / М. Г. Мирошниченко, О. В. Чибисова // Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 192–199.

154. Митина Я. С. Особенности правовой оценки тоталитарного режима в современном мире (на примере Северной Кореи) / Я. С. Митина // Проблемы

и перспективы в международном трансфере инновационных технологий : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Пермь, 12 февраля 2018 г.). – Стерлитамак : АМИ, 2018. – С. 72–73.

155. Михайлик О. Н. Феномен «Корейской волны»: синтез запада и Востока? / О. Н. Михайлик // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 31–40.

156. Михайлова О. А. Семантико-прагматический потенциал наречия по-китайски в современных российских СМИ / О. А. Михайлова, Юйсяо Чэн // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 46–62.

157. Михайлова О. А. Семантико-прагматический потенциал наречия по-китайски в современных российских СМИ / О. А. Михайлова, Юйсяо Чэн // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 46–62.

158. Михайлова Ю. Д. Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке / Ю. Д. Михайлова // Япония. – 2007. – № 36. – С. 171–187.

159. Михалев А. В. «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России / А. В. Михалев // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 93–101.

160. Мокрополова А. Н. Основные стратегии перевода / А. Н. Мокрополова, Г. А. Шушарина // Обозреватель – Observer. – 2016. – № 11 (322). – С. 87–97.

161. Мосьпан М. Б. Чайные традиции азиатских стран: Китай и Япония / М. Б. Мосьпан // Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах : материалы II научно-теоретической онлайн-конференции с международным участием, Курск, 15 декабря 2021 г. / под ред. В. П. Гаврилюк. – Курск, 2021. – С. 41–45.

162. Мурзаев М. С. Влияние межличностных контактов на динамику этнических стереотипов : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. С. Мурзаев. – М. : [Б. и.], 2003. – 28 с.

163. Мухачева А. М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Мухачева. – Томск : [Б. и.], 2003. – 14 с.

164. Мухин М. Ю. Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста / М. Ю. Мухин // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 105–115.

165. Мучкина Е. С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов / Е. С. Мучкина // Филология и человек. – 2010. – № 4. – С. 107–118.

166. Налчаджян А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.

167. Нарочницкая Е. А. Подъем Азии и Европа / Е. А. Нарочницкая // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 3. – С. 13–41.

168. Нгуен Куок Хунг. Экономические модели Монголии и Вьетнама: общее и различия / Куок Хунг Нгуен, Т. В. Леженина // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26, № 1(171). – С. 16–22.

169. Нгуен Минь Туан. Природа информационно-психологической войны во Вьетнаме : 1954–1975 гг. : автореф. дис. канд. филол. наук / Нгуен Минь Туан. – Воронеж : [Б. и.], 2019. – 24 с.

170. Нгуен Суан Тханг. Особенности формирования имиджа Вьетнама в интернет – СМИ России (2010–2012) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Суан Тханг. – М. : [Б. и.], 2017. – 22 с.

171. Нгуен Шон Нам. Эволюция правового регулирования государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нгуен Шон Нам. – М. : [Б. и.], 2022. – 26 с.

172. Нельсон Т. Психология предубеждений: Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / Т. Нельсон. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.

173. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. –

Вып. 426 : Язык. Поэтика. Перевод. – М. : Моск. гос. лингв. ун-та, 1996. – С. 112–116.

174. Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т. М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – С. 112–131.

175. Новоженова З. Л. Что и как у русских по-польски / З. Л. Новоженова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Саратов. ун-т, 2014. – Вып. 14. – С. 134–145.

176. Норбури П. Япония : путеводитель по обычаям и этикету / П. Норбури [пер. с англ. Ю. Е. Бугаева]. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 159 с.

177. Носов М. Г. Россия между Европой и Азией / М. Г. Носов // Современная Европа. – 2013. – № 3 (55). – С. 22–40.

178. Нурзет Д. С. Б. Некоторые особенности перевода устного публичного выступления с корейского языка на русский язык / Д. С. Б. Нурзет // Эпомен: филологические науки. – 2023. – № 4. – С. 202–212.

179. Овчинников В. В. Ветка сакуры : рассказ о том, что за люди японцы / В. В. Овчинников. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 223 с.

180. Огольцева Е. В. Образный потенциал сравнительно-уподобительных наречий / Е. В. Огольцева // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. – 2008. – Вып. 13. – С. 4–8.

181. Павлова А. В. От понятия к «концепту». бесконечный тупик лингвокультурологии / А. В. Павлова, А. В. Прожилов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2013. – № 4. – С. 79–90.

182. Пальцева И. И. Стереотипы-символы Японии в российском общественном сознании / И. И. Пальцева, А. Н. Птицын // Грани науки. – 2013. – С. 187–188.

183. Панарин С. А. Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии / С. А. Панарин // Лабиринт. – 2014. – № 6. – С. 66–76.

184. Панина П. С. Построение бизнеса в странах Восточной Азии / П. С. Панина // Научный альманах. – 2020. – № 5-1. – С. 29–32.

185. Пасевич З. В. Языковые средства выражения этностереотипов в текстах русских анекдотов о китайцах / З. В. Пасевич // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3–3 (105). – С. 148–155.

186. Пильгун Е. В. Стратегии формирования коммуникативного пространства многополярного мира / Е. В. Пильгун // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6 (102). – С. 122–130.

187. Писарева А. С. Современная японская чайная церемония как один из способов достижения внутренней гармонии / А. С. Писарева // Молодежь и научно-технический прогресс : Сборник докладов IX международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4 томах, Губкин, 14 апреля 2016 года. Том 4. – Губкин : Общество с ограниченной ответственностью «Ассистент плюс», 2016. – С. 228–233.

188. Плунгян В. А. «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Моск. лингвистич. журн. – 1996. – Т. 2. – С. 340–351.

189. Плюснин Ю. М. Генетически и культурно обусловленные стереотипы поведения / Ю. М. Плюснин // Поведение животных и человека: сходство и различия : сборник научных трудов / АН СССР, Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова, Н.-и. ВЦ ; [отв. ред. Е. Н. Панов, Л. Ю. Зыкова]. – Пущино : ОНТИ Науч. центра биол. исслед. АН СССР, 1989. – С. 89–106.

190. Попов А. С. Феномен «вежливость» в условиях восточной культуры (на примере Японии и Китая) / А. С. Попов // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 8. – С. 267–276.

191. Попова Е. А. Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира / Е. А. Попова, В. А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 42–45.

192. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
193. Попова М. А. Выбор тоталитаризма или демократии: анализ разделения Северной и Южной Кореи по принципу политического режима / М. А. Попова // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 11(112). – С. 48–52.
194. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница» (субъектное позиционирование) дис. ... канд. филол. наук / С. В. Попова. – Астрахань : [Б. и.], 2012. – 211 с.
195. Пронников В. А. Японцы. Этнографические очерки / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М. : Наука, 1983. – 270 с.
196. Пузанова Ж. В. Использование психосемантических методов в изучении этнических стереотипов / Ж. В. Пузанова, А. В. Медведева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2013. – № 1. – С. 87–116.
197. Путин В. В. «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной...» / В. В. Путин // Евразийство : теория и практика. – М. : Арктогея центр, 2001. – С. 3.
198. Пыжова О. В. Философско-культурологические аспекты этнического образа мира / О. В. Пыжова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 20(91). – С. 276–282.
199. Разумкова А. В. Лингвистический/этнолингвистический аспект понятия «стереотип» / А. В. Разумкова // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского : материалы докладов гуманитарных секций региональной университетской научно-практической конференции, Калуга, 16 января – 16 2017 года. – Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского», 2017. – С. 454–459.

200. Ракитина О. В. Особенности межэтнических авто- и гетеростереотипов / О. В. Ракитина, Л. М. Багдасарян // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 4(57). – С. 138–144.

201. Резвушкина Т. Использование метода семантического дифференциала при изучении гендерных стереотипов / Т. Резвушкина // Гендерные исследования в Центральной Азии. – Алматы : Центр гендерных исследований, 2002. Электронный ресурс. URL: <http://archive.li/DRay>. (дата обращения: 27.03.2025).

202. Рогожин А. А. Юго-Восточная Азия - в приоритетах российской политики «поворота к Азии» / А. А. Рогожин, Н. Г. Рогожина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 1. – С. 185–203.

203. Романенко Н. Преодоление негативных этнических стереотипов в поликультурных студенческих группах на примере МГИМО / Н. Романенко // Человеческий капитал. – 2017. – № 5. – С. 42–46.

204. Румер Е. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина / Е. Румер, Д. В. Тренин ; Евгений Румер, Дмитрий Тренин, Хуашен Чжао; [пер. с англ. Борис Пинскер]. – М. : Новое изд-во, 2008. – 244 с.

205. Русова И. А. Ориентационная метафора в политическом дискурсе / И. А. Русова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4(38). – С. 139–147.

206. Русская разговорная речь / Е. А. Земская (отв. ред.). – М. : Наука, 1973. – 485 с.

207. Рыбкина А. Д. Динамика лингвокультурного типажа «Учитель» (на материале советских произведений 1960-х и 1970-х гг.) / А. Д. Рыбкина, Л. Ю. Костина // Исследовательские парадигмы в современной филологии : Материалы VII Всероссийской научной конференции, КубГУ, 30 ноября 2022 года. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. – С. 309–312.

208. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов / В. А. Рыжков // Знаковые проблемы письменной коммуникации. – Куйбышев : [Б. и.], 1985. – С. 15–21.

209. Рычева Е. Р. Оценка современного состояния экономики Южной Кореи / Е. Р. Рычева // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 6. – С. 400–405.

210. Рябова Т. Б. Антиамериканизм по-ивановски: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов / Т. Б. Рябова, А. А. Лямина // Женщина в российском обществе. – 2007. – № 1(42). – С. 50–57.

211. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : автореф. ... док. филол. наук / Л. А. Савелова. – Архангельск : [Б. и.], 2009. – 46 с.

212. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – СПб. : Издательство «Русский мир», 2016. – 640 с.

213. Сандомирская И. Идиомы и культура: в поисках общего основания / И. Сандомирская // Etnolingwistyka. – Lublin : [Б. и.], 1996. – № 8. – С. 9–23.

214. Сачивко Я. В. Разновидности этностереотипов и их роль в изучении национального характера / Я. В. Сачивко // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 12. – С. 428–434.

215. Севастьянов А. Н. Русь Ордынская / А. Н. Севастьянов // Национальные приоритеты России. – 2018. – № 4(31). – С. 3–15.

216. Севостьянова Е. В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. / Е. В. Севостьянова // Российско-Китайские Исследования. – 2019. – № 3(3). – С. 62–75.

217. Селюнина О. А. Стереотипные представления русских о Японии и японцах (на материале русских анекдотов) / О. А. Селюнина, Цяньгун Чэнь // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2020. – № 2(39). – С. 71–78.

218. Семедов С. А. Имидж Монголии: между самобытностью и глобализацией / С. А. Семедов, В. А. Сухарева // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 172–185.

219. Сикевич З. В. Система этностереотипов в массовом сознании русских / З. В. Сикевич // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 3. – С. 53–58.

220. Сироткина Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимии / Т. А. Сироткина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4(16). – С. 53–59.

221. Скрипичникова Н. С. Концепт «учитель» в языковой картине мира разных культур / Н. С. Скрипичникова, О. В. Литвяк // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 12. – С. 189–192.

222. Сморгунов Л. В. Восприятие Японии в российском общественном сознании / Л. В. Сморгунов, О. А. Игнатьева // Японские исследования. – 2022. – № 4. – С. 56–74.

223. Созаев К. Г. Этнические стереотипы в системе межнациональных отношений в полиэтнической среде населения / К. Г. Созаев // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1–7.

224. Соколов С. М. Этнологическая концепция евразийства / С. М. Соколов // Вестник БГУ. – 2014. – № 14–1. – С. 28–31.

225. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 389 с.

226. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

227. Сорокина Н. В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе / Н. В. Сорокина // Язык и культура. – 2013. – № 3(23). – С. 120–139.

228. Сохань И. В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах / И. В. Сохань // Вестник Томского государственного

университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 1(9). – С. 99–109.

229. Ставропольский Ю. В. Культурфилософский анализ дискурса азиатской феминности / Ю. В. Ставропольский // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера : сборник статей по материалам научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016 года / Часть 2. – Ханты-Мансийск : ООО «Формат», 2017. – С. 236–245.

230. Степанова Г. С. Динамика этностереотипов русских в ретроспективном и поколенном контекстах / Г. С. Степанова // Психология и педагогика в системе гуманитарного знания : материалы XVII международной научно-практической конференции, 2015. Москва, 30–31 декабря 2015 года. – М. : Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. – С. 71–76.

231. Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 53–61.

232. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

233. Струкова М. И. Стереотипы восприятия Японии жителями Китая в контексте современных отношений двух стран / М. И. Струкова, Е. А. Щелконогова // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2007. – № 6. – С. 190–196.

234. Сухова М. В. Вещь в контексте повседневности: особенности предмета материальной культуры как источника в антропологическом исследовании / М. В. Сухова // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность : Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–03 апреля 2021 года / Отв. редактор В. А.

Веретенко. Том 1. – СПб. : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. – С. 97–102.

235. Сухомлинова В. В. Признаки синтеза конфуцианства с марксизмом в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой Новой эпохи / В. В. Сухомлинова // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 30–38.

236. Сюй Лили. Синонимические средства объективации концептов упорство и упрямство в русском языке / Лили Сюй // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 2(86). – С. 572–581.

237. Сюэ Бо. Этнические стереотипы как коммуникативные барьеры (на примере русско-китайской межкультурной коммуникации) / Бо Сюэ // Язык в различных сферах коммуникации : Материалы III Международной научной конференции, Чита, 20–21 сентября 2019 года. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 86–89.

238. Таганова Т. А. Этностереотип: лингвистический и лексикографический аспекты / Т. А. Таганова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(14). – С. 72–77.

239. Таирова А. В. Изучение национально-культурных стереотипов поведения китайцев как один из факторов создания благоприятной психологической атмосферы в процессе межкультурного взаимодействия / А. В. Таирова, А. А. Качалова // Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 15. – С. 201–205.

240. Таирова А. В. Роль национально-культурных стереотипов поведения представителей стран АТР (Китай) в контексте современной межкультурной коммуникации / А. В. Таирова, А. А. Качалова // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : материалы 2-ой Международной научно-методической конференции, Воронеж, 26–27 января 2012 года / Воронежский государственный

университет, филологический факультет. – Воронеж : [Б. и.], 2012. – С. 401–405.

241. Тангалычева Р. К. Преодоление стереотипов восприятия и поведения в российско-корейской межкультурной коммуникации / Р. К. Тангалычева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 4. – С. 127–143.

242. Ташлыкова Н. Ю. Современные дискуссии о концепте «русская цивилизация» / Н. Ю. Ташлыкова // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. – 2022. – Т. 5, № 5. – С. 68–73.

243. Терентьев В. И. Монголия как миф? / В. И. Терентьев // Россия и Монголия: опыт и перспективы международной интеграции в образовании и науке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова и 80-летию победы битвы на Халхин-Голе / под ред. Н. В. Антиповой. – Чебоксары : ИД «Среда», 2019. – С. 53–56.

244. Терентьев В. И. Средневековое мышление у современных монголов / В. И. Терентьев, И. С. Сысун // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2021. – № 46. – С. 105–111.

245. Тикуев А. Х. Формирование образа Китая у студентов-востоковедов / А. Х. Тикуев // Философия образования. – 2010. – № 3. – С. 281–289.

246. Титаренко А. С. Представления о Китае в русском народном сознании / А. С. Титаренко // Известия уральского федерального университета. – 2014. – № 2. – С. 243–251.

247. Толстая С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8-12 сент. 2009 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 262–264.

248. Торкунов А. В. Современная Корея. Метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.) / А. В. Торкунов, Г. Д. Толорая, И. В. Дьячков. – М. : Просвещение, 2021. – 448 с.

249. Третьякова, М. С. Минимализм в дизайне интерьера: эстетические истоки простоты / М. С. Третьякова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2016. – № 3. – С. 411–421.

250. Ульянова, О. А. Реальный социализм: Pro Et Contra / О. А. Ульянова // Экономический журнал. – 2010. – № 2(18). – С. 79–85.

251. Уонг Минь Туан. Концепт «Вьетнам» в русском языковом сознании: что русские знают о Вьетнаме / Минь Туан Уонг // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2018б. – № 3. – С. 52–64.

252. Уонг Минь Туан. Концепт Вьетнам в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Минь Туан Уонг. – Екатеринбург : [Б. и.], 2020. – 181 с.

253. Уонг Минь Туан. Наречие по-вьетнамски в современной публицистике: трансляция культурной информации / Минь Туан Уонг // Молодые голоса : сб. тр. молодых ученых. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2017. – Вып. 6. – С. 33–45.

254. Уонг Минь Туан. Перцептивный образ концепта Вьетнам в русском языковом сознании / Минь Туан Уонг // Мир русского слова. – 2018а. – № 4. – С. 64–69.

255. Устюндаг С. Национальные стереотипы в отношении России в современной турецкой прессе / С. Устюндаг // Клио. – 2014. – № 12. – С. 81–83.

256. Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1(1). – С. 102–109.

257. Федорова В. С. Китайский народ: мифы и реальность / В. С. Федорова, А. Г. Усынина // Диалог культур-диалог о мире и во имя мира. – 2022. – С. 258–262.

258. Финогенов В. Ф. Оценка идентификационных признаков лиц монголоидного антропологического типа / В. Ф. Финогенов // Информационная безопасность регионов. – 2010. – № 1(6). – С. 94–97.

259. Фролова Н. Х. Изменение концепта «учитель» / Н. Х. Фролова, Е. В. Дулова, Н. А. Зазерина // Жизненно важные навыки 21 века: новые подходы к иноязычному образованию и переводу : Материалы III международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Борисовой Людмилы Михайловны, Коломна, 02–03 декабря 2021 года / .. Том Выпуск 3. Часть I. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2021. – С. 120–127.

260. Храмушина Ж. А. О формировании положительных этностереотипов как одной из актуальных проблем межкультурного образования / Ж. А. Храмушина, Е. В. Грунина // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2009. – № 4. – С. 198–201.

261. Царева М. А. Культурный образ в межкультурной коммуникации (на примере Японии) : дис. ... канд. культурологии / М. А. Царева. – Комсомольск-на-Амуре : [Б. и.], 2006. – 23 с.

262. Цецхладзе Л. Т. Образ Республики Кореи в русскоязычных СМИ (на примере интернет-газеты Lenta.ru) / Л. Т. Цецхладзе // Медиасреда. – 2016. – № 11. – С. 120–125.

263. Цюй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии / Юн Цюй. – Комсомольский-на-Амуре : [Б. и.], 2011. – 187 с.

264. Чан Тхи Хоанг Йен. Имидж Вьетнама в российской прессе XX-XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тхи Хоанг Йен Чан. – Воронеж : [Б. и.], 2014. – 23 с.

265. Чан Тхи Хоанг Йен. Имидж Вьетнама и туризм / Тхи Хоанг Йен Чан // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 760–760.
266. Чан Тхи Хоанг Йен. Формирование имиджа Вьетнама в современной российской прессе / Тхи Хоанг Йен Чан // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 250–254.
267. Чан Хыу Тхан. Антикоррупционная политика как фактор политической стабильности в современном Вьетнаме: автореф. дис канд. полит. наук / Хыу Тхан Чан. – М. : [Б. и.], 2018. – 27 с.
268. Чен Жуйун. Отношение к этностереотипам в современном российском обществе (на примере Китая и Сингапура) / Жуйун Чен, М. А. Б. Р. Ван // Национальная Ассоциация Ученых. – 2022. – № 79-1. – С. 25–27.
269. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 240 с.
270. Чугров С. В. Япония: вновь в поисках идентичности? / С. В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 12. – С. 72–80.
271. Чыонг Май Хай. Особенности языковой репрезентации концепта «семья/gia đình» в русской и вьетнамской линвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Май Хай Чыонг. – Махачкала : [Б. и.], 2018. – 24 с.
272. Чэн Юйсяо. Образ Китая в российских СМИ: лингвоаксиологический аспект: автореф. дис канд. филол. наук / Юйсяо Чэн. – Екатеринбург : [Б. и.], 2020. – 24 с.
273. Шелехов И. Л. Этнические стереотипы современных женщин / И. Л. Шелехов, В. А. Постоева, В. П. Пахомов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 10(73). – С. 91–94.

274. Ши Ся. Китай, китайский, китаец в русской фразеологии / Ши Ся // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2008. – № 2. – С. 120–126.
275. Шкунов В. Н. Торговые связи Российской Империи и Кореи в XVIII-XIX вв. / В. Н. Шкунов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – № 3(2). – С. 358–363.
276. Шляхтин Г. С. Соотношение имплицитных и эксплицитных этнических стереотипов у русских и немцев / Г. С. Шляхтин, С. В. Давыдов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2006. – № 1(5). – С. 137–150.
277. Щербаева А. А. Лингвокультурные типы «учитель» и «врач» общекультурные и индивидуально-авторские характеристики (на материале прозы А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Щербаева. – Ставрополь : [Б. и.], 2010. – 22 с.
278. Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. – Л. : Наука, 1985. – 330 с.
279. Яковец Ю. В. Большая Евразия : стратегия партнерства цивилизаций и объединений : Научный доклад / Ю. В. Яковец, Е. Е. Растворцев. – М. : МИСК, 2017. – 64 с.
280. Ян Жуи. Отражение национального имиджа Китая в российских СМИ в период пандемии / Жуи Ян // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. – 2021. – С. 310–316.
281. Allport G. W. The Nature of Prejudice / G. W. Allport, K. Clark, T. Pettigrew. – United States : Addison-Wesley Publishing Company, 1954. – 537 p.
282. Bartmiński J. Stereotypy językowe / J. Bartmiński, J. Panasiuk // Współczesny język polski. – 1993. – Vol. 2. – P. 363–387.
283. Castano E. Protecting the in-group stereotype: In group identification and the management of deviant in-group members / E. Castano, M.-P. Paladino, A.

Coull // The British journal of social psychology. – 2002. – Vol. 41 (3). – P. 365–386.

284. Douglas M. Deciphering a meal / M. Douglas // Food and Culture: A Reader / ed. By C. Counihan and P. Van Esterik. – New York, London : Routledge, 1997. – P. 36–54.

285. English A. S. Ethnic stereotype formation and its impact on sojourner adaptation: A case of “belt and road” Chinese migrant workers in Montenegro / A. S. English, X. Zhang, F. Zhao et al. // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18, no. 18. – P. 1–16.

286. Herbert W. S. Second Language Research Methods / W. S. Herbert, E. Shohamy. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 270 p.

287. Mirga A. Stereotyp jako model «prawdziwego swojego» i «obcego». (Próba konstrukcji teoretycznej zjawiska stereotypu) / A. Mirga // Prace Etnograficzne. – Krakow, 1984. – Zesz. 19. – P. 51–70.

288. Nunan D. Research Methods in Language Learning / D. Nunan. – Cambridge : Cambridge university press, 2004. – 249 p.

289. Punti G. Rethinking race, ethnicity, and the assessment of intercultural competence in higher education / G. Punti, M. Dingel // Education Sciences. – 2021. – Vol. 11, no 3. – P. 1–17.

290. Putnam H. Is Semantics Possible? / H. Putnam // Mind, Language and Reality. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975a. – P. 139–152.

291. Putnam H. The meaning of «meaning» / H. Putnam // Mind, Language and Reality. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975b. – P. 215–271.

292. Weber M. The Religion of China. N.Y. : Free Press, 1951. – 308 p.

293. Wilson M. Asking questions / M. Wilson // Data Collection and Analysis /eds. By R. Sapsford and V. Jupp. – London : Sage Publications and the Open University Press, 1996. – 372 p.

294. 顧長永. 越南: 巨變的二十年. 臺灣商務印書館股份有限公司, 2007. 209 頁 . (Гу Чанюнь. Вьетнам: два десятилетия великих перемен / Гу Чанюнь. – Тайвань : Коммерческое издательство. 2007. – 209 с.)

295. 关世杰. 中华文化国际影响力调查研究. 北京大学出版社, 2016. 816 页 . (Гуань Шицзе. Исследование международного влияния китайской культуры / Гуань Шицзе. – Пекин : Издательство Пекинского университета. 2016. – 816 с.)
296. 金文学. 中国人 日本人 韩国人. 山东人民出版社, 2002. 278 页. (Цзинь Вэньсюе. Китаец, японец, кореец / Цзинь Вэньсюе. – Шаньдун : Шаньдунское народное издательство. 2002. – 278 с.)
297. 李玮. 俄罗斯人眼中的中国形象. 北京大学出版社, 2016. 328 页. (Ли Вэй. Образ Китая в глазах россиян / Ли Вэй. – Пекин : Издательство Пекинского университета. 2016. – 328 с.)
298. 李永晶. 變異: 日本二千年. 三聯書店(香港) 有限公司, 2023. 482 页. (Ли Юнцзин. Вариации: Две тысячи лет в Японии / Ли Юнцзин. – Гонконг : Издательство Санълян (Гонконг) Лтд. 2023. – 482 с.)
299. 施正鋒. 中國與俄羅斯之間的蒙古. 台灣國際研究學會, 2021. 259 页. (Ши Чжэнфэн. Монголия между Китаем и Россией / Ши Чжэнфэн. – Тайвань : Издательство Тайваньского общества международных исследований. 2021. – 259 с.)
300. 孙芳. 俄罗斯的中国形象. 人民出版社, 2010. 268 页. (Сунь Фан. Образ Китая в России / Сунь Фан. – Пекин : Народное издательство. 2010. – 268 с.)